

Вестник Московского университета

ISSN 2074-6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

4/2017

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 4 • 2017 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Зигмантович Д.С.* Эволюция взглядов на устный перевод в западноевропейской научной традиции 3
- Мишуров Э.Н.* Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть II: «предположение» — «понимание») 21
- Соколова Н.В.* Наукометрический подход как эффективный инструмент анализа современного состояния переводоведения 58

Методология перевода

- Дин Нин.* Специфика перевода портретных характеристик героев романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на китайский язык 70
- Тарасова М.А.* Один текст — пять произведений: анализ переводов стихотворения «Anyone lived in a pretty how town» Э.Э. Каммингса . . 80
- Цю Ши.* Проблемы передачи стилистических особенностей художественных текстов при переводе с русского на китайский язык . . 95

Вопросы терминологии и лексикографии

- Бялэк Э.* Что такое *переводной словарь*? В поисках ответа 103
- Цай Хунянь.* К проблеме отражения фрагмента языковой картины мира в русском и китайском толковых словарях 124

Памяти

- Миронова Н.Н.* Роман Романович Чайковский (1939–2017) 133
- Указатель статей и материалов,* опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2017 год 136

Contents

General Translation Theory

<i>Zigmantovich, D.S.</i> Evolution of Research into Interpreting in the Western European Scientific Tradition	3
<i>Mishkurov, E.N.</i> The Hermeneutical Methodological Standard of Translation in the Mirror of Transdisciplinarity (Part II: Pre-understanding – Understanding)	21
<i>Sokolova, N.V.</i> The Scientometric Approach as an Effective Tool of Analyzing the Current State of Translation Studies	58

Translation Methodology

<i>Din Nin.</i> Translating Portrait Characteristics of the Heroes of <i>Fathers and Sons</i> by Ivan Turgenev into Chinese	70
<i>Tarasova, M.A.</i> One Text – Five Works: An analysis of the Translations of E.E. Cummings’s Poem <i>Anyone Lived in a Pretty How Town</i>	80
<i>Qiu Shi.</i> Translating Stylistic Features of Literary Texts from Russian into Chinese	95

Terminology and Lexicography

<i>Bialek, E.</i> Translation Dictionary – What Is It? Looking for an Answer . . .	103
<i>Cai Hongyan.</i> Reflecting a Fragment of the Language World View in Russian and Chinese Explanatory Dictionaries.	124

Memory

<i>Mironova, N.N.</i> Roman Romanovich Chaikovsky (1939–2017)	133
Index of Articles and Other Materials Published in Scientific Journal <i>Vestnik Mosckovskogo Universiteta. Seria 22. Teoria Perevoda</i> in 2017. . .	139

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Д.С. Зигмантович, аспирант Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА УСТНЫЙ ПЕРЕВОД В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

В результате двух мировых войн в XX веке два вида переводческой деятельности официально оформились в профессии. Речь идёт о последовательном и синхронном переводчиках, которые играют важную роль в установлении контактов между разноязычными людьми в различных сферах. Это привело к необходимости более детального изучения механизмов устного перевода для оптимизации и совершенствования методики перевода. В настоящей статье рассматривается история изучения устного перевода в Западной Европе с середины XX века, с описанием основных исследователей и их идей, что представляет большой интерес и ценность для отечественной школы устного перевода.

Ключевые слова: устный перевод, устный последовательный перевод, устный синхронный перевод, история перевода, теория устного перевода.

Daria S. Zigmantovich, Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

EVOLUTION OF RESEARCH INTO INTERPRETING IN THE WESTERN EUROPEAN SCIENTIFIC TRADITION

In the twentieth century and due to the two World Wars, interpreting (consecutive and simultaneous alike) was recognized as an official profession. Its representatives play an important role in establishing contacts between people speaking different languages in various areas. These events led to the necessity of a more detailed study of the mechanisms of interpreting in order to optimize and improve the didactics of interpreting. This article describes the history of studying interpreting in the Western Europe from the middle of the 20th century with a description of principal researchers and their ideas, which is of the utmost interest and of great value for the Russian school of interpreting.

Key words: interpreting, consecutive interpreting, simultaneous interpreting, interpreting history, interpreting studies.

Устный перевод играет важную роль в обеспечении понимания между людьми, говорящими на разных языках. Такую функцию он выполнял на протяжении всей истории человечества, но особенно актуальным это стало лишь в прошлом и нынешнем столетиях

в связи с рядом событий, в результате которых появились две профессии – последовательный и синхронный переводчик. В свою очередь теория устного перевода получила своё развитие как в Западной Европе, так и в других странах. Широко известны работы советских/российских исследователей Р.К. Миньяр-Белоручева, Г.В. Чернова, А.Ф. Ширяева, М.Я. Цвиллинга, Е. Гофмана, Н.К. Гарбовского, И.С. Алексеевой, П.Р. Палажченко, А.П. Чужакина и др.

Настоящая статья посвящена рассмотрению истории внедрения практики новых видов устного перевода в деятельность международных организаций и эволюции взглядов на устный перевод у западноевропейских исследователей после Второй мировой войны. За основу принимаются работы французского лингвиста и переводчика Д. Жилия. В статье будут освещены и проанализированы основные положения предложенной французским специалистом периодизации эволюции теоретических взглядов на устный перевод.

Крупномасштабные события первой половины XX века сыграли важную роль в оформлении занятия новыми видами устного перевода в профессиональный и оплачиваемый вид деятельности. Сам по себе устный перевод существовал всегда, поскольку люди, говорящие на разных языках, с древних времён и по целому ряду причин вступали в контакт друг с другом: военные походы и взятие пленных, проведение мирных переговоров, обмен опытом в таких сферах, как торговля или культура [Baigorri-Jalón, 2015; Hermann, 2002]. К таким событиям, в частности, относится Первая мировая война (1914–1918 гг.), по завершении которой была организована Парижская мирная конференция (18 января 1919 – 21 января 1920 г.), где наряду с французским официальным языком международной дипломатии был признан ещё и английский. Это можно считать первой крупной многосторонней встречей, которая положила начало регулярной практике устного последовательного перевода (далее – УПП) на официальных встречах на высшем уровне в Лиге Наций (1919 г.), а затем и в других международных организациях: Международная организация труда (1919 г.) и Постоянная палата международного правосудия (1922 г.) [Baigorri-Jalón, 2014: 24; Dam, 2010: 76].

Важным достижением Парижской мирной конференции стало не только использование УПП, но и формирование целой группы выдающихся и талантливых переводчиков, которые впоследствии закладывали основы последовательного перевода и сыграли свою роль в совершенствовании техники устного перевода, его дидактики и теоретизации.

До 1946 года УПП занимал ведущее место в обеспечении коммуникации на международном уровне. Однако постепенно многие начали осознавать недостатки этого вида переводческой деятельности, использование которого значительно увеличивало время работы заседаний, поскольку каждое предложение исходного языка повторялось на языке перевода [Чернов, 2016: 5; Gaiba, 1998: 4; Russo, 2010: 333; Baigorri-Jalón, 2014: 133]. Тогда начались поиски более эффективной замены, которой стал устный синхронный перевод (далее – УСП), преимущество которого заключается, в первую очередь, в том, что перевод осуществляется одновременно с речью выступающего с задержкой лишь в несколько секунд.

В качестве эксперимента синхронный перевод начал постепенно использоваться на многосторонних встречах в Международной организации труда, а затем и в Лиге Наций. Но использование УСП на регулярной основе было невозможно в силу недоверия к нему со стороны последовательных переводчиков и отсутствия соответствующего оборудования, которое было создано совместными усилиями бостонского бизнесмена Эдварда Филина и британского инженера Гордона Финлея. Благодаря этим людям в 1925 году в Женеве, в штаб-квартире Лиги Наций, было установлено первое оборудование для синхронного перевода. В том же году оборудование было установлено и в Международной организации труда [Baigorri-Jalón, 2014: 135–136].

Первые опыты синхронного перевода сначала успешно проводились в Международной организации труда. В 1928 году были введены первые кратковременные специализированные курсы, целью которых было научить отобранных кандидатов выполнять на высоком уровне до того нигде не применявшийся устный синхронный перевод [ibid.: 140–143]. Выпускники таких курсов и стали первыми синхронными переводчиками, что в свою очередь доказывало состоятельность идеи об использовании этого инновационного вида переводческой деятельности. Однако в Лиге Наций на проведение подобного рода экспериментов не соглашались в течение долгого времени, поскольку работавшие там последовательные переводчики не верили в возможность успешной практики УСП.

Ситуация значительно изменилась в середине прошлого столетия в связи со Второй мировой войной (1939–1945 гг.), по завершении которой был проведён международный суд над Германией, Японией и Италией в немецком городе Нюрнберг (20 ноября 1945 – 1 октября 1946 г.). За время работы Нюрнбергского процесса была доказана возможность осуществления синхронного перевода, который по сей день играет большую роль в организации международ-

ных конференций и встреч. Помимо этого, эти события положили начало регулярной практике УСП и его оформлению в профессиональный вид деятельности [Гарбовский, 2007: 172; Матасов, 2008: 21]. В результате работы в Нюрнберге была сформирована целая группа переводчиков, многие из которых и дальше продолжили переводческую деятельность в стенах Организации Объединённых Наций (1945 г.) и других международных организаций.

Другим важным результатом проведения Нюрнбергского процесса стало начало исследования и описания механизмов устного перевода самими практикующими переводчиками и преподавателями, проведения экспериментов психологами для научных, дидактических и методологических нужд и изучения этого сложного вида переводческой деятельности сквозь призму различных аспектов и дискурсов.

Проблема написания истории переводческого опыта и истории теории о переводе занимает довольно важное место в науке о переводе. В связи с этим встают вполне закономерные вопросы о том, что должно выступать в качестве основы для построения истории переводческого опыта, где и как следует проводить границы между периодами и целесообразно ли выделять отдельные этапы для исторического описания перевода [Шор, 1973: 277–278; Гарбовский, 2007: 19; Костикова, 2011: 10–11]. Не менее важной и актуальной проблемой является необходимость разграничения истории переводческого опыта и истории теоретических исследований и взглядов на деятельность переводчиков. Эти взаимосвязанные направления имеют различные цели: первое делает акцент на развитии практики перевода в целом, а второе освещает отношение к переводу и переводческой деятельности теоретиков, практиков, исследователей и общества в целом в тот или иной период [Костикова, 2011]. Эти рассуждения можно применить к устному переводу следующим образом: практика устного перевода (сначала в качестве неофициального рода деятельности, а затем в виде полноценной профессии) существовала всегда, поскольку разноязычные народы на протяжении всей истории выстраивали между собой отношения. В том, что касается истории теоретических изысканий, немаловажно отметить, что теоретизация, анализ и исследование устного перевода были начаты лишь в XX веке под влиянием ряда событий в общественной жизни людей.

Большая часть периодизаций переводческого опыта берёт за основу рассмотрение переводческой деятельности в целом, делая акцент на письменном переводе (с указанием, тем не менее, на развитие и роль устного перевода в отдельности). Отчасти это спра-

ведливо, поскольку описание устного перевода началось лишь в середине прошлого столетия. Однако теория устного перевода имеет статус под(отрасли) переводоведения и располагает своими предметом и объектом исследования [Pöchhacker, 2004]. Следовательно, логично предположить, что история развития взглядов на устный перевод заслуживает разработки своей собственной периодизации.

В этой связи большой интерес представляют собой идеи французского исследователя и автора большого количества статей и работ по устному переводу Даниэля Жилья. В 1992 году на съезде переводчиков в Вене он предложил первую периодизацию эволюции взглядов на устный перевод, охватывающую, однако, лишь западноевропейскую науку [Gile, 1994]. Тем не менее, данная периодизация обладает рядом преимуществ, в частности, для отечественной теории устного перевода, поскольку систематизирует большую часть трудов, посвящённых рассматриваемой области.

Даниэль Жиль предлагает выделить четыре этапа в истории исследований устного перевода:

1. 1950-е гг. — появление первых работ, написанных устными практикующими переводчиками и преподавателями устного перевода, в которых описывается их опыт и наблюдения;

2. 1960 — начало 1970-х гг. — исследование устного перевода психологами, связанными с переводом лишь косвенно, при отсутствии сотрудничества с практикующими переводчиками;

3. Начало 1970 — середина 1980-х гг. — изучение устного перевода устными практикующими переводчиками при отсутствии сотрудничества с представителями других научных областей;

4. 1986 — наст. время — сотрудничество переводчиков-практиков с теоретиками, внедрение междисциплинарного подхода к изучению механизмов устного перевода, взаимодействие на международном уровне [Gile, 1994: 149–152].

В статье, опубликованной в 1995 году, Даниэль Жиль указывает на то, что выделяемая им периодизация основана на анализе работ эмпирического характера [Gile, 1995: 201].

Д. Жиль описывает каждый период, приводя основные вопросы, которые интересовали исследователей. Тем не менее, он не предлагает детального изложения идей написанных в своё время трудов и проведённых экспериментов. Для дополнения и воссоздания более полной картины истории переводческих взглядов на устный перевод мы обратились к работам, упомянутым Д. Жилем в периодизации, и привели в настоящей статье их ключевые положения и результаты.

1. Пятидесятые годы: первые шаги¹

Этот период отличается написанием работ дескриптивного характера. В основном, это размышления преподавателей устного перевода и самих переводчиков об особенностях этой сложной профессии и необходимых требованиях к успешному осуществлению устного перевода. Эти работы основаны на личном опыте и наблюдениях и не обладают никакой научной базой. Тем не менее, эти труды охватывают наиболее важные вопросы, которые до сих пор не утратили своей актуальности. К числу представителей данного периода относятся преподаватели устного перевода и переводчики из Брюсселя (Ван Оф) и Женевы (Ж. Эрбер, Ж.-Ф. Розан, Ж. Илг) [Gile, 1994: 149]. Отдельно стоит отметить труд Ж. Эрбера «Руководство для устного переводчика: как стать конференциальным переводчиком» (франц. *Manuel de l'interprète: comment on devient interprète de conférence*), в котором описываются основные правила, действующие в устном последовательном и синхронном переводе, и навыки, необходимые для успешного осуществления переводческой деятельности [Herbert, 1952]. Эта и другие работы выделили ряд ключевых проблем релевантных для устного перевода и заложили основу для исследований, проводимых впоследствии психологами.

Заканчивается первый период в 1957 году, когда переводчица из Вены Ева Панет защитила в Лондонском университете магистерскую диссертацию «Исследование конференциального перевода: подготовка устных переводчиков» (англ. *An Investigation into Conference Interpreting: With Special Reference to the Training of Interpreters*)². Данная работа выступает своего рода переходом к следующему периоду, связанному с психологией. Исследовательница собрала и систематизировала все имеющиеся у неё данные наблюдений за практикой последовательного и синхронного переводов и описала методики их преподавания в школах устного перевода в Европе [Paneth, 1957/2002].

---

¹ Названия всех четырёх периодов даются в переводе с французского языка по материалам статьи Даниэля Жили (См.: Gile, D. Opening up in Interpretation Studies. Translation Studies: An Interdiscipline: Selected papers from the Translation Studies Congress, Vienna, 9–12 September 1992, ed. by M. Snell-Hornby, F. Pöchhacker, K. Kaindl. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994, pp. 149–158).

² См.: Paneth, E. An Investigation into Conference Interpreting (With Special Reference to the Training of Interpreters). Master's thesis, University of London, 1957.

2. Экспериментальный период: связи с психологией

В начале 1960-х гг. к изучению устного и, в частности, синхронного перевода, обратились так называемые «*scientifiques “extérieurs”*» или «внешние исследователи»: психологи и психолингвисты, для которых перевод не является основной деятельностью. К числу таких исследователей относятся П. Олерон и Ю. Нанпон (Франция), Г. Барик и Э. Трисман (США), Ф. Голдман-Эйслер и Д. Гервер (Великобритания). Все, за исключением Д. Гервера, лишь один или два раза обратились к изучению синхронного перевода (а иногда и нашёптывания) для получения тех или иных данных, необходимых для их сферы деятельности — психологии [Gile, 1995: 203–204].

Исследователи рассматриваемого периода проводили эксперименты, направленные на изучение психических и психолингвистических аспектов УСП. Прежде всего, их интересовала одновременность осуществления процессов восприятия и говорения, временные характеристики, а также зависимость перевода от особенностей речи говорящего и ряда других факторов: язык исходного сообщения, шум, скорость оратора, отставание переводчика от оратора, паузация исходного сообщения и т.д. [Gile, 1994: 148]. Однако все опыты проводились при отсутствии сотрудничества с практикующими переводчиками.

Яркими представителями данного периода являются французские психологи Пьер Олерон и Юбер Нанпон, которые работали с глухими детьми, и к изучению УСП они обратились с целью анализа особенностей восприятия текста. Результаты их исследований отражены в их совместном труде «Исследование синхронного перевода» (франц. *Recherches sur la traduction simultanée*)³. Основное внимание они сосредоточили на изучении временных и количественных характеристик УСП: время отставания устного переводчика от оратора и паузация исходного сообщения.

Для проведения эксперимента французские исследователи использовали записи речей с заседаний ЮНЕСКО и записи речей, сделанные в их лаборатории. Все отобранные речи отличались друг от друга скоростью воспроизведения текста оригинала, поскольку одни речи были спонтанными, а другие переводились с листа [Oléron, Nanpon, 1965/2002: 44].

В результате наблюдений и исследований было выявлено, что отставание синхрониста от оратора — категория переменная. Этот отрезок может быть длиннее или, наоборот, короче, в зависимости

---

³ См.: Oléron, P., Nanpon, H. Recherches sur la traduction simultanée. Journal de Psychologie Normale et Pathologique. 1965. Vol. 62 (1). P. 73–94.

от особенностей языка (использованных выражений, например) и паузации исходного сообщения оратором. Несмотря на нехватку соответствующего качественного оборудования, французским психологам удалось зафиксировать некоторую количественную информацию. Отставание устного переводчика от оратора может меняться в зависимости от ряда факторов: условия и обстоятельства восприятия информации, скорость подачи сообщения, тип текста, организация подачи исходного сообщения (переводчик должен прослушать часть материала, прежде чем начать его переводить). В среднем это отставание составляет от 2 до 8 секунд (в некоторых случаях оно может достигать и 10 секунд). В том случае, если оратор говорит в быстром темпе и без пауз, то тогда синхронист сильно отстаёт от него (соответственно, время отставания увеличивается, и переводчик пытается его сократить, что приводит к ошибкам в переводе). Если оратор говорит, расставляя в речи паузы, то переводчик успевает передавать всю информацию и может на стабильном уровне поддерживать отставание. Помимо этого, французские психологи признают ещё и то, что паузы имеют различную продолжительность и, соответственно, определённую значимость [Oléron, Nanpon, 1965/2002: 45–47].

П. Олерон и Ю. Нанпон приходят к важному выводу: устный синхронный перевод представляет собой сложный набор операций, и при изучении этого комплексного вида переводческой деятельности необходимо обращать внимание не только на лингвистические, но и на психологические факторы (например, способность переводчиков к концентрации и выполнению нескольких задач одновременно). Сочетание в исследованиях данных лингвистики и психологии может помочь лучше понять механизмы УСП, а также составить представление о том, как осуществить наиболее успешный перевод [Oléron, Nanpon, 1965/2002].

Следующим представителем рассматриваемого периода является Энн Трисман – специалист в области психологии внимания и профессор факультета психологии Принстонского университета (США). Область её интересов охватывает изучение зрительного и слухового внимания, восприятия и памяти. К изучению синхронного перевода она обратилась, чтобы оценить влияние избыточности текста на процесс его восприятия. Помимо этого, она обратила внимание и на время отставания устных переводчиков от оратора и на время реагирования синхронистов [P chhacker, 2015: 63].

В 1972 году к изучению УСП как формы порождения спонтанной речи обратилась английский психолог Фрида Голдман-Эйслер. Она, как и её современники, исследовала паузацию, разные виды хезитаций (как своего рода «окно» в речи) и время отставания устных

переводчиков от оратора. В рамках своего исследования Ф. Голдман-Эйслер пришла к гипотезе о том, что паузы в исходном сообщении являются для переводчиков необходимым и полезным интервалом, во время которого они стремятся проговорить как можно больше информации на языке перевода. Сами же переводчики делают паузы для того, чтобы услышать, что говорит оратор, и чтобы избежать одновременных процессов восприятия и порождения речи [Röschhacker, 2004: 34; Setton, 1999: 28–30].

Американский психолог Генри Барик в 1969 году написал первую докторскую диссертацию по вопросам устного перевода «Изучение устного синхронного перевода» (англ. *A Study of Simultaneous Interpretation*) на кафедре психологии в Университете Северной Каролины. Исследователь традиционно интересовался временными характеристиками при УСП (паузы, скорость и отставание переводчика от оратора).

В диссертации Г. Барик описывает соответствующий эксперимент, для проведения которого выделил так называемые «независимые» переменные (англ. “*independent*” variables):

- тип переводимого материала (спонтанная речь, наполовину подготовленная речь, полностью подготовленная и отрепетированная речь и подготовленная речь официального характера (чтение письменного текста));

- уровень опыта переводчиков (два профессиональных устных переводчика, два обучающихся устному переводу студента и два билингва без опыта работы с устным переводом);

- направление перевода (на родной (доминирующий) язык или на иностранный (приобретённый или слабый) язык).

Эксперимент показал, что начинающие переводчики не ждут пауз в речи оратора и приступают к переводу сразу после осмысления ряда слов. Иная ситуация наблюдается в случае с опытными переводчиками, которые стремятся осуществлять перевод во время пауз, избегая, таким образом, одновременного говорения с оратором [Barik 1969: 12–18]. Тем самым, осуществление УСП признавалось Г. Бариком невозможным (а это противоречит реальной практике), что можно объяснить отсутствием на тот момент времени качественной переводческой базы, достаточных опыта и данных. Разумеется, подобного рода заявления вызвали соответствующую реакцию со стороны практикующих переводчиков, что, в свою очередь, привело к отсутствию сотрудничества переводчиков с психологами. А это отрицательно сказалось на возможности полного и комплексного изучения перевода.

Другим выдающимся исследователем устного перевода с позиций психологии является британский психолог Дэвид Гервер. В 1970 году

в Оксфорде он написал докторскую диссертацию, посвящённую вопросам УСП. В этой работе он отразил результаты проведённых им экспериментов о влиянии шума, скорости и паузации исходного сообщения на процесс перевода [Gerver, 1969/2002; 1971]. Основываясь на полученных данных, он сформулировал самую первую теорию устного синхронного перевода, основанную на понятиях долгосрочной и кратковременной (буферной) памяти, механизмов распределения внимания, контроля над порождаемым текстом и вносимых поправок в процессе перевода [Gerver, 1975].

Для проведения эксперимента по установлению влияния скорости оратора на работу синхрониста исследователь использовал предварительно прочитанный французом текст на французском языке (примерно 550 слов), который при помощи оборудования был поделён на пять частей с разной скоростью воспроизведения: 95, 112, 120, 142 и 164 слова в минуту. Десять опытных синхронных переводчиков должны были перевести этот материал на английский в двух разных условиях: первая группа – в режиме нашёптывания, а вторая группа – синхронно [Gerver (1969) 2002: 55]. Британский психолог пришёл к важному выводу о том, что скорость, с которой оратор воспроизводит текст оригинала, оказывает весомое влияние на деятельность переводчиков (вне зависимости от того, в каком режиме они работают). Однако в большей степени это касается тех, кто переводил сообщения синхронно. Более того, в случае с УСП ошибок и опущений допускалось намного больше, чем в случае с нашёптыванием при более высокой скорости. Д. Гервер установил, что темп в 100–120 слов в минуту является наиболее подходящей скоростью для синхронистов, в то время как при нашёптывании переводчики могли увеличивать этот порог до 130 и более слов в минуту [Gerver, 1969/2002: 57–63; 1975: 121–122].

В случае со вторым экспериментом, связанным с влиянием шума на работу устных переводчиков, британский психолог попросил двенадцать переводчиков синхронно и посредством нашёптывания перевести шесть записанных отрывков на французском языке из докладов ЮНЕСКО (по 500 слов каждый, прочитанные со скоростью 120 слов в минуту). Перевод осуществлялся в трёх разных условиях: отсутствие шума, средний и высокий уровни шума. Результаты показали, что по мере увеличения уровня шума синхронисты начинали значительно отставать от ораторов и допускать большое количество ошибок, в отличие от второй группы испытуемых, осуществлявших перевод в режиме нашёптывания [Gerver 1971: 7–25].

Ещё одним важным достижением Д. Гервера стала организация первой международной междисциплинарной конференции по во-

просам устного перевода, которая состоялась в Венеции в 1977 году. В этой встрече приняли участие представители разных научных областей – лингвистика, когнитивная психология, социология, изучение искусственного интеллекта [Pöchhacker, 2015: 64]. Это стало первой попыткой объединить усилия представителей разных областей для более детального изучения синхронного перевода. Однако в ходе конференции не удалось прийти к каким-либо результатам.

3. С начала семидесятых до середины восьмидесятых годов: исследования практикующих переводчиков

В начале 1970-х гг. начался новый период в исследовании механизмов устного синхронного перевода. Как и в случае с первым периодом, интерес к изучению и теории УСП проявили сами переводчики и преподаватели устного перевода. Однако работы, написанные в рассматриваемый период, носили далеко не дескриптивный характер: переводчиками проводились эксперименты.

Было написано огромное количество работ и статей и защищено немало диссертаций по устному переводу. Основным центром, в котором проводились исследования, был Париж. Однако изучением устного перевода занимались и в других странах, которые, к сожалению, не смогли справиться с влиянием Парижской школы, работавшей изолированно от всех, и довести свои идеи до международного уровня: Западная и Восточная Германия, Швейцария и другие европейские страны, СССР, Чехословакия и Япония. Отличительной чертой этого периода является отсутствие сотрудничества между научными сообществами разных стран, а также лингвистов, психологов или когнитивистов с переводчиками [Gile, 1994: 150; Gile, 2001: 45].

Первым устным переводчиком, написавшим и защитившим докторскую диссертацию по вопросам устного перевода, стала Ингрид Пинтер (в замужестве Курц) из Вены (1969 г.) [Pöchhacker, 2004: 34; Gile, 1994: 150]. Она изучала устный перевод сквозь призму нейрофизиологии. В частности, её интересовали такие вопросы, как возможности человеческой памяти, воздействие стресса и влияние выполнения различного рода упражнений на перевод [Прунч, 2015: 218].

Центральное место в эти годы занимали идеи, разработанные представителями Парижской школы⁴. Речь, в частности, идёт об

---

⁴ Полное название: Ecole Supérieure d'Interprètes et de Traducteurs (ESIT), Université de la Sorbonne Nouvelle, Paris III (Высшая школа устных и письменных переводчиков при Сорбонне).

интерпретативной теории, или теории смысла (франц. *théorie du sens*). Именно данная концепция получила наибольшее распространение в рассматриваемый период и до сих пор не утратила своей актуальности. Её основным автором стала опытная переводчица-самоучка Даница Селескович. В течение многих лет она собирала данные об устном переводе и результаты наблюдений за ним, что, в конечном итоге, и было сформулировано в единую концепцию. В развитии и доработке интерпретативной теории ей активно помогала другая французская переводчица – Марианна Ледерер [Gile, 1994: 150–151; Röchhacker, 2004: 35].

Важным положением их концепции является противопоставление лингвистическим теориям, которые по большей части основываются на сравнении систем разных языков. Д. Селескович и М. Ледерер указывают на то, что те различия, которые существуют между языками, не являются препятствием для осуществления перевода (и практика – главное доказательство) [Seleskovitch, 2001: 113–114].

Как видно из названия, центральным понятием во французской теории является «интерпретация», то есть понимание переводчиком смысла исходного сообщения. Переводчик воспринимает высказывание целиком, вычленяет его смысл и затем стремится понятно передать его своими словами на языке перевода (не следуя при этом синтаксису языка исходного сообщения). Важно лишь то, что значат все вместе взятые слова в пределах конкретного высказывания. Так, при переводе рождается новое высказывание, новая структура с сохранением смысла, заключённого в сообщении на исходном языке. Таким образом, переводчик не идёт за словом, а переводит смысл [ibid.: 105–109]. Помимо этого, французские исследовательницы обращают внимание на ряд факторов, играющих немаловажную роль при устном переводе: взаимодействие лингвистических и внелингвистических знаний, память, ораторский портрет и др.

Представителями Парижской школы были разработаны настолько влиятельные идеи, что интерпретативная теория перевода фактически стала главенствующей в этой области и не уступала место ни одной другой противоречащей ей концепции. Такое положение французская теория сохраняла почти два десятилетия – вплоть до 1986 года.

4. «Возрождение»

В соответствии с периодизацией, новый этап в исследовании устного синхронного перевода начался в середине 1980-х гг. и продолжается до сих пор. Парижская школа создала огромную базу

для изучения устного перевода, однако отказывалась принимать концепции, разработанные в других областях и странах. По этой причине новое поколение переводчиков начало призывать к внедрению междисциплинарного подхода в изучение УСП, чтобы вывести его за пределы существовавших уже долгое время программ.

В ноябре 1986 года в университете Триеста (Италия)⁵ состоялась конференция, посвящённая теоретическим и практическим вопросам преподавания устного перевода. Именно тогда и была поставлена цель преобразовать существующую парадигму в более совершенную. На конференции было принято решение, что в ходе исследований для достижения эффективных результатов необходимо использовать данные и открытия из других дисциплин: нейропсихологии, психолингвистики, нейрофизиологии, медицины в целом, когнитивистики и т.д. Также было положено начало сотрудничеству между переводческими школами и исследовательскими центрами разных стран [Gile, 1994: 152; Röchhacker, 2015: 65–66].

Проведённая в Италии конференция дала большое количество результатов. Во-первых, практикующие переводчики, занимающиеся исследованием устного перевода, больше не работают изолированно: они обращаются к представителям других научных направлений и используют их достижения. Во-вторых, количество эмпирических исследований заметно возросло. В-третьих, новые центры исследований начали появляться в Скандинавии, Восточной Европе, Азии и Австралии (там, где основным языком не был французский, потому что до этого важными центрами были Париж, Брюссель и Женева). Необходимость в сотрудничестве подталкивала к коммуникации, масштабы которой постоянно нарастали, и английский язык стал главным средством общения. Создавались не существовавшие до этого специальные площадки для обмена информацией: в 1988 году был опубликован первый выпуск первого журнала по вопросам устного перевода *The Interpreters' Newsletter*, который выступил средством для коммуникации между практиками и теоретиками устного перевода. Одной из характерных особенностей этого издания стала публикация библиографических списков. В 1990 году Даниэль Жиль основал свою собственную информационную сеть CIRIN Bulletin⁶, также предназначенную для размещения таких списков [Gile, 1995: 210; Röchhacker, 2015: 65–66].

---

⁵ Scuola Superiore per Interpreti e Traduttori (Высшая школа устного и письменного перевода).

⁶ An international information network on conference interpreting research (CIR), <http://www.cirinandgile.com/>

Периодизация эволюции взглядов на устный перевод, предложенная Даниэлем Жилем, представляет большой интерес для всех исследователей устного перевода. Эта периодизация знакомит читателей с основными исследователями и направлениями изучения в области. Однако она не лишена недостатков.

Во-первых, без внимания Д. Жилия остался межвоенный период: в годы проведения первых экспериментов с синхронным переводом в Лиге Наций и в Международной организации труда испанский психолог Хесус Санз осуществил ряд наблюдений за устным переводом. По мнению некоторых исследователей, именно труд этого испанского психолога и является одной из самых первых работ, посвящённой вопросам устного перевода [Röchhacker, 2004: 32; Baigorri-Jalón, 2014: 72]. В 1930 году Х. Санз провёл ряд бесед с 20 практикующими переводчиками. Результаты своих наблюдений он представил на VI конгрессе прикладной психологии в Барселоне в 1930 году. Исследователь перечислил ряд качеств и когнитивных способностей, которыми должны обладать устные переводчики. К ним относятся эрудиция, концентрация, интуиция и память. Х. Санз посвятил отдельную часть доклада синхронному переводу, выделив особые требования к его успешному осуществлению: правильное распределение внимания и высокая скорость обработки поступающей информации [Röchhacker, 2004: 33; Röchhacker, 2015: 63].

Во-вторых, в периодизации не отражена деятельность советских переводчиков и психологов (переводчики Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.В. Чернов, А.Ф. Ширяев, а также психологи И.А. Зимняя, В.П. Зинченко и др.), которые внесли довольно весомый вклад в изучение механизмов УСП. Советские исследователи опирались на достижения психолингвистики, которая позволяет более детально взглянуть на взаимосвязь речемыслительных процессов, психологии человека и особенностей функционирования мозга [Миньяр-Белоручев, 1959; Чернов, 1978; Ширяев, 1979].

И, наконец, в-третьих, доклад, в котором французский переводчик излагает свои идеи, был опубликован ещё в прошлом столетии — в 1994 году. Очевидно, что за прошедшие два десятка лет в области устного перевода произошли значительные изменения. Сегодня исследованиями занимаются новые специалисты: Б. Мозер-Мерсер (Швейцария), Ф. Пёххакер (Австрия), Б. Алексиева (Болгария), Ф. Поятос и Х. Баигорри-Жалон (Испания), Х.В. Дам (Дания), С. Берк-Селигсон (США) и др. Современные исследователи изучают устный перевод не только с позиций психологии или психолингвистики, но и сквозь призму других направлений: социология, культура, юриспруденция, этика и т.д.

Австрийский исследователь Ф. Пёххакер разработал свою периодизацию эволюции исследований устного перевода, которая учитывает недостатки предыдущей. Выделение периодов у теоретика сводится к названиям подглав во II главе «Развитие» (англ. *Evolution*) его труда «Введение в теорию устного перевода» (англ. *Introducing Interpreting Studies*). Но, несмотря на это, автором предлагается развёрнутый список исследователей, занимающихся изучением устного перевода не только в Западной Европе, но и в Дании, Канаде, КНР, СССР (затем – в России), США, Финляндии, Южной Корее и Японии. К числу основных периодов Ф. Пёххакер отнёс:

1. «Первые шаги: профессионалы и психологи» (англ. *Breaking ground: professionals and psychologists*);
2. «Заложение научных основ» (англ. *Laying academic foundations*);
3. «Возрождение и новое начало» (англ. *Renewal and new beginnings*);
4. «Укрепление и объединение позиций» (англ. *Consolidation and integration*);
5. «Теория устного перевода в XXI веке» (англ. *Interpreting studies in the twenty-first century*) [P chhacker, 2004].

К другим преимуществам данной периодизации относится то, что теоретик описывает состояние науки об устном переводе не только в дипломатической и политической сферах, но и в юридической, здравоохранительной и социальной областях.

В целом, изучение и анализ работ зарубежных исследователей по переводу представляют собой несомненную ценность для дидактики, практики и последующей теоретизации рассматриваемой разновидности переводческой деятельности и развития переводческой мысли, в частности, в России.

Проводимые в конце XX века конференции приводят к положительным изменениям. Число международных и межуниверситетских конференций активно растёт. Сотрудничество между разными сообществами крепнет, и здесь большую роль играют не только семинары, конференции и встречи, но и организация специальных программ обмена будущими учёными и профессиональными устными переводчиками. Увеличивается и число проводимых исследований в области устного перевода, подрастает новое поколение переводчиков-практиков и теоретиков. Задействуются данные и достижения самых разнообразных областей для более глубокого изучения и понимания процессов и механизмов УСП (изучение внимания, памяти, психологии переводчиков, деятельности их мозга и др.).

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.
- Garbovsky, N.K.* Teorija perevoda [The Theory of Translation], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (in Russian).
- Костикова О.И.* История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2011. № 2. С. 3–22.
- Kostikova, O.I.* Istorija perevoda: predmet, metodologija, mesto v nauke o perevode [The History of Translation: Subject Matter, Methodology, Place in Translation Studies], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22, Teorija perevoda*, 2011, No. 2, pp. 3–22 (in Russian).
- Матасов Р.А.* Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 2. С. 18–34.
- Matasov, R.A.* Sinkhronnyi perevod na Nurnbergskom processe [Simultaneous Interpretation at the Nuremberg Trial], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22, Teorija perevoda*, 2008, No. 2, pp. 18–34 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух. М: Изд-во Института международных отношений, 1959. 190 с.
- Mignard-Beloručev, R.K.* Metodika obučeniya perevodu na slukh [Methodology of Teaching Aural Translation], Moscow: Izd-vo Instituta mezhdunarodnyh otnoshenij, 1959, 190 p. (in Russian).
- Прунч Э.* Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
- Prunch, E.* Puti razvitiia zapadnogo perevodovedeniia. Ot iazykovoi assimetrii k politicheskoi [The ways of development of eastern theory of translation. From language asymmetry to political] / Per. s nem. [Translated from German]. Moscow: R. Valent, 2015, 512 p. (in Russian).
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978. 256 с.
- Chernov, H.V.* Teorija i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and Practice of Simultaneous Interpretation], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. 256 p. (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Shiryayev, A.F.* Sinkhronnyj perevod. Deyatel'nost sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavanija sinkhronnogo perevoda [Simultaneous Interpretation. Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpretation], Moscow: Voenizdat, 1979. 183 p. (in Russian).
- Шор В.* Как писать историю перевода? // Мастерство перевода. 1973. № 9. С. 277–295.
- Shor, V.* Kak pisat istoriju perevoda? [How to Write the History of Translation?], *Masterstvo perevoda*, 1973, No. 9, pp. 277–295 (in Russian).

- Baigorri-Jalón, J.* From Paris to Nuremberg: The birth of conference interpreting. Translated by H. Mikkelson and B. Slaughter Olsen. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014, 277 p.
- Baigorri-Jalón, J.* The History of the Interpreting Profession, Holly Mikkelson and Renée Jourdenais (eds.), The Routledge Handbook of Interpreting. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2015, pp. 11–28.
- Barik, H.C.* A Study of Simultaneous Interpretation. Unpublished thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of Psychology. University of North Carolina at Chapel Hill, 1969, 349 p.
- Dam, H.V.* Consecutive interpreting, Y. Gambier and L. van Doorslaer (eds.), Handbook of Translation Studies: Volume 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010, pp. 75–79.
- Gaiba, F.* The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. Ottawa: University of Ottawa Press, 1998, 191 p.
- Gerver, D.* A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation. *Meta: Translators' Journal*, vol. 20, No. 2, 1975, pp. 119–128. (<https://www.erudit.org/revue/meta/1975/v20/n2/002885ar.pdf>).
- Gerver, D.* Simultaneous and Consecutive Interpretation and Human Information Processing. London: Social Science Research Council Report, HR 566/1, 1971, 100 p.
- Gerver, D.* The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters, 1969, Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger (eds.), The Interpreting Studies Reader. London and New York: Routledge, 2002, pp. 53–66.
- Gile, D.* Opening up in Interpretation Studies. Translation Studies: An Interdiscipline: Selected papers from the Translation Studies Congress, Vienna, 9–12 September 1992, ed. By M. Snell-Hornby, F. Pöchhacker, K. Kaindl. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994, pp. 149–158.
- Gile, D.* Évolution de la recherche empirique sur l'interprétation de conférence, TTR: traduction, terminologie, rédaction, Vol. 8, No 1, 1995, pp. 201–228. (<http://www.erudit.org/revue/ttr/1995/v8/n1/037202ar.pdf>)
- Gile, D.* Conference and simultaneous interpreting, Mona Baker (ed.), Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London and New York: Routledge, 2001, pp. 40–45.
- Herbert, J.* How Conference Interpretation Grew, D. Gerver and H.W. Sinaiko (eds.), Language Interpretation and Communication. New York and London: Premium Press, 1978, pp. 5–10.
- Herbert, J.* Manuel de l'interprète, comment on devient interprète de conférences. 2ème édition, revue et augmentée. Genève: Librairie de l'Université Georg, 1952, 112 p.
- Hermann, A.* Interpreting in Antiquity, F. Pöchhacker and M. Shlesinger (eds.), Interpreting Studies Reader. London; New York: Routledge, 2002, pp. 15–22.

- Oléron, P., Nanpon, H.* Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris), 1965, Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger (eds.), *The Interpreting Studies Reader*. London and New York: Routledge, 2002, pp. 43–50.
- Paneth, E.* An Investigation into Conference Interpreting, 1957, Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger (eds.), *The Interpreting Studies Reader*. London and New York: Routledge, 2002, pp. 31–40.
- Pöchhacker, F.* *Introducing Interpreting Studies*. London and New York: Routledge, 2004, 264 p.
- Pöchhacker, F.* Evolution of Interpreting Research, Holly Mikkelson and Renée Jourdenais (eds.), *The Routledge Handbook of Interpreting*. London and New York: Routledge, 2015, pp. 62–76.
- Russo, M.* Simultaneous Interpreting, Y. Gambier and L. van Doorslaer (eds.), *Handbook of Translation Studies: Volume 1*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010, pp. 333–336.
- Seleskovitch, D.* Interpréter un discours n'est pas traduire une langue, Danica Seleskovitch et Marianne Lederer (eds.), *Interpréter pour traduire*. 2-e éd. Paris: Didier Érudition, 2001, pp. 104–115.
- Setton, R.* *Simultaneous Interpretation: A cognitive-pragmatic analysis*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1999, 397 p.

Э.Н. Мишкuroв, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

ГЕРМЕНЕВТИКО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ В ЗЕРКАЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ (часть II: «предпонимание» — «понимание»)

«Проблема перевода, некогда воспринимаемая как вопрос филологической техники, приобретает ныне философский статус»

Н.С. Автономова

«Герменевтика наводит мосты между противоположными точками зрения»

Энтони Тисельтон

Во второй части комплексного исследования четырёхступенчатого «герменевтико-переводческого методологического стандарта», включающего «предпонимание», «понимание», «интерпретацию» и «переводческое решение», рассматриваются первые две стадии работы переводчика, обеспечивающие гармоничную трансдисциплинарную кооперацию различных социально-гуманитарных наук с теорией и практикой межъязыкового посредничества. Построение современной герменевтической парадигмы перевода как системообразующего синергетического конструкта теории и практики межъязыкового посредничества позволяет найти оптимальный подход к продуктивному синтезу многочисленных концепций, моделей и методологических проектов, накопленных современной транслатологией в нашей стране и за рубежом. «Герменевтический поворот» в философии и во всех нынешних успешно развивающихся социально-гуманитарных науках — одно из очевидных свидетельств в пользу развития переводоведения и его современных практических приложений в «герменевтическом русле» научно-методической мысли.

Ключевые слова: герменевтическая парадигма перевода; герменевтико-переводческий методологический стандарт (конструкт); предпонимание; понимание; интерпретация; переводческое решение; герменевтическая спираль.

Eduard N. Mishkurov, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

THE HERMENEUTICAL METHODOLOGICAL STANDARD OF TRANSLATION IN THE MIRROR OF TRANSDISCIPLINARITY (Part II: Pre-Understanding — Understanding)

In the second part of the complex study of the four-stage hermeneutic-translation methodological standard, which includes pre-understanding, understanding, interpreta-

tion, and translation solution, the first two stages of the translator's work are considered, ensuring a harmonious transdisciplinary cooperation of various social and human sciences with the theory and practice of interlingual mediation. The construction of a modern hermeneutic paradigm of translation as a system-forming synergetic construct of the theory and practice of inter-linguistic mediation allows us to find the optimal approach to the productive synthesis of numerous concepts, models and methodological projects accumulated by modern translatology both in Russia and abroad. The "hermeneutical turn" in philosophy and in all current successfully developing social and humanitarian sciences clearly testifies in favor of the development of translation studies and their modern practical applications in the "hermeneutic channel" of scientific and methodological thought.

Key words: hermeneutical paradigm of translation, hermeneutical methodological standard (construct), pre-understanding, understanding, interpretation, translation solution, hermeneutical spiral.

1. В ч. I настоящего исследования мы лапидарно обозначили некоторые аспекты подведения под «герменевтическую парадигму перевода (ГПП)» философского «герменевтического методологического стандарта (ГМС)», который ныне модернизирован в интересах теории и методологии перевода в виде «герменевтико-переводческого методологического стандарта (ГПМС)» [см.: Мишкуров, 2015: 33–35].

Как известно, в качестве оптимальной метатеории и унифицирующей методологии в западноевропейском переводоведении с 50-х годов XX в. успешно применяются модели/парадигмы «философско-переводческой герменевтики», во многом, тем не менее, базирующихся на принципах классической «филологической герменевтики» и практическом опыте перевода памятников античной культуры на язык современной культуры в духе лучших традиций эпохи Возрождения и в их последующих хронотопных модификациях.

В XX в. неоднократно предпринимались попытки системно обрисовать контуры переводческого процесса и обозначить его начальные, промежуточные и завершающие этапы, допуская при этом немотивированное сдвигание их границ, соединение и отождествление принципов их идентификации по целям, задачам и функциям в рамках искомой профессионально-феноменологической редукции. Так, П.М. Топер констатирует, что «каждый перевод – это интерпретация» [Топер, 1998: 182], а Н.С. Автономова фактически солидаризируется с формулой П. Рикёра, гласящей, что «понимать – это и значит переводить» [Автономова, 2010: 119–120].

Напомним, что разрабатываемый нами ГПМС представляет собой концептуально-методологическую и рефлексивно-процедурную базу, подводимую под ГПП, которая идентифицируется как эпистемо-синергетическая, креативно-концептуальная целокупность современного переводоведческого знания и практического опыта, воспринятую профессиональным сообществом в качестве

образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач. Иначе говоря, ГПМС выстраивается нами как герменевтико-методологический конструкт аутентичной трансдисциплинарной переводческой деятельности.

К общефилософскому постулату о сущности ГПП мы добавляем конкретно дефинированную трактовку ГПП как системно выстроенную по принципу функциональной дополнительной дискурсивную соборность философо-/филолого-герменевтических, лингвокультурологических, семиотико-интерпретирующих, деятельностных и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приёмов перевода – перепорождения, перелагания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующем ПТ на уровнях контентно-смысловом, когнитивно-прагматическом, образно-символическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультуремном, поэтико-аллегорическом, системно-структурном, функционально-стилистическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров¹.

В условиях всё нарастающего «переводческого инакомыслия» время от времени возникает потребность в порождении синтезирующе-синергетических парадигм на базе накопленного за определённый период развития науки знания в трансдисциплинарном, кооперативно-упорядочивающем плане как залог дальнейших успехов в диалектико-методологическом и структурном развитии теории и практики перевода. Как тонко подметил Ж.-Р. Ладмирал, “Au lieu d’être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion” [Ladmiral, 2012: 21], т.е. будучи «дисциплиной знания», современное переводоведение приобретает статус «дисциплины рефлексии». В данном контексте становится вполне очевидной контрпродуктивность тезиса И.А. Зимней, гласящего, что «Перевод рассматривается как речевая, а не мыслительная деятельность... потому, что эта деятельность выполняет не когнитивную,

---

¹ Заметим, что само словосочетание «**герменевтическая парадигма**» исторически устойчиво реализуется в контекстах различных социально-гуманитарных наук, а также в переводоведении. Так, в *богословии* находим выражение «либеральная/консервативная герменевтическая парадигма» [см.: Арапов, 2017: 2], “The Hermeneutical-Praxis Paradigm and Practical Theology” [см.: Хюн-Сук Ким, 2017: 1]; в *юриспруденции* – «Герменевтика как парадигма/Герменевтическая парадигма» [см.: Яркова, 2012, с. 3, 106]; наконец, в *переводоведении* – «Перевод в герменевтической парадигме» [см.: Самохина, 2012, с. 1], “Translation Hermeneutics. Hermeneutics as a Research Paradigm” [см.: Cercel, 2017: 17] и т.п. К сожалению, ряд учёных многозначительно оснащают заголовки своих работ «модными терминами», забывая даже упомянуть последние в тексте своих «штудий». Так, к примеру, А.Н. Усачёва § 5 в главе 2 озаглавила, как «Когнитивная парадигма перевода». При этом «парадигма» как термин в тексте больше не упоминается [Подготовка переводчика, 2014: 51–56].

познавательную, а только коммуникативную функцию» [Зимняя, 2001: 132].

Согласно Хайдеггеру, «язык есть дом бытия», обеспечивающий повседневную человеческую деятельность «здесь и сейчас». А перевод есть неотъемлемая архиважная культурно-наследственная лингвопосредническая часть бытия *Homo loquens* (человека говорящего) и *Homo ludens* (человека играющего) не только в хронотопе «здесь и сейчас», но и «там и тогда», т.е. «везде и всегда», «где и когда» межплеменная, межэтническая бытовая и межкультурная коммуникация стала насущной потребностью людей. Воистину “*Tantum scimus – quantum traducimus!* (лат. «Столько знаем – сколько переводим!»)”.

Перевод – это вечный проблемный «герменевтический круг» когнитивно-коммуникативной, лингвокультурологической и лингвопрагматической деятельности мировых сообществ, превращающийся со временем в «герменевтическую спираль» из-за асимметричной системно-структурной и лингвокультуремной несовместимости большинства языков на земном шаре.

В настоящей статье представлены дефиниции и описания стадий «предпонимание» и «понимание» как двух инициальных процедур текстоосмысления оригинала, подготавливающих герменевтико-феноменологическую редукцию ИТ на базисных уровнях «интерпретации» и «переводческого решения», которые завершают продуктивную работу переводчика по порождению текста на ПЯ, отчуждаемого рецепиенту.

Очевидно, что экспликация и дефинирование вышеназванных уровней ГПМС, фундированных соответствующим трансдисциплинарным инвентарём, сущностно и предметно отражают собственно переводческую проблематику, которая существенно отличается от общефилософской и герменевтико-феноменологической, но приемлет её базисно-рефлексивные параметры, свойства и признаки.

2.1. Предпонимание – аксиологически архиважное философско-методологическое понятие. В обычном, обыденном смысле слова, – пишет Е.Н. Шульга, – оно «ассоциируется нами с тем, что предшествует ясности понимания чего бы то ни было: текста, слова, отдельной формы, реплики, жеста, знака, наконец, подтекста, кроющегося в этих знаках, жестах или фразах» [Шульга, 2004: 1]. Автор выражает сожаление, что «эта тема практически не обсуждается в отечественной философской литературе» и что «о предпонимании упоминают лишь в тех редких случаях, когда проявляется необходимость выявить и обосновать методику получения смысла при истолковании и интерпретации текста». Кроме того, добавляет Е.Н. Шульга, «философская герменевтика использует понятие

“предпонимание” также и в более широком контексте, для обоснования **методологии понимания**» [там же: 3, 9].

В этой связи отметим, что В.Г. Кузнецов вполне логично включил данное понятие в свой «герменевтический методологический стандарт». Характеризуя ГМС с разных точек зрения, автор, в частности, отмечает: «Ещё одним свойством ГМС является разделение областей специфически знакового содержания (объективный смысл текста) и психологических моментов, оправдывающих принцип *лучшего понимания*». И далее: «Вещественные компоненты текста мы воспринимаем, идеальную сторону текста понимаем», а потому «учёт внелингвистических факторов, мотивационных установок, бессознательных моментов, социокультурных факторов при реконструкции субъективных условий, в которых складывается объективный смысл текста, является необходимым моментом гуманитарного познания и специфицирует структуру *предпонимания* (везде курсив наш. — Э.М.)» [Кузнецов, 2007: 110–111].

Очевидно, что в практике перевода учёт *предлингвистических факторов предпонимания* также должен иметь место, ибо трансдисциплинарность подхода к этой сфере когнитивной деятельности несомненное имеет первичную точку отсчёта именно в языковой междисциплинарности предмета исследования.

В одной из недавних искомым работ читаем: «*Внеязыковый* (правильно “внеязыковой”. — Э.М.) *контекст* (“фон текста”) предполагает готовность переводчика заглянуть за границы содержания текста и учесть внелингвистические (социокультурные, религиозные, нравственные и прочие) факторы, непосредственно относящиеся к пониманию смысла текста. Речь идёт о так называемых “фонových знаниях”: мотивационных установках, архетипах (коллективных бессознательных представлений), аксиологических аспектах (увлечений, среды обитания, материальных условий жизни), непосредственно влияющих на формирование объективного смысла текста и субъективные намерения, внутренний мир автора» [Бузук, 2016: 5].

Собственно «лингвистический фактор» стал исходно определяющим в известном учебном пособии М.П. Брандес и В.И. Проваторова «Предпереводческий анализ текста». Авторы подчёркивают: «Когда переводчик приступает к переводу, он через язык текста должен выяснить для себя глобальные вещи — в каком речевом жанре выполнен текст и в каком функциональном стиле этот текст существует. Специфику языка и текста, все оценочно-смысловые оттенки текста определяет не фактуальное содержание, а речевой жанр и функциональный стиль, которые изнутри пронизывают фактуальное содержание. Большая переводческая трудность —

проникнуть в это “нутро”, которое определяет внутреннюю и внешнюю форму текста <...> Общие принципы предпереводческого анализа позволяют сделать текст в смысле его структуры и языка обозримым, очерчивают контуры коммуникативной, т.е. смысловой организации текста, помогают усвоить, что главная трудность перевода – передача смысла во всем его объёме. Смысл – это не нечто аморфное, а более или менее строго организованная сущность. И адекватность перевода связана с раскрытием структуры и элементов этой сущности, иными словами, смысла как системы. Именно эта система определяет языковой стиль текста, т.е. выбор и комбинирование языковых единиц» [Брандес, Проваторов, 2003: 3, 5]. Далее авторы описывают переводческий процесс как «информационное поле функциональных стилей», которые трактуются как «системы косвенной (скрытой) коммуникации. Они лишь предполагают своих подразумеваемых коммуникантов, в отличие от прямой коммуникации в жанровой системе произведения <...> Функциональный стиль может представлять собой *гомогенную информационную среду*», где специфика данного стиля проявляется в наиболее чистом виде, или *гибридную*, где происходит смешение разных функциональных стилей. Например, жанр художественного эссе существует в гибридной научно-художественно-публицистической функциональной среде [там же: 16].

Важно подчеркнуть, что предпереводческий анализ в традиционной трактовке освещался на разных этапах развития теории и методологии перевода в зависимости от ракурсно-феноменологических наклонностей и предпочтений автора. Так, И.С. Алексеева своё толкование сути предпереводческого анализа представляет следующим образом: «задача анализа – выяснить, что за текст перед нами <...> чего требуют от переводчика заказчик и чего ожидает реципиент от текста перевода». Соответственно автор обозначает основные аспекты анализа, как-то: 1) сбор внешних сведений о тексте, 2) определение источника и реципиента, 3) состав информации и её плотность <...> в том числе информация когнитивная, оперативная, эмоциональная и эстетическая. Затем формулируется «коммуникативное задание» на перевод и определяется «речевой жанр» текста [Алексеева, 2004: 325–329].

Хронологически и контекстуально, несколько модифицировав свою прежнюю модель предпереводческого анализа, И.С. Алексеева в своей последующей монографии «Текст и перевод» представляет её более объёмно.

По автору, предпереводческий анализ необходим для выявления специфики ИТ, опираясь на «транслатологическую классифи-

кацию текстов». В цитируемой работе обозначены уже известные из предыдущих работ три стадии предпереводческого анализа текста:

1) сбор *экстралингвотекстуальных сведений* об авторе текста, его идиостиле; времени создания и публикации текста, знакомство с «глобальным текстом» (к примеру, журнала в целом, из которого взят искомый текст); определение типа ИТ и т.д., т.е. «параметров, значимых для его перевода»;

2) *определение источника, реципиента и цели перевода*: т.е. идентификация коммуниканта-источника текста, коммуниканта-реципиента, а также выявление цели «создания переводной версии» и др.;

3) *выявление состава информации и её плотности* в анализируемом тексте: когнитивной, оперативной, эмоциональной и эстетической; при этом «значимыми показателями» являются «степени нормативности текста, наличие канцелярских оборотов речи, наличие терминов, степень абстрактности речевых средств, специфика образности, архитектура текста и т.п.;

4) *создание формулы коммуникативного задания*: сообщение объективных сведений на специальную лингвистическую тему; при этом «наиболее частотным в переводческой деятельности является <...> совпадение коммуникативного задания ИТ по всем своим составляющим с коммуникативным заданием ПТ». В этом и проявляется собственно перевод [Алексеева, 2008: 149–152]².

Детализацию различных аспектов предпереводческого анализа находим в ряде последующих работ. В частности, К. Норд, на которую И.С. Алексеева также ссылается [там же: 148 и др.], выделяет две категории предпереводческих аналитических задач – *экстралингвистических* (касающихся личности автора текста и его интенций, реципиента текста, а также способа передачи сообщения, места и времени создания текста, повод и коммуникативная цель создания текста), а также *лингвистических факторов* (тема, содержание, структура текста, его синтаксические особенности и лексический состав, а также особенности соотношения вербальных и невербальных элементов текста, тональность и практическое воздействие текста) [см. Nord, 2005; Крапивкина, 2014: 5].

Идеи предпереводческого анализа М.П. Брандес и В.И. Проваторова, а также К. Норд, Е. Таревой, Р. Айуловой и др. находят свою теоретико-прагматическую поддержку в конкретных переводах разножанровых текстов. Так, в своей статье “Interpretation of

---

² Для корректной ориентации в методологии переводческого процесса мы оговоримся, что И.С. Алексеева выстраивает свою *макростратегию перевода* в виде трёх этапов, где этап I – это «предпереводческий анализ текста», этап II – это «аналитический вариативный поиск» и этап III – это «анализ результатов перевода» [Алексеева, 2008: 149, 152–153].

fantasy as a pre-translation activity” («Интерпретация фэнтези как предпереводческая деятельность») К.О. Согилян и А.А. Шахбазян, анализируя, в частности, вопрос о переводе имён собственных у героев в серии романов Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», однозначно констатируют: “Whatever the translator decides, it is beyond doubt that the pre-translation interpretation should be the first activity the translator undertakes” (Каково бы не было решение переводчика, вне всякого сомнения *предпереводческая интерпретация* текста (лучше – предпереводческий анализ. – Э.М.) должна быть первым действием, предпринимаемым переводчиком» [Согилян, Шахбазян, 2016: 501].

Конкретизируем ряд важных положений предпереводческого анализа следующими постулатами. Необходимо: а) идентифицировать степень сходств и различий «концептуальных языков» искомой рабочей пары идиомов в синхронно-диахроническом плане по трёхуровневой классификации Ю. Найды, предусматривающей различные степени близости языков в генеалогическом и культурологическом отношении с точки зрения затруднений – структурных и динамических – в «эквивалентном переводе» [Найда, 1978: 120–121]; б) выяснить дискурсивную переводческую историю ИТ – «нулевую/поливариативную»; в) согласовать «социальный заказ» на способы, форму и характер перевода.

2.2. Современное трансдисциплинарное истолкование термина понятия «предпереводческий анализ текста» предполагает дальнейшее возможное расширение его понятийных границ за счёт введения в его рабочую структуру новых предпереводческих данных, т.е. дополнительных компонентов анализа.

В этой связи заметим, что предложение В.В. Сдобникова «заменить терминосочетание ‘(пред) переводческий анализ текста’ на терминосочетание ‘(пред) предпереводческий анализ ситуации’», даже если главным предметом исследования автора является стратегическое описание ‘коммуникативной ситуации’ в переводческом акте [Сдобников, 2015: 461], представляется контрпродуктивным. Наличие обобщающего герменевтико-феноменологического термина-понятия ‘предпонимания’ примиряет, по нашему мнению, самые различные подходы по усилению объяснительной силы используемого в современном переводеведении искомого термина ‘предпереводческий анализ’».

Как видим, даже на исходном понятийно-терминологическом уровне экспликации перипетий переводческого процесса очевидна философско-герменевтическая неустранимость оптимально ёмкой терминоединицы, которая верифицируется нам как «предпонимание (pre-understanding)».

В наше время в более расширенном понятийно-концептуальном наполнении данного термина эту идею подхватывают преподаватели-специалисты в области методологии и дидактики перевода и приходят к выводу, что «студенты должны осознавать, что в основе понимания лежит так называемое «предпонимание» как «оглядка на традицию, на коллективный или собственный опыт, на память, которое во многом зависит от уровня образования, общего кругозора»... Предпонимание необходимо переводчику как для полного проникновения в суть высказывания, так и для того, чтобы восполнить расхождения в фоновых знаниях автора текста и получателя перевода...» [Гудухина, 2016: 2].

В целом нам импонирует интегрированный подход к переводческой деятельности, представленный Н.Н. Гавриленко в его монографии «Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации». По освещаемой в данном разделе проблеме автор замечает: «Прежде чем приступить к рассмотрению собственно понимания в деятельности переводчика, следует уделить внимание тому факту, что понимание специального текста невозможно без наличия какого-либо «исходного», «первичного» знания, на основании которого и осуществляется указанный процесс, т.е. понимание требует предпонимания / предзнания / предпосылочной базы. Предпонимание научного текста исследователи связывают прежде всего с общим объёмом экспертных знаний реципиента / адресата текста, так как эти знания обеспечат последнему адекватное понимание содержания научного текста. В деятельности переводчика текстов по специальности такой предпосылочной базой будут являться знания и умения, составляющие его профессиональную компетентность, в первую очередь, предметные знания в определённой профессиональной сфере общения, полученные в процессе обучения основной специальности. К предпосылочной базе переводчика следует также отнести экстралингвистические знания, знания о социокультурном, историческом, ситуативном контексте высказывания, знания характеристик автора ИТ и получателя ПТ, специфики логико-смысловой организации текста по специальности, а также предшествующий опыт переводчика. Информация о получателе текста, о предыстории рассматриваемого вопроса может быть получена переводчиком в беседе с работодателем, до начала осуществления перевода, из ранних публикаций автора и т.д.» [Гавриленко, 2009: 46].

Концептуально близка нам методологическая модель З.Д. Львовской, которая в частности пишет: «Процесс перевода, равно как любая другая деятельность, имеет свою структуру, иными словами, предполагает определённые последовательные шаги субъекта дея-

тельности, каждому из которых соответствует специфическая функция, которая зависит от предыдущих шагов. Как правило, выделяются две главные фазы: интерпретация ИТ и порождение ПТ <...> Мы отдаём себе отчёт в том, что очень детальная структуризация деятельности переводчика, рассмотренная под углом зрения профессионала, представляется немного искусственной, однако это оправдано в методическом отношении» [Львовская, 2008: 175].

Заметим только, что структурно невыделенная ею стадия «предпонимания» в переводческом процессе в общих чертах улавливается в понятии «подготовительная работа» в различных её аспектах.

Значимость этого этапа в работе переводчика в герменевтическом переводе носит аксиоматический характер: «Термин “предпонимание” непривычен для русского слуха <...> это буквальный перевод выражения *Vorverständnis*, распространившегося в немецкой научной мысли со времён Шлейермахера, «...смысл *предпонимания* как раз и заключается в желании подчеркнуть, что оно предлагает лишь *первоначальный, переходный* этап к дальнейшему более точному пониманию. С самого начала оно *предполагает возможность внесения исправлений и изменений*. Речь идёт о формулировке исходного предположения с целью дать толчок процессу, направленному на более глубокое проникновение в суть вопроса» [Тисельтон, 2011: 19].

Добавим следующее: «Предпонимание», которое Шлейермахер называл «минимальным предзнанием» о предмете исследования, крайне важно для трактовки принципа «герменевтического круга», так как «и на уровне языка (среды рассуждения) и на уровне предмета (материала рассуждения) необходимо наличие некоторой меры знания о том, что мы собираемся обсуждать <...> Благодаря этому первичному знанию осуществляется «прыжок в герменевтический круг» [Шульга, 1985: 147].

Подытожим всё вышесказанное: *предпонимание* – это расширенный трансдисциплинарный анализ ИТ с целью перехода к более развёрнутой части переводческого процесса – к стадии *понимания* ИТ. С помощью предпонимания устанавливаются оптимальные «горизонты понимания», т.е. степень осмысления глубин и границ проникновения в ИТ.

3.1. **Понимание**, предпосланное *предпониманием*, формирует базис всякой человеческой коммуникации, в том числе и межкультурного языкового посредничества. Это одна из важнейших подготовительных стадий переводческого процесса, способствующая осмыслению и перевыражению ИТ в ПТ.

Понимание – это преодоление «чуждости» ИТ, уяснение и усвоение его смысла, расшифровка недосказанных и невыраженных

скрытых интенций автора, вживание в суть его «языковых игр», осмысление лингвопоэтических структур контекста, подтекста и затекста, представление пропозиционной аксиологической характеристики авторского дискурса по критерию достоверности, истинности/неистинности, смыслов, его нормированности и измерения по шкале «форенизации/доместикации». «Переводчик, по Гадамеру, переводит не только на другой язык, но и приравнивает текст к особенностям иной культуры, переносит подлежащий пониманию смысл в тот контекст, в котором живёт данный участник беседы...» [Гадамер, 1988: 447].

Известно, что современная теория понимания является прежде всего методологической основой философской герменевтики, а потом уже она охватила ряд смежных социально-гуманитарных наук, к числу которых мы относим также науку о переводе. Шлейермахер ещё в 1819 г. констатировал, что «герменевтика – это искусство понимания, и потому носит философский характер». Оно трактуется как «универсальная операция мышления, представляющая собой оценку объекта (текста, поведения, явления природы) на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа и т.п. Понимание предполагает усвоение нового содержания и включения его в систему устоявшихся идей и представлений» [Философия. Энциклопедический словарь, 2006: 663].

Однако любые инодисциплинарные термины-понятия требуют неременной «притирки» к системе аксиологических констант любой «стыковой» научной дисциплины и исключает их механический перенос в понятийный ряд последней. Очевидно, что такая специфическая «билингвальная наука», как переводоведение с её особой герменевтико-феноменологической окраской требует несколько иного подхода к трактовке транслатологического методологического стандарта переводческой рефлексии как по форме, так и по содержанию.

Когда ряд философов автоматически включили перевод в предметную сферу своих научных интересов, стало вполне очевидно, что не всё их «филологическое наследие» может быть безоглядно принято в современную теорию и методологию перевода.

Философы, работающие обычно с фактами одноязычного континуума, ставят *понимание* в прямую зависимость от субъективной *интерпретации текстов*, отождествляя оба типа рефлексии по формуле «понимание – это и есть интерпретация». Естественно, что разные по содержанию и процедуре герменевтико-феноменологические мыслительные акты уже произвольно воспринимаются как единорефлексивные сущности и фигурируют в соответствующих контекстах целокупно, ср.: «Типичными видами научно-теорети-

ческого «понимания» являются: понимание прошедших эпох (историческое понимание); интерпретация инокультурных символов и метафор, перевод и истолкование древних текстов (филологическое понимание); понимание иных форм жизни, культурных норм и ценностей (понимание в социально-антропологических исследованиях). Отсюда очевиден непререкаемый вывод для специалистов, работающих с мооязыковыми текстами в различных социально-гуманитарных науках, смежных с одноязычной философско-герменевтической трактовкой соответствующих текстов: «интерпретация – основа понимания текста» и «понимание есть творческий результат процесса интерпретации». Утверждается, что «герменевтика стремится к духовной интерпретации текста. Этот завершающий этап герменевтического анализа, который, раскрывая смысл и значение текстов в культуре, служит развитию духовности в человеке, становлению его как личности, как субъекта культуры» [Борев, 2002: 448].

Ранее мы уже давали критическую оценку некоторым спорным суждениям Хайдеггера и Гадамера о сущности и возможностях перевода [Мишкур, 2013: 6–10]. Здесь же сошлёмся на мнение профессионального лингвиста-философа и системного переводчика трудов видных французских философов современности Н.С. Автономовой о переводческих аспектах работ Гадамера: «...для Гадамера “говорить на разных языках” – это не побуждение к переводу и не формулировка самой проблемности перевода как пути к пониманию, но скорее метафора человеческого непонимания как такового. Фактически мысль строится так: если нужен перевод, значит, понимание заведомо невозможно, иначе говоря, перевод и понимание друг друга исключают. Ведь перевод для него – нечто искусственное, нежизненное и совершенно ненужное – особенно с того момента, когда мы входим в область родного языка, смыслы которого нам даны изначально. А потому ситуация “разговора на одном языке” абсолютно преобладает в его рассуждениях: герменевтический процесс в принципе всегда идёт на одном языке. Таким образом, схема герменевтического понимания строится у Гадамера, по сути, вне перевода и без перевода: он для неё лишний» [Автономова, 2008: 640–644].

Учёный излишне упрощает и несколько искусственно «подгоняет» переводческий процесс, автоматически соединяя акт истолкования оригинала с актом собственно переводческого переложения/перевыражения его на иностранный язык, ср.: «...всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Гадамер, 1988: 447–449]. Если для одноязычных видов творческой деятельности аналитиче-

ский процесс работы с текстом по этой двухступенчатой фазе завершается, то для переводческого процесса работа с текстом на стадии «понимания – интерпретации» не завершается. Поэтому мы отдаём предпочтение в трактовке текста формуле В. Айрапетяна, гласящей что «Понимание – ещё не толкование», «Перевод – ещё не толкование» [Айрапетян, 2011: 132].

В трудах различных философов, а также специалистов, работающих в области различных социально-гуманитарных наук, мы отмечаем постоянное смешение последовательности этапов «понимания» и «интерпретации» – первое ставится в зависимости от второй.

Показательно, что даже в такой обстоятельной работе И.А. Щириной и Е.А. Гончаровой «Многомерность текста: понимание и интерпретация», написанной на высоком современном философско-методологическом, лингвофилологическом и лингводидактическом уровнях, отмечаем непоследовательность и невыраженность авторской трактовки в толковании диады искомых понятий. Так, корректно утверждая, «что понимание *предваряет и программирует интерпретацию* (курсив наш. – Э.М.)» в одном месте, в других авторы некритически приводят соответствующие высказывания с иным толкованием соотношения первого и второго терминов, ср.: «Поль Рикер называет понимание искусством постижения значения знаков, которые одно сознание передаёт другому, а интерпретацию – толкованием знаков и текстов, зафиксированных в письменном виде. Эта точка зрения коррелирует (?) с мнением И.В. Арнольд об интерпретации как о вербализованном понимании» [Щирова, Гончарова, 2007: 267]. Не оспаривается и не оговаривается тезис В.С. Филиппова о том, что «инвариантная интерпретация» – это по сути есть «установившийся в обществе стандарт понимания текста» [там же: 292], что в принципе характерно для подхода философов, литературоведов и лингвистов к анализу одноязычных текстов, не подвергающихся исследованию с целью их перевода на иной язык.

Неосознанно и недифференцировано, смешивая все рефлексивные процедуры, Ю. Борев пишет: «Герменевтика (теория интерпретации и понимания смысла) <...> составляет неотъемлемую часть развёрнутой философской системы <...> Предпонимание обуславливает понимание <...> Высшая категория процесса понимания – целостность <...> Целостность восприятия важна для понимания художественного текста <...> Понять – значит усвоить смысл и пережить то духовное состояние, которое испытал автор текста в процессе творческого акта». И наконец: «Интерпретация – основа понимания текста» [Борев, 2002: 447–450].

И не замечая противоречия, автор приводит цитату Бахтина, которая недвусмысленно разводит понятия «понимание» и «интерпретация»: «Бахтин видит в процессе понимания четыре момента: 1) психофизиологическое восприятие знака; 2) его узнавание; 3) понимание значения знака в определённом контексте; 4) активное диалогическое понимание» [там же: 448].

Переводчику важно уяснить для себя логику когнитивно-креативной рефлексии переводческого процесса: на стадии «понимания» переводчик отвечает себе на вопрос «что?», т.е. выясняет контентно-смысловое наполнение ИТ, а на стадии «интерпретации» отвечает на вопрос «как?», т.е. определяет, как он будет передавать контентно-смысловые составляющие ИТ на ПЯ.

Понимание в переводе рассматривается как феномен вживания в чужую «авторскую» мыслительную деятельность, как ориентация в созданной автором ИТ коммуникативной ситуации, придающая последней оптимальную «понятность» и «истолкованность». Однако, повторяем ещё раз, «понимание — ещё не означает истолкование», а герменевтика нужна прежде всего там, где существует «непонимание».

3.2. Известно, что понимание базируется, в частности, на онтологически значимых психических рефлексивных процессах интроспекции, интуиции, “вживания”, в частности, в образы художественных текстов, в контекст произведения. Ещё А.А. Потебня подчёркивал, что «понимание всегда предполагает выход в некоторый контекст <...> и есть повторение процесса творчества в изменённом порядке» [Потебня, 1905: 151].

Глубокий смысл данного высказывания учёного можно актуализировать постулатом В.В. Налимова, который экспериментально доказал, что: «понимание — это приближение понимаемого текста к самому себе путём порождения фильтра понимания, приближающего текст, чужую смысловую ориентацию к своей собственной» [Налимов, 1989: 76].

Для полноты восприятия феномена «понимание» добавим к вышесказанному четыре его разновидности согласно классификации Э. Шпрангера (1882–1963): «идеофизическое (т.е. «материальное». — Э.М.)», «субъективное», «объективное» и «историческое» [см.: Философский энциклопед. словарь, 1997: 354]. А тем самым по сути даётся междисциплинарное толкование данного конструкта.

Обратимся к истории вопроса о соотношении феноменов «понимания» и «непонимания» и их хронотопной «разборки» учёными разных поколений. Общеизвестный афоризм В. Гумбольдта «Всякое

понимание есть непонимание» как пример парадоксальной антиномии толкуется в литературе вопроса неоднозначно.

Так, А.А. Потебня объяснял это мнимое противоречие концепцией Гумбольдта о «существовании в языке противоречия речи и понимания»: «Как речь, так и понимание не были бы возможны, сообщение посредством слова не было бы только взаимным возбуждением говорящего и слушающего, членораздельный звук не настраивал бы их гармонически и слушающий не овладевал бы смыслом речи посредством самодеятельного, в нем самом происходящего развития мысли, если бы различие отдельных лиц не было только проявлением единства человеческой природы» [Потебня, 2017: 9].

Тернист путь гениев! Если Гумбольдта не понимали современники, то в 70-е годы XX в. Потебню резко критиковали в нашей стране за идеализм в суждении «о пределах толкования содержания художественного творчества», обусловленный «ошибочностью одного из исходных положений, восходящего к концепции В. Гумбольдта, считавшего, что «всякое понимание есть непонимание». А Потебня соответственно «отрицал возможность одинаковых мыслей по поводу одного и того же явления» [Тенянка, 1976: 12].

А уже через 10 лет Р.А. Будагов будет защищать позицию Потебни, но уже с других позиций, не увязывая его теорию с концепцией Гумбольдта: «Стремясь глубже осмыслить взаимодействие между языком и мышлением (у Потебни в подобных случаях обычно говорится о языке и мысли), учёный был склонен рассматривать подобное взаимодействие в субъективно-идеалистическом плане. Для Потебни язык — это прежде всего акт индивидуального творчества. «Язык есть средство понимать самого себя <...> Понимание потому и оказывается одновременно непониманием, что выступает как «акт творчества». Индивидуальный же «акт творчества» не может быть абсолютно одинаковым даже у двух людей <...> Язык без выражения мысли (или чувства), как и слово без значения, оказывались у Потебни невозможными, никому не нужными» [Будагов, 1986: 6].

В наше время эта борьба идей трактуется А.Т. Кривоносовым следующим образом: «Понимание идентичное, один к одному с говорящим есть иллюзия, будто мы видим или слышим, т.е. осязаем нашим чувственным мышлением те же предметы, свойства, что и говорящий. Но мы воспринимаем только свои впечатления от звуков и то, что за ними скрывается. А эти впечатления у всех разные. Это происходит потому, что абстрактные формы мысли неизбежно переходят в чувственное созерцание, а оно у разных людей разное <...> Если В. Гумбольдт пишет, что “всякое понимание есть непо-

нимание”, т.е. понять другого якобы невозможно, то это его афоризм. На самом же деле: то, что мы называем пониманием, есть акт говорения и слушания особого рода, возникновение мысли в нас самих по поводу мыслей, высказанных другим человеком». Автор солидаризируется с мнением А.А. Потебни: «Когда я говорю, а меня понимают, то я не “перекладываю” целиком мысли из моей головы в другую <...> При понимании мысль говорящего не передаётся, но слушающий, понимая, создаёт свою мысль... поэтому понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия, в которой действительным оказывается только некоторое сходство, аналогичность между ними, объясняемое сходством других сторон человеческой природы». Далее автор пишет: «Понимание выходит далеко за пределы лингвистики <...> Понимание — это переход кода языка к внутреннему коду интеллекта, где в качестве единиц содержания выступают не слова как единицы семантической структуры предложения, а **понятия** <...> Понимание есть упрощение мысли, переложение её, если можно так выразиться, на другой язык». Касаясь области перевода, А.Т. Кривонос замечает: «Процесс понимания связан, естественно, с процессом перевода с одного языка на другой: без понимания того, что переводить, нет перевода, иначе в лучшем случае мы делаем лишь подстрочный, а не художественный перевод» [Кривонос, 2017: 167–172].

Очевидно, что в данном контексте проясняется один важный переводческий феномен-казус — плюральность переводов произведения одного и того же автора, выполненных разными переводчиками.

3.3. Вернёмся к анализу Н.С. Автономовой переводческих взглядов выдающихся философов современности — П. Рикёра и Х.-Г. Гадамера в контекст соотношения процессов «понимания» и «интерпретации» в переводе и роли последнего в мировой культуре и науке.

Разделяя позицию П. Рикёра в том отношении, что он «ясно видит и герменевтический, и общефилософский смысл проблемы перевода», цитируя его тезис о том, что «понимать — это и значит переводить», Н.С. Автономова упрекает Гадамера, который, по её мнению, «говоря о переводе... ни в коей мере не тематизирует и, тем более, не проблематизирует собственно ситуацию многоязычия и разноразличия», но не опровергает высказывание последнего о том, что «всякий перевод уже является *истолкованием*; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Автономова, 2010: 119–120].). Вместе с тем вполне очевидно, что для неё самой не столь важна эта антиномия. Главное — донести до читателя собственную трактовку проблемы «интерпретация и перевод». Автор, в частности, отмечает, что «в наши дни нередко го-

ворят: оригинал – это фантом, призрак. Однако, это множество трансмиссий и рецепций <...> не только не отменяет, но, напротив, обостряет вопрос о подлиннике, о способах его интерпретации и преобразования в процессах переистолкования». Автономова продолжает: «Я ставлю перевод во главу угла и рассматриваю интерпретацию, с одной стороны, и диалог, с другой, как то, что зависит от перевода как фундамента и условия возможности познания в гуманитарной области в целом (не только в дисциплинах филологического цикла) <...> Конкретно анализируя работу перевода, мы видим, что понимание и интерпретация, например, неизбежно вступают в действие при обсуждении переводческих эквивалентов и их выборе, при сопоставлении существующих вариантов, при анализе тех “остатков”, которые не входят в данный перевод. Во всех этих случаях интерпретация и различные её механизмы играют свою роль по полной программе» [там же: 114–121].

В данном контексте весьма уместно вспомнить апорию – парадоксальную ситуацию контакта взаимодействующих языков, выраженную Н.В. Ивановым следующим образом: «В ситуации контакта языки не сотрудничают, а борются друг с другом за пространство понимания <...> Понимание в условиях контакта – функция принимающей стороны. Критерием понимания является принимающий язык (культура, текст)», тогда как «Критерием понимания в переводе (курсив наш. – Э.М.) выступает не принимающая, а передающая система – ИЯ, исходный текст» [Иванов, 2015: 45, 47–48].

Таким образом, констатируем, что социопонимание развивается в процессе *общения* людей, во взаимодействии различных культур. Исходные виды «понимания» – освоение языка, «понимание» других людей (в сопереживании, диалоге), «понимание» социальных норм, знаков, символов – складываются в непосредственном жизненном процессе. В переводоведении «понимание» предполагает использование специальных методологических правил осмысления текста ИТ и готовит базу для иноязычной интерпретации. Развитие «понимания» происходит от «предварительного понимания», задающего смысл предмета «понимания» как целого, к анализу его частей и достижению более глубокого и полного «понимания», в котором смысл целого подтверждается смыслом частей, а смысл частей – смыслом целого.

Очевидно, что речь идёт об одной из трудноразрешимых проблем теории понимания – проблеме *герменевтического круга*. В разных школах герменевтики сложились разные его концепции. Ныне самое распространённое представление о герменевтическом круге следующее: целое нельзя понять, не понимая его частей, понимание части предполагает, что целое уже понято.

В. Дильтей, толкуя «герменевтический круг» в традиции Шлейермахера, писал: «Целое должно быть понятно в терминах его индивидуальных частей, индивидуальные части в терминах целого. Для того чтобы понять произведение, мы должны обратиться к автору и родственной ему литературе. Такая сравнительная процедура позволяет понять действительно каждое индивидуальное предложение более глубоко, чем прежде. Поэтому понимание целого и его индивидуальных частей является взаимосвязанным». При этом он сделал важное для переводческой практики добавление, гласящее, что «понимание текста как «проявление жизни» творческого индивида возможно при условии понимания духовного мира соответствующей эпохи, что, в свою очередь, предполагает понимание оставленных этой эпохой «жизнепроявлений» [см.: *Философия. Энциклопедический словарь*, 2006: 177; Diltey, 1976: 262].

Подводя итог, вслед за Е.Н. Шульгой, замкнём во взаимосвязи первые две части переводческой рефлексии: «Как на уровне языка (среды рассуждения), так и на уровне предмета (материала рассуждения) необходимо наличие некоторой меры знания о том, что мы собираемся обсуждать. Наличие этого знания Шлейермахер называет «минимальным предзнанием» или «предпониманием». Именно благодаря ему осуществляется «прыжок в герменевтический круг» и тем самым происходит разрешение имеющегося противоречия» [Шульга, 1985: 147].

Соединение герменевтики с диалектическими методами познания привело к переинтерпретации понятия «герменевтический круг» в терминах «герменевтической спирали», в которой «происходит расширение каждого предшествующего круга в последующий, так что первый из них «не успевает» замкнуться и его разрешение состоит именно в переходе в следующий, более широкий круг» [см. там же: 155].

Ведущие герменевты современности явно отдают предпочтение термину **«герменевтическая спираль»**. Так, Э. Тиссельгон обращает внимание читателя на диалектичность самих понятий «понимание», «спираль», «истолкование» и др.: «Шлейермахер, как и впоследствии Дильтей, Хайдеггер и Гадамер, признавал как ограничения, так и возможности роста в пределах герменевтического круга. Здесь вновь уместно вспомнить о Гранте Осборне³ и его герменевтической спирали. Понимание всегда начинается с предварительной стадии <...> по определению понимание не бывает полным и

---

³ Речь идёт о знаменитой книге Г. Осборна «Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование», в которой он, в частности, пишет: «Герменевтика — это, по существу, спираль от текста к контексту, от начального смысла текста к их значимости для современной церкви» [Осборн, 2009: 7].

совершенным. Оно всегда условно, неполно и нуждается в исправлении. Витгенштейн в своих поздних работах говорил, что у понимания нет чётких границ. Как отмечал Шлейермахер, полное понимание невозможно, поскольку “для этого нам было бы необходимо совершенное знание языка”, а также “человека, написавшего текст... ни то, ни другое невозможно”» [Тиссельтон, 2011: 174–175].

Учитывая поступательный, прерывистый, психолингвистический и герменевтико-переводческий характер рефлексии, мы склонны согласиться с мнением М.Г. Новиковой о том, что «понимание трактуется как совпадение или приближение закладываемого автором художественной прозы в языковой знак значения к лингвистическому инварианту в сознании переводчика образуется своеобразный **коридор понимания** <...> Внутри коридора понимания можно выделить три уровня:

– *непонимание*, когда после прочтения текстового элемента не происходит никаких ассоциаций с предметами или явлениями реальной действительности. (К данной группе можно отнести и неправильное понимание, так как в сознании переводчика тоже отсутствуют верные ассоциации);

– *частичное понимание*, при котором воспринимается большая часть характерных черт заложенного автором в текстовый элемент значения, но появляется чувство внутреннего неудовлетворения и потребность в дальнейшем запросе информации для окончательного прояснения значения;

– *полное понимание*, когда в сознании переводчика после восприятия текстового элемента сразу возникает чёткое видение отрезка объективной реальности» [Новикова, 2012: 183–184].

Соотнося «рассудочный регистр» М.Г. Новиковой с нашим методологическим стандартом переводческой рефлексии, полагаем, что исходное «непонимание» и «частичное понимание» преодолеваются с помощью процедуры «предпонимания», т.е. «предпереводческого анализа». А что касается полного «понимания», то эта стадия рефлексии соотносится нами с личностью конкретного переводчика, работающего с данным оригиналом. В противном случае *плюральность переводов* одного и того же текста была бы излишней, нерелевантной.

Полагаем, что точка зрения на «полное понимание» ИТ переводчиком базируется на классической философской традиции, согласно которой «текст трактовался как наделённый автохтонной семантикой, гарантированной внетекстовым референтом». Такой текст Р. Барт образно называл «Текст-Удовольствие», дешифровка которого читателем ведёт в перспективе к его исчерпывающему

«финальному пониманию». Такому тексту учёный противопоставлял «Текст-Наслаждение», трактуемый как «вместилище множества смыслов и не подлежащий поэтому однозначно исчерпывающей интерпретации» [см.: Новейший философский словарь. Постмодернизм, 2007: 648–650].

Переводческая дилемма собственно заключается в том, что конкретный переводчик может работать только с «Текстом-Удовольствием» как финальной структурой, которой переводчик овладевает, по его мнению, в полном смысловом, понятийно-концептуальном объёме. А другой переводчик воспринимает ИТ как «Текст-Наслаждение», обнаруживая в нем иные смыслы, иной референтный ряд мыслительных сущностей, и в конечном счёте превращает его в свой идеальный «Текст-Удовольствие».

Нелишним будет также упомянуть по этому поводу рассуждения Гадамера, который считал, что «тот кто переводит <...> не может оставить в своём переводе ничего такого, что не было бы совершенно ясным ему самому» [Гадамер, 1988: 449].

В герменевтической трактовке проблема выглядит следующим образом: «герменевтический круг» ИТ — «Текста-Наслаждения» диалектически трансформируется в «герменевтическую спираль» с тем, чтобы в новом качестве опять приобрести форму нового «герменевтического круга» истолкования.

Понимание причин «переводческого напряжения», возникающего из-за системно-структурной, функционально-стилистической и кросс-культурной асимметрии ИЯ и ПЯ, позволяет путём дальнейшего переосмысления объективных трудностей изыскивать адекватные герменевтические способы и средства его преодоления⁴.

В специальной литературе накопился достаточно большой объём материалов конкретных психолингвистических, этнопсихолингвистических, коммуникативно-когнитивных, лингвокультурологических и тому подобных работ, представляющих собой разновидности трансдисциплинарных прагмалингвистических исследований, касающихся как общих, так и частных вопросов художественного, технического и философского перевода (по классификации Ладмираля [Ladmiral, 1981: 23]). В них, в частности, детально рассматриваются последовательность мыслительных операций, обеспечивающих переход от текста оригинала к тексту перевода. При этом как подчёркивает Л.В. Кушнина, «Восприятие и понимание текста

---

⁴ Изложение оригинальной философско-герменевтической трактовки процесса понимания и истолкования текста, предложенной В.Г. Кузнецовым [Кузнецов, 2007: 427–430] и соответствующий комментарий даны в нашей статье «Герменевтический поворот в современной теории и методологии перевода» [Мишкурлов, 2013: 77–78].

являются начальным этапом в этом процессе. Они определяют характер промежуточного звена, отражающего результат понимания» [Кушникова, 2004: 93].

4.1. На примере переводов некоторых фрагментов из произведений Ф.М. Достоевского (1821–1881) на английский и испанский языки попытаемся абрисно показать предлагаемый нами алгоритм работы переводчика на основе ГПМС на уровнях «предпонимания» и «понимания», обеспечивающих квалифицированный анализ отражения и влияния личности автора ИТ на фабулу, когнитивно-художественную «нагрузку» и идиостиль искомого произведения. Речь, в частности, пойдёт о способах передачи значений высокочастотной частицы *как бы* в вышеуказанных языках.

Известно, что человек, владеющий иностранными языками, обычно способен точнее, лучше, глубже, тоньше и изящнее выражать свои мысли на родном языке.

Что касается художников слова, то их «личный речевой портрет», образ мысли, «авторское я» так или иначе находят своё отражение в их творениях.

Вопреки концепции Барта о «смерти автора» в классическом литературоведении и в теории и практике перевода учёт личности творца – нетленная аксиома. Как писал В.В. Виноградов, «в “образе автора”, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения» [Виноградов, 1971: 113, 160 и др.]. Пафос филологов поддерживается и рядом отечественных философов. Так, В.Г. Кузнецов справедливо подчёркивает важность учёта внелингвистических аспектов истолкования смыслов текста: «Субъективные намерения автора, его психологические характеристики и его внутренний мир, зависящий от образования, увлечений, религиозности, воспитания, принадлежности к определённому классу или сословию, системы архетипов коллективных бессознательных представлений, материальных условий его жизни, составляют тот фон, который оказывает существенное влияние на смысл текста. Он является внелингвистическим контекстом, в котором, в частности, и выделяются указанные моменты» [Кузнецов, 2007: 111].

Важность подобного анализа тем более необходима, когда речь идёт о противоречивой и неординарной фигуре Ф.М. Достоевского – великого писателя, философа и публициста с мировым

именем, с одной стороны, и о его особом психотипе невротика, весьма эксцентрического по своему «жизнейскому укладу».

Для историков перевода немаловажен следующий штрих в биографии писателя. Будучи глубоко эрудированным полиглотом, Достоевский в начале своей творческой карьеры пробовал свои силы и на переводческом поприще.

В 1844 г. в его переводе с французского языка на русский вышел роман Оноре де Бальзака «Евгения Гранде», который после смерти переводчика переиздавался шесть раз. Последняя версия была опубликована в 2007 году с дополнительным тиражом в 2008-м [см.: Бальзак, 2007, 2008].

Как переводчик, чувявший в себе большой писательский дар, Достоевский довольно свободно и своенравно трактовал по-русски франкоязычный авторский текст. Цитируя по этому поводу анализ перевода, выполненный в своё время Г.Н. Поспеловым, Е.А. Иванчикова пишет: «Тщательный анализ текста перевода привёл автора к заключению, что Достоевский в процессе перевода видоизменял оригинал по своему вкусу: сквозь стиль переводимого автора легко обнаруживаются собственные приёмы «переводчика». Для перевода Достоевского характерны, например, расширение текста оригинала путём вставки добавочных эмоционально-оценочных состояний героев, употребление отсутствовавших в оригинале тавтологий, усилительных оборотов, инверсий и т.п. Достоевский, по словам исследователя, не столько учился «творческим тайнам» у Бальзака, сколько «снабжал ими оригинал» [Иванчикова, 1979: 14].

Но очевидно, что Достоевский, переключившись на собственно писательский труд, не успел стать переводчиком «по-набоковски», как бы сказали специалисты в настоящее время.

Широко известно, как тяжёл был земной путь Достоевского.

Это человек, побывавший до последней минуты приговора под «смертным колпаком» расстрела. Четырёхлетний узник «Мёртвого дома» на каторге в Омской крепости. Многолетняя ссылка и поселение в Семипалатинске. Бесконечный надзор жандармерии. Неудачный первый брак. Отвратительные корыстолюбивые родственники, пользовавшиеся его финансовой непрактичностью. Вечные долги. Страшная болезнь – височная эпилепсия, после которой наступала «аура». Страстный игрок в рулетку, проигрывавший вещи, деньги и драгоценности своей 22-летней любовницы А. Сусловой и своей любимой второй жены А.Г. Достоевской (урождённая Сниткина (1846–1918)) – его ангела-хранителя. При этом по характеру болезненно самолюбив и обидчив. Крайне набожен...

Все пережитое, замысловатые перипетии его жизни и особенности его характера нашли своё тончайшее отражение в гениаль-

ных произведениях писателя, трудно поддающихся переводу на любой иностранный язык.

Н.Д. Арутюнова, подытоживая свидетельства очевидцев и исследователей творчества Достоевского в своей монографии «Язык и мир человека» пишет: «Приёмы моделирования человеческой личности были, по-видимому, совершенно органичны для Достоевского, сливались с его собственной природой, точно так же, как они сливались с языком, в нем говорившим». И далее: «Итак, в текстах Достоевского стилиобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета».

Обращаясь непосредственно к задачам нашего исследования — о реализации функций частицы *как бы* в произведениях Достоевского и, в частности, в его романе «Братья Карамазовы», напомним некоторые тезисы работы Е.А. Иванчиковой.

Она, характеризуя синтаксические особенности произведений Достоевского в интересующем нас аспекте, квалифицировала ряд примеров сочетания интерпозиционной частицы *как бы* с определёнными номинативными словами в качестве одного из вариантов «фразового синтаксиса», который, по её определению, является... непосредственным и универсальным способом *самовыражения писателя* (курсив наш. — Э.М.) и «фразовой специфичностью почерка Достоевского», ср.: «Она *больная* такая девочка *была*, — продолжил он [Раскольников], *как бы* опять вдруг задумываясь и потупившись, — совсем хворающая»; «По правую руку Мити [Карамазова] расположился один румяный молодой человек в каком-то охотничьем *как бы* пиджаке»; и др. [Иванчикова, 1979: 252–269].

Возвращаясь к монографии Арутюновой, заметим, что она выяснила важное обстоятельство: «одним из первых писателей, в текстах которого употребление *как бы* высоко частотно и функционально нагружено был именно Достоевский». Данная частица осуществляет скорее операцию над смыслом последующего слова, чем над истинностным значением предложения, напр.: «*Многое ещё он говорил, потому что несколько как бы тщеславен — ...в общем виде Петра Петровича поражало нечто как бы оправдывающее название “жениха”*». Об этом же свидетельствует употребление *как бы* в сочетании с оборотом *так сказать*: «*Человек раздражительный и, как бы так сказать, военноэстетический, но дурного только вкуса; А не заметили ли вы в течение лет, говорю, некоторого, говорю, как бы уклонения идей, или особенного оборота мыслей, или некоторого, говорю, как бы, так сказать, помешательства?*» [Арутюнова, 1999: 838].

Автор установила, что в романе «Братья Карамазовы» Достоевский использовал частицу *как бы* 155 раз.

Нюансировка функций соответствующих стилеобразующих фразеологических словосочетаний с частицей *как бы*, «акцентирующими взгляд “извне” на предмет действительности» детализируется Арутюновой следующим образом:

– “неопределённость признака”, “субъективность впечатления”, “кажимость”: «Ум его как бы померкал мгновениями»; «Какая-то как бы идея воцарилась в уме»; «Я застал его как бы пьяным»;

– “недостоверность сравнения”: «Как, вы здесь? – начал он... таким тоном, как бы век был знаком»;

– “неуверенность интерпретации”: «С тех пор Алёша заметил, что Иван... даже как бы невзлюбил его»;

– “приблизительность”: «Я вас, так сказать, лично рекомендую, следственно, за вас как бы тем ручаюсь»;

– “необычный, особый характер признака”: «Был он [Дмитрий Карамзов] мускулист, и в нём можно было угадывать значительную физическую силу, тем не менее в лице его выражалось как бы нечто болезненное».

Итак, заключает Арутюнова, «*как бы* ориентировано на размытые понятия. Неудивительно поэтому, что высказывания с *как бы* тяготеют к миру человека – его чувствам и внутренним состояниям, поведению, непосредственным реакциям – внешним и внутренним, адресованным и неадресованным действиям, интерперсональным отношениям и т.п. В текстах Достоевского *как бы* используется почти исключительно в описании микромира» [Арутюнова, 1999: 837–838, 851, 854].

4.2. Инвентарь англоязычных аналогов русскоязычной частицы *как бы* и перечень дискурсивных способов её функционирования словарно представлены, как правило, во взаимозаимствованных примерах следующими единицами: *as if, as though* (e.g.: *as if in jest* “как бы в шутку”) [Оксфордский русско-английский словарь, 1998: 269].

В «Русско-английском словаре» соответствующая статья дополняется оборотом *a kind of*: *It was a kind of replay* “Это было как бы ответом” [1964: 284].

В «Новом большом русско-английском словаре» добавляется свежая трактовка функции *как бы*: «своего рода, отражает также неуверенность говорящего»: *sort of* “Я как бы свободен сегодня – I’m sort of free today” [Ермолович, Красавина, 2006: 317].

А.В. Кунин в своём «Англо-русском фразеологическом словаре» приводит яркий образец художественного перевода отрывка из романа J. Conrad “Chance” с *as though*: «He had given me the impression of absolute rigidity, *as though* he had swallowed a poker “Он показался

мне человеком, который держится неестественно прямо, *словно* аршин проглотил» [1956: 53].

Для полноты когнитивно-коммуникационной картины феномена истолкуем вышеприведённые примеры в теоретико-переводческом плане. Так, А.Г. Минченков следующим образом характеризует свойства искомых единиц: «В современном английском языке частицы *kind of* и *sort of* являются практически функциональными эквивалентами. Они обе относятся обычно либо к прилагательному (причастию), либо к глаголу, выполняют одинаковую функцию **указания на приблизительность оценки** <...> Одним из основных средств выражения приблизительности оценки в русском языке является частица *как бы*; соответственно, она достаточно часто, хотя и не всегда, может выступать в качестве эквивалента названных английских частиц. Существуют контексты, в которых использование *как бы* противоречит принципу естественности, и здесь предпочтение может быть отдано другим средствам, в частности, выражению *в общем* и наречию *достаточно*: I think that to many people he kind of personifies the whole profession... «Я думаю, что для многих людей он как бы олицетворяет собой всю профессию...»; There was another chap there, sort of running the place, called Josh. «Там был ещё один парень, как бы владелец всего заведения, по имени Джош»; You know Bunny? – Sort of. Do you? – Sure... «Ты знаешь Банни?» – «В общем / как бы да. А ты?» – «Разумеется»; What do you think of it, Morris? – I kind of liked it. «Что ты думаешь о ней, Моррис?» – «Она мне в общем понравилась» [Минченков, 2004: 1].

Корпусная выборка даёт возможность отследить искомые переводческие решения на предельно возможных объёмах примеров. Так, в частности, читаем: *As If* и *As Though* имеют одно и то же значение, и переводятся как «как будто», «как если бы». She talks as if / as though she knows him personally. «Она говорит так, как будто она знает его лично». Чтобы показать, что сравнение, описываемое *As If* и *As Though* нереально, после *As If* или *As Though* используется время группы *past simple*: She looks as if / as though she was rich. «Она выглядит так, будто она богата».

В разговорном языке вместо *As If* и *As Though* может использоваться *Like*. Такое особенно характерно для американского английского. It looks like it is going to rain = It looks as if / as though it is going to rain. «Похоже, что пойдёт дождь».

Аналогичным образом на многочисленных примерах анализируются конструкции “sort of”, “in a sort of”, “kind of” и т.п.:

– His mind was a sort of salmagundi. «У него в голове был полный ералаш»; Poetry is a sort of divine madness. «Поэзия – это разновидность божественного безумия»;

– I have a job in a sort of gambling hall. «Я решил поработать в одном игорном заведении»; All of the bodies were discovered in a sort of public, the first on a dead-end street, the second in a desolate alley, and this is the last one – in a field. «Все трупы были обнаружены в своего рода местах публичных: первый – в тупике улицы, второй – в безлюдном переулке и последний – в поле»;

– I think he kind of misses you. «Я думаю, что он вроде скучает по тебе»; Guess that was kind of harsh. «О, кажется, это было немного грубовато» [Reverso context, 2017].

4.3. Обратимся к анализу функциональных эквивалентов *как бы* в англоязычных и испаноязычных переводах.

И.С. Еремина, рассматривая проблему одновременных переводов частицы *как бы* с русского языка на английский на базе художественных произведений Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, М.А. Булгакова и др., пришла с лингвистической точки зрения к выводу, который может быть применим ко множеству других видов и способов перевода подобных элементов в произведениях иных мастеров художественного слова: «Анализ показал, что описываемое нами словосочетание *как бы может переводиться на английский язык несколькими способами и не переводится совсем* (курсив наш. – Э.М.)». Скрупулёзно исследовав соответствующие тексты, автор обнаружила следующие искомые конструкции для перевода *как бы*: *as though, as it were, how, as if, to fear, to be afraid, to seem somewhat, sort of* и «другие слова и словосочетания, которые не формируют отдельные группы в силу немногочисленных примеров». Диссертантка, в частности, установила путём ручной выборки, что «наиболее распространённым эквивалентом в художественной литературе является союз образа действия *as though*, который в английском языке используется для присоединения придаточного предложения, выражающего нереальное сравнение. Он же используется для перевода следующих русскоязычных конструкций: *как бы + деепричастие; как бы + предлог + существительное; как бы + причастие; как бы + наречие; как бы + предлог + местоимение; как бы + существительное; как бы + устойчивое выражение*» [Еремина, 2005: 4–6]⁵.

---

⁵ Адекватные примеры употребления рассматриваемых частиц/союзов в разностилевых контекстах читатель найдёт в вышеприведённых нами корпусных вариантах перевода.

В свою очередь дополним лингвоконцептуальную трактовку И.С. Ереминой переводов текстовых фрагментов с частицей *как бы* собственным трансдисциплинарным анализом спорного предложения на английский язык нескольких отрывков из романа Достоевского «Братья Карамазовы» (The Brothers Karamazov): ч. I, кн. I «История одной семейки», «I. Федор Павлович Карамазов», поскольку оно, на наш взгляд, искажает авторское миропонимание описываемых феноменов.

На с. 12 оригинала читаем: «Молодой человек был поражён, заподозрил неправду, обман, почти вышел из себя, и как бы потерял ум». Перевод: “The young man was overwhelmed, suspected deceit and cheating, and was almost beside himself”. В обратном переводе на русский получаем следующий контекст: «Молодой человек был поражён, заподозрил обман и жульничество, почти вышел из себя». Стилистическое усиление «обман/жульничество» вместо нейтральной лексики «неправда» вполне допустимо. Не переведено «как бы потерял ум» (типа *as though lost his senses*). Это явное упущение переводчика, так, как опущенный фрагмент оригинала объясняет дальнейшие «безумное поведение» Мити, обокраденного отцом и оболганного лжесвидетельством отринутой женщины. Налицо неоправданная издержка перевода – опущение, приведшее к потере важного смыслового нюанса в рамках целостного, когерентного восприятия текста романа.

Контекстно точно и с полным смыслоподобием оригиналу переводчику удалось перевыразить следующий интересующий нас фрагмент текста: «В детстве и юности он был мало экспансивен и даже лично разговорчив, но не от недоверия, не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от какой-то как бы внутренней заботы, собственноличной, до других не касавшейся, но столь для него важной, что он из-за неё как бы забывал других» (с. 18). Ср.: “In his childhood and youth he was by means expansive, and talked little indeed, bit not from shyness or a sullen unsociability; quite the contrary, from something different, *from sort of inner preoccupation* entirely personal and unconcerned with other people, but so important to him *he seemed, as it were* (курсив наш. – Э.М.), to forget others on account of it” (с. 19).

В следующем фрагменте текста – «К слову о Федоре Павловиче <...> Безобразничать с женским полом любил не то что по-прежнему, а даже как бы и отвратительнее» (“Fyodor Pavlovitch, by the way <...> His depravity with *women* (курсив наш. – Э.М.) was not simply what it used to be, but even more revolting” (с. 21)), а также в других местах романа, говоря о “дамском поле”, Достоевский

этими концепто-матрицами страдальческо-иронически выражает своё отношение к этой природно притягательной части «прекрасной половины человечества», принёсшая лично ему не мало жизненных передряг и страданий. Поэтому нейтральное “women” в переводе нарушает ансамблевую стилистику творения писателя. Предпочтительнее было бы употребления выражения “the fair sex”. А конструкцию «а даже как бы и отвратительнее» точнее было бы перевыразить как “but as if it was even more revolting”, что звучит тяжелее, но намного ближе к оригиналу.

Удачные и неудачные примеры, по нашим наблюдениям, можно множить до бесконечности. Фраза «Приезд Алёши как бы подействовал на него даже с нравственной стороны, как бы что-то проснулось в этом безвременном старике из того, что давно уже заглохло в душе его» (с. 21) адекватно звучит в искомом варианте переводчика. “Alyosha’s arrival seemed to affect even his moral side, as though something had awakened in this prematurely old man which had long been dead in his soul”.

Безликим, до предела «доместифицированным» предстаёт перевод следующего фрагмента: «*Старец* Варсонофий действительно казался иногда как бы юродивым, но много рассказывал и глупостей. Палкой же никогда и никого не бивал, — ответил монашек. — Теперь, господа минутку повремените, я о вас повещу» (с. 35), ср.: “*The elder Varsonofy did sometime rather strange, but a great deal that’s told is foolishness. He never thrashed any one, answered the monk. Now, gentlemen, if you will wait a minute I will announce you*”. Замена в переводе «как бы юродивый» на безликое “rather strange” — яркий пример «доместикации перевода», теряющий важный аспект личности Достоевского — его набожности и соответственно адекватного восприятия феномена религиозного «юродства». К тому же для русского читателя очевидно, что «старец» в тексте — это не «elder — старик», а точнее в английском было бы “monastic elder” в сочетании с he kind of God’s fool / holy fool [Ермолович, Красавина, 2006: 899].

Что касается перевода романа «Братья Карамазовы» на испанский язык (Los hermanos Karamázov), то профессор Гранадского университета Э.Ф. Керо Хервилья, исследовав три варианта его одновременных переложений в 1961–1999 гг., выявил инвентарь адекватных единиц для перевыражения русскоязычной частицы *как бы*, к числу которых, в частности, относятся al parecer, en cierto modo, de alguna forma, como si.

Добавив функционально-стилистическую интерпретацию в духе вышеизложенной концепции Н.Д. Арутюновой, учёный констатирует: «Мы можем определить частицу *как бы* как оператора при-

близительности, который автор использует для отображения субъективного отношения к описываемым событиям <...> Поэтому в произведении она преобладает в сценических указаниях, например: Он *как бы* дрожал // Parecía como si temblara и Он дрожал // Él temblaba. Используя эту частицу, автор показывает, что его чувства — это результат интерпретации им действительности <...> Многоразовое употребление Достоевским этой частицы заставляет переводчиков прибегнуть к разным способам перевода». Однако, подчёркивает он, «в большинстве случаев они предпочитают опустить частицу *как бы*. С другой стороны — в своих переводах Августо Видаль и Рафаэль Кансинос Ассенс проявляют общую тенденцию передавать содержание частицы *как бы*, хотя и не всегда. В большинстве случаев трудно определить причины, по которым переводчики оставляют или пропускают *как бы* при переводе».

Кроме того, отмечает учёный, «*как бы* может применяться также и к внешним признакам, тогда эта частица соединяется с признаком (физическим явлением) и его последующей трактовкой: Но, вдруг он как бы сдержал себя. Он стоял и *как бы* что-то обдумывал (т. 7, с. 102) // Pero se contuvo, parecía meditar (R. Ledesma Miranda, с. 637) // De pronto pareció que se dominaba. Estaba parado y como si meditara algo (Augusto Vidal, с. 879) // Pero de pronto pareció dominarse. Estaba parado y recapacitaba (Rafael Cansinos Assens, с. 467)».

Нам импонирует точка зрения учёного, который акцентирует внимание на важности реализации частицы *как бы* для корректного восприятия авторского текста. При этом, подчёркивает учёный, «не следует забывать о том, что в картине мира русского языка существует ярко выраженная тенденция к безличному и неопределённости». И тем не менее, «читателю не следует забывать, читая такое произведение, что текст его оригинала написан на языке, который по многим параметрам значительно отличается от его родного языка».

Вместе с тем, он справедливо подчёркивает, что «существование этой тенденции в картине мира русского языка не может быть оправданной причиной для того, чтобы под предлогом соответствия переводчик опускал перевод частицы *как бы* в тексте, ибо её отсутствие не способствует тому, чтобы «читатель мог почувствовать объёмность текста» [Керо Хервилья, 2012: 237–239, 241–242].

* * *

Итак! Пафос нашего исследования заключается в разработке оптимального четырёхступенчатого методологического стандарта переводческих процедур, репрезентирующего аналитическую рас-

членённость взаимосвязанных стадий «предпонимания», «понимания», «интерпретации» и «переводческого решения», отражающих суть профессионального отличия межъязыкового переводческого посредничества от одноязычной трактовки некоего текста исключительно с позиций его интерпретативно-истолковывающего понимания философом или иным гуманитарием. Приведены развёрнутые дефиниции и дескрипции методологических процедур перевода – «предпонимание» и «понимание» как двух инициальных стадий текстоосмысления оригинала в трансдисциплинарном плане, подготавливающих герменевтико-феноменологическую редукцию ИТ на базисных уровнях «интерпретации» и «переводческого решения», которые завершают продуктивную часть работы переводчика по порождению итогового текста на ПЯ, отчуждаемого реципиенту.

Список литературы

- Автономова Н.С.* Интерпретация и перевод – современные проблемы эпистемологии / Философия познания. К юбилею Л.А. Микешиной: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2010. С. 112–121.
- Autonomova, N.S.* Interpretacija i perevod – sovremennye problemy jepistemologii [Interpretation and translation – modern problems of an epistemologija]. Filosofija poznaniija. K jubileju L.A. Mikeshinaj: sb. st. Moscow: ROSSPJEN, 2010, pp. 112–121 (in Russian).
- Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с.
- Autonomova, N.S.* Poznanie i perevod. Opyty filosofii jazyka [Knowledge and translation. Experiences of philosophy of language]. Moscow: ROSSPJEN, 2008. 704 p. (in Russian).
- Айрапетян В.* Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 672 с.
- Ajrapetjan, V.* Tolkuja slovo: Opyt germenevтики po-russki [Interpreting a word: Experience of hermeneutics in Russian]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011. 672 p. (in Russian).
- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 352 с.
- Alekseeva, I.S.* Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to theory of translation]. Moscow: Izdat. Centr «Akademija», 2004. 352 p. (in Russian).
- Алексеева И.С.* Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 2008. 184 с.
- Alekseeva I.S.* Tekst i perevod. Voprosy teorii [Text and translation. Theory questions]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 2008. 184 p. (in Russian).
- Англо-русский фразеологический словарь / сост. А.В. Кунин, 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1956. 1455 с.

- Anglo-russkij frazeologičeskij slovar' [English-Russian phraseological dictionary], sost. A.V. Kunin, 2-e izd. Moscow: Gos. izd-vo inostran. i nac. slovar'ej, 1956. 1455 p. (in Russian).
- Аранов А.В.* Две парадигмы в протестантской библейской герменевтике. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_10746.html (25.03.17). 5 с.
- Arapov A.V.* Dve paradigmy v protestantskoj biblejskoj germenevtike [Two paradigms in Protestant Bible hermeneutics], available at: http://e-notabene.ru/fr/article_10746.html (25.03.17). 5 p. (in Russian)
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
- Arutjunova, N.D.* Jazyk i mir cheloveka [Language and world of the person]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 895 p. (in Russian).
- Бальзак О. де.* Евгения Гранде: Роман / Пер. с фр. Ф.М. Достоевского. СПб.: Азбука-классика, 2007 [доп. тираж 2008]. 272 с.
- Bal'zak, O. de.* Evgenija Grande: Roman [Evgenia Grandee: Novel]. Per. s fr. F.M. Dostoevskogo. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2007 [dop. tirazh 2008]. 272 p. (in Russian).
- Бузык Л.Г.* Определение характеристик методологического стандарта: герменевтика перевода текста. URL: <http://scipress.ru/philology/article/opredelenie-karakteristik-metodiche> (20.07.2017). 6 с.
- Buzuk, L.G.* Opredelenie harakteristik metodologičeskogo standarta: germenevtika perevoda teksta [Definition of characteristics of the methodological standard: translation hermeneutics of the text], available at: <http://scipress.ru/philology/article/opredelenie-karakteristik-metodiche> (July 20. 2017). 6 p. (in Russian).
- Борев Ю.* Эстетика: Учебник. М.: Высш. шк. 2002. 511 с.
- Vorev, Ju.* Estetika: Uchebnik [Aesthetics: Textbook]. Moscow: Vyssh. shk. 2002. 511 p. (in Russian).
- Брандес М.П., Проваторов В.И.* Предпереводческий анализ текста. М.: НВИ-Тезаурус, 3-е изд. стереотипное, М., 2003. 224 с.
- Brandes, M.P., Provatorov, V.I.* Predperevodčeskij analiz teksta [Pre-translation text analysis]. Moscow: NVI-Tezaurus, 3-e izd. stereotipnoe, Moscow, 2003. 224 p. (in Russian).
- Будагов Р.А.* А.А. Потебня как языковед-мыслитель // ВЯ. М.: Наука, 1986. С. 3–15.
- Budagov, R.A.* A.A. Potebnja kak jazykoved-myslitel' [Potebnya as linguist-thinker]. VJa. Moscow: Nauka, 1986, pp. 3–15 (in Russian).
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: «Высшая школа», 1971. 245 с.
- Vinogradov, V.V.* O teorii hudozhestvennoj reči [About the theory of artistic speech]. Moscow: «Vysshaja shkola», 1971. 245 p. (in Russian).
- Гавриленко Н.Н.* Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25725081_55476205.PDF (24.09.2017). 135 с.

- Gavrilenko, N.N.* Teorija i metodika obuchenija perevodu v sfere professional'noj komunikacii [The theory and methods of translation teaching in the sphere of professional communication], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25725081_55476205.PDF (September 24. 2017). 135 p. (in Russian).
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Gadamer, H.-G.* Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (in Russian).
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы / Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XIV. Книги I–X. Ленинград: изд-во НАУКА (ЛО), 1976. 511 с. (перевод на англ. Project Gutenberg TEI edition I. The Brothers Karamazov [Электронный ресурс]. URL: <https://litelka.ru/library/read/72/40919> с.)
- Dostoevskij, F.M.* Brat'ja Karamazovy [The Brothers Karamazov]. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah. Tom XIV. Knigi I–X. Leningrad: izd-vo NAUKA (LO), 1976. 511 p. (perevod na angl. Project Gutenberg TEI edition I. The Brothers Karamazov, available at: <https://litelka.ru/library/read/72/40919> p.) (in Russian).
- Еремина И.С.* Установление английских эквивалентов русского как бы (Экспериментально-сопоставительное исследование на материале английского и русских языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятитгорск, 2005. 20 с.
- Eremina, I.S.* Ustanovlenie anglijskih jekvivalentov russkogo kak by (Jeksperimental'no-sopostavitel'noe issledovanie na materiale anglijskogo i russkikh jazykov) [Identify of the English equivalents of Russian kind of (An experimental and comparative research on material of English and Russians)]. Extended abstract of candidat's thesis filol. Pjatigorsk, 2005. 20 p. (in Russian).
- Ермолович Д.И., Красавина Т.М.* Новый большой русско-английский словарь / Под общим руководством Д.И. Ермоловича, 2-е изд. М.: Русский язык – Медиа, 2006. 1098 с.
- Ermolovich, D.I., Krasavina, T.M.* Novyj bol'shoj russko-anglijskij slovar' [New big Russian-English dictionary]. Pod obshhim rukovodstvom D.I. Ermolovicha, 2-e izd. Moscow: Russkij jazyk – Media, 2006. 1098 p. (in Russian).
- Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
- Zimnjaja, I.A.* Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti [Lingvo-psychology of speech activity]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO "MODJEK", 2001. 432 p. (in Russian).
- Иванов. Н.В.* Дихотомии перевода (к отологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 4. С. 34–64.
- Ivanov, N.V.* Dihotomii perevoda (k ontologicheskim osnovanijam opredelenija nauchnogo objekta perevodovedenija) [Translation dichotomies (to the on-

- tologic bases of definition of a scientific object of theory of translation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2015. No. 4, pp. 34–64 (in Russian).
- Иванчикова Е.А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: изд-во Наука, 1979. 286 с.
- Ivanchikova, E.A.* Sintaksis hudozhestvennoj prozy Dostoevskogo [Syntax of art prose of Dostoyevsky]. Moscow: izd-vo Nauka, 1979. 286 p. (in Russian).
- Керо Хервилья Э.Ф.* Анализ частицы как бы в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», и её перевод на испанский. Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III Международной научно-практической конференции (Греция), 2012. С. 237–242.
- Kero Hervil'ja, Je.F.* (*Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda*) [Russian language and culture in translation]. Proceedings of the Conference. (Grecija), 2012, pp. 237–242 (in Russian).
- Кривикина О.А., Болдырев А.В.* Предпереводческий анализ текста как условие адекватного перевода. [Электронный ресурс]. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1412768560> (21.01.2017). 9 с.
- Kriviikina, O.A., Boldyrev, A.V.* Predperevodcheskij analiz teksta kak uslovie adekvatnogo perevoda [Source text analysis as condition of adequate translation], available at: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1412768560> (January 21.2017). 9 p. (in Russian).
- Кривонов А.Т.* Слово и мысль. Вопросы взаимодействия языка и мышления. URL: <https://www.litres.ru/a-krivonosov/slovo-i-mysl-voprosy-vzaimodeystviya-yazyka-i-myshleniya/chitat-onlayn/> 2017. 453 с.
- Krivonosov, A.T.* Slovo i mysl'. Voprosy vzaimodejstvija jazyka i myshlenija [Word and thought. Questions of interaction of language and thinking], available at: <https://www.litres.ru/a-krivonosov/slovo-i-mysl-voprosy-vzaimodeystviya-yazyka-i-myshleniya/chitat-onlayn/> 2017. 453 p. (in Russian).
- Кушникова Л.В.* Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход. Дис. ... док. филолог. наук. Пермь, 2004. 437 с.
- Kushnina, L.V.* Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur v perevodcheskom prostranstve: geshtal't-sinergeticheskij podhod [Interaction of languages and cultures in translation space: gestalt and synergetic approach]. Doctor's thesis filolog. Perm', 2004. 437 p. (in Russian).
- Кузнецов В.Г.* Герменевтический методологический стандарт. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 110–111.
- Kuznesov, V.G.* Germenevticheskij metodologicheskij standart [Hermeneutical methodological standard]. Slovar' filosofskih terminov. Moscow: INFRA-M, 2007, pp. 110–111 (in Russian).
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода: Пер. с исп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 224 с.
- L'vovskaja, Z.D.* Sovremennye problemy perevoda [Modern problems of the translation]: Per. s isp. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 224 p. (in Russian).

- Минченков А.Г. Английские частицы: функции и перевод. СПб.: Антология, 2004. 96 с. URL: https://english_particles.academic.ru/22/sort_of
- Minchenkov, A.G. Anglijskie chasticy: funkcii i perevod [English particles: functions and translation] Saint-Petersburg: Antologija, 2004. 96 p., available at: https://english_particles.academic.ru/22/sort_of (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н. «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода (Ч I) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 77–90; № 2. С. 3–41.
- Mishkurov, E.N. «Germenevticheskij povorot» v sovremennoj teorii i metodologii perevoda [“Hermeneutical turn” in the modern theory and methodology of the translation] (Ch I). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2013. No. 1, pp. 77–90; No. 2, pp. 3–41 (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н. Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть I) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 2. С. 17–37.
- Mishkurov, E.N. Germenevtiko-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdisciplinarnosti [*Hermeneutical methodological standard of translation in the mirror of transdisciplinarity*] (chast' I). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2015. No. 2, pp. 17–37. (in Russian).
- Найда Юджин А. К науке переводить / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 114–137.
- Neida, E. K nauke perevodit' [Toward a Science of Translating]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: sb. statej*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1978, pp. 114–137 (in Russian).
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: «Прометей», 1989. 182 с.
- Nalimov, V.V. Spontannost' soznaniya [Spontaneity of consciousness]. Moscow: “Prometej”, 1989. 182 p. (in Russian).
- Новейший философский словарь. Постмодернизм [The latest philosophical dictionary. Postmodernism]. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
- Novejšij filosofskij slovar'. Postmodernizm. Minsk: Sovremennyy literator, 2007. 816 p. (in Russian).
- Новикова М.Г. Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 208 с.
- Novikova, M.G. Mera smysla, aktual'noe chlenenie i adekvatnost' perevoda: monografija [Sense measure, actual division and adequacy of the translation: monograph]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 208 p. (in Russian).
- Оксфордский русско-английский словарь / сост М. Уилер. М.: Изд-во «Престиж», «Баркалая и К^о», 1998. 913 с.
- Oksfordskij russko-anglijskij slovar' [Oxford Russian-English dictionary], sost M. Uiler. Moscow: Izd-vo “Prestizh”, “Barkalaja i K^o”, 1998. 913 p. (in Russian)
- Обсорт Грант Р. Герменевтическая спираль: Общее введение в библейское толкование. Одесса: ЕвроАзиатская Аккредитационная Ассоциация, 2009. 728 с.

- Osborne, Grant R.* *Germeņevtičeskaja spiral': Obshhee vvedenie v biblejskoe tolkovanie* [The Hermeneutical Spiral: A Comprehensive Introduction to Biblical Interpretation]. Odessa: EvroAziatskaja Akkreditacionnaja Asso-
ciacija, 2009. 728 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. 654 с.
- Potebnja, A.A.* Iz zapisok po teorii slovesnosti [From notes according to the theory of literature]. Har'kov, 1905. 654 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Мысль и язык. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/03.php (07.09.2017). 15 с.
- Potebnja, A.A.* Mysl' i jazyk [Thought and language], available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/03.php (September 07.2017). 15 p. (in Russian).
- Русско-английский словарь / Под редакцией О.С. Ахмановой, 6-е изд. М.: Гос. изд-во. иностран. и нац. словарей, 1962. 951 с.
- Russko-anglijskij slovar' [Russian-English dictionary] / Pod redakciej O.S. Ahmanovoj, 6-e izd. Moscow: Gos. izd-vo. inostran. i nac. slovarej, 1962. 951 p. (in Russian).
- Самохина И.А.* Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных видах перевода художественного текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук (Тверь), 2012. 167 с.
- Samohina, I.A.* Interpretacionnyj potencial kul'turno-istoričeskikh realij v raznyh vidah perevoda hudozhestvennogo teksta [Interpretative potential of cultural and historical realities in different types of the translation of the art text]. Extended abstract of candidate's thesis filol. (Tver'), 2012. 167 p. (in Russian).
- Сдобников В. В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода. Дис. ... док. филолог. наук. Н. Новгород, 2015. 461 с.
- Sdobnikov, V.V.* Kommunikativnaja situacija kak osnova vybora strategii perevoda [Communicative situation as basis of the choice of strategy of the translation]. Doktor's thesis filolog. N. Novgorod 2015. 461 p. (in Russian).
- Современный философский словарь. М., Бишкек, Екатеринбург, 1996. 608 с.
- Sovremennij filosofskij slovar' [Modern philosophical dictionary]. Moscow, Bishkek, Ekaterinburg, 1996. 608 p. (in Russian).
- Согибян К.О., Шахбазян А.А.* Интерпретация фэнтези как предпереводческая деятельность / слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах, материалы VIII Международной научной конференции: В 2 т. Челябинск: изд. Энциклопедия, 2016. С. 498–501.
- Sogikjan, K.O., Shahbazjan, A.A.* Interpretacija fjentezi kak predpervodčeskaja dejatel'nost' [Interpretation of a fantasy as pretranslation activity], *slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmatičeskom i kul'turoloģičeskom aspektah, materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2-h tomah.* Cheljabinsk: izd. Jenciklopedija, 2016, pp. 498–501. (in Russian).

- Теняно Ю.П.* Эстетическая концепция А.А. Потебни. Автореф. дис. ... канд. философ. наук (Киев), 1976. 18 с.
- Tenjan'ko, Ju.P.* Jesteticheskaĵa koncepcija A.A. Potebni [Esthetic concept of A.A. Potebnja]. Extended abstract of candidate's thesis filosof. (Kiev), 1976. 18 p. (in Russian).
- Тисельтон Э.* Герменевтика. Пер. с англ. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с.
- Tisel'ton, Je.* Germenevtika [Hermeneutics]. Per. s angl. Cherkassy: Kollokvium, 2011. 430 p. (in Russian).
- Топер П.* Перевод и литература: Творческая личность переводчика // Вопросы литературы, ноябрь-декабрь. М.: 1998. С. 178–199.
- Toper, P.* Perevod i literatura: Tvorcheskaĵa ličnost' perevodchika [Translation and literature: Creative person of the translator]. *Voprosy literatury, nojabr'-dekabr'*. Moscow: 1998, pp. 178–199 (in Russian).
- Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
- Filosofija. Jenciklopedičeskij slovar' [Philosophy. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki, 2006. 1072 p. (in Russian).
- Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
- Filosofskij jenciklopedičeskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: INFRA-M, 1997. 576 p. (in Russian)
- Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография. 3-е изд. стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 304 с.
- Podgotovka perevodchika: kommunikativnye i didaktičeskie aspekty [Training of the translator: communicative and didactic aspects]: koll. monografija. 3-e izd. ster. Moscow: FLINTA: Nauka, 2014. 304 p. (in Russian).
- Шульга Е.Н.* Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. URL: <https://iphras.ru/page48939378.htm> (16.09.2017). 92 с.
- Shul'ga, E.N.* Problematika predponimanija v germenevtike, fenomenologii i sociologii [Preunderstanding perspective in hermeneutics, phenomenology and sociology], available at: <https://iphras.ru/page48939378.htm> (September 16. 2017). 92 p. (in Russian).
- Шульга Е.Н.* Проблема «герменевтического круга» и диалектика понимания / Герменевтика: история и современность: (Критич. очерки). М.: Мысль, 1985, С. 143–161.
- Shul'ga, E.N.* Problema «germenevtičeskogo kruga» i dialektika ponimanija. Germenevtika: istorija i sovremennost' [Problem of “a hermeneutical circle” and dialectician understanding. Hermeneutics: history and present]: (Kritich. Oчерki). Moscow: Mysl', 1985, pp. 143–161 (in Russian).
- Широва И.А., Гончарова Е.А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 472 с.
- Shhirova, I.A., Goncharova E.A.* Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretacija: Učebnoe posobie [Multidimensionality of the text: understanding and interpretation: Education guidance]. Saint-Petersburg: ООО «Knizhnyj Dom», 2007. 472 p. (in Russian).

- Яркова Е.Н.* История и методология юридической науки. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 352 с.
- Jarkova, E.N.* Istorija i metodologija juridicheskoj nauki [History and methodology of jurisprudence]. Tjumen': Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. 352 p. (in Russian).
- Dilthey, W.* Selected Wrightings. London, 1976. 262 p.
- Nord, C.* Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. second edition. Amsterdam – New York: Rodopi, NY, 2005. 274 p.
- Ladmiral, J.-R.* Traduire Éléments de traduction philosophique. URL: http://www.persee.fr/doc/AsPDF/lfr_0023-8368_1981_num_51_1_5095.pdf (July 26. 2017), pp. 19–34.
- Ladmiral, J.-R.* De la subjectivité du traducteur aux conceptualisations de la traductologie. Au cœur de la démarche traductive: débats entre concepts et sujets. – CIPA, Nadia D'Amelio, 2012, pp. 15–27.
- Hyun-Sook, Kim* The Hermeneutical-Praxis Paradigm and Practical Theology. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00344080701657873?journalCode=urea20> (February 13.2017), p. 2.
- Cerrel, L., Stolze, R., Stanley, J.* Hermeneutics as a Research Paradigm. URL: https://www.academia.edu/18747193/Hermeneutics_as_a_Research_Paradigm (February 12. 2017), pp. 17–40.
- Reverso Context. URL: <http://context.reverso.net/> (October 17. 2017).
- Taraeva, E.* Cross-cultural interpretation as the strategy for pre-translation text analysis. E. Taraeva. *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences*. 2011. No. 4 (10), pp. 1473–1480.

Н.В. Соколова, кандидат филологических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет;
e-mail: ntlk0@mail.ru

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В современном мире приращение научного знания происходит непрерывно, а при рассмотрении любой научной проблемы первостепенную важность приобретает задача анализа накопленной информации. В центре внимания данной статьи находятся технический текст и технический перевод, которые в условиях глобализации и бурного развития техники требуют скрупулёзного изучения. Для измерения библиографических единиц, посвящённых техническому тексту и переводу, в работе применяется наукометрический подход. В качестве материала исследования выбрана библиография письменного и устного перевода (BITRA) – одна из немногих и наиболее полных современных библиографических баз данных по переводоведению, доступных в режиме онлайн. Библиография содержит публикации как зарубежных, так и отечественных учёных. Результаты показали, что в базе данных BITRA количество публикаций, посвящённых техническому переводу, составляет не более 11%, а количество диссертаций зарубежных исследователей по техническому переводу – 0,05% от общего количества библиографических единиц за период с 1997 по 2017 г. Диссертаций отечественных исследователей, посвящённых техническому тексту, в базе данных BITRA по результатам поиска найдено не было. В итоге были выявлены две точки зрения зарубежных исследователей на технический текст: ряд учёных включает в понятие «технический текст» тексты специальные (юридические, медицинские, экономические и пр.), а основанием для этого считают наличие специальной терминологии. Другие исследователи рассматривают технический текст как один из жанров специальных текстов, а основанием для такой точки зрения служит наличие связи с технической сферой. Таким образом, наукометрический подход является эффективным инструментом анализа библиографических данных, однако следует отметить, что данный метод также позволяет формулировать практические рекомендации по улучшению поискового функционала современных библиографических баз данных.

Ключевые слова: библиография письменного и устного перевода, наукометрический подход, технический перевод, специальный перевод, наука и техника.

Natalia V. Sokolova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at Perm National Research Polytechnic University, Russia; e-mail: ntlk0@mail.ru

THE SCIENTOMETRIC APPROACH AS AN EFFECTIVE TOOL OF ANALYZING THE CURRENT STATE OF TRANSLATION STUDIES

In today's word, scientific knowledge increases on an ongoing basis; therefore, the challenge of analyzing the accumulated data turns into a task of paramount importance when considering scientific problems. This article focuses on the technical text and tech-

nical translation per se as they – in the context of the globalization and rapid technological development – should become the topic of meticulous and rigorous research. To measure bibliographic entries related to technical texts and translation, the scientometric approach is utilized in the article. The Bibliography of Translation and Interpreting (BITRA) has been selected as the material to draw upon. This bibliography is one of the few and the most comprehensive online bibliographic databases devoted to translation studies. It features publications by foreign and Russian researchers alike. The results obtained show that not more than 11% of the BITRA-indexed publications are devoted to technical translation, with the ratio of dissertations by foreign scholars covering technical translation aspects being 0.05% as compared to the overall number of 1997–2017 BITRA entries. No technical translation dissertations written by Russian researchers have been found. Two points of view on technical texts have been determined as some scholars consider special (legal, medical, economic, etc.) texts to be “technical” ones due to the presence of special terminology in such texts. Other researchers treat technical texts as special ones as they have something to do with the technological sector. Thus, the scientometric approach is an effective tool of analyzing bibliographic data. In addition, it should be noted that this method is also helpful in formulating practical guidelines for enhancing the search functionality of contemporary bibliographic databases.

Key words: Bibliography of Interpreting and Translation (BITRA), scientometric approach, technical translation, specialized translation, science and technology.

Введение

Объём современного научного знания растёт непрерывно, такими темпами, какие были недостижимы ещё несколько десятилетий назад. Такой же бурный рост знания и скрупулёзное накопление научных фактов наблюдается и в науке о переводе – переводоведении. Однако ввиду большого объёма информации, требующей осмысления, анализа и систематизации, в переводоведении, как и в любой другой науке, ряд явлений остаётся на периферии исследований, как, например, технический текст и технический перевод.

Ещё в начале XXI века ежегодно объём переводов технических текстов составлял около 90% от общего объёма переводимых текстов [Kingscott, 2002: 247; см. также Алексеева, 2004: 8]. Тем не менее, место технического текста в науке о переводе до сих пор не определено: словосочетание «научно-технический» традиционно подразумевает некую неразрывную связь технической отрасли с наукой, а также определённую подчинённость технического знания научному, однако все больше исследователей говорят о принципиальных различиях сфер науки и техники.

Основополагающими отечественными работами в этом направлении являются труды Ю.М. Лотмана [Лотман, 2000; Лотман, 2010: 67]. Как отмечает Вяч.Вс. Иванов в предисловии к книге Ю.М. Лотмана «Непредсказуемые механизмы культуры»: «Одной из теоретически правильных и практически важных глав книги Лотмана мне представляется глава, посвящённая соотношению науки и техники.

Лотман и здесь против банальных расхожих истин. Мы привыкли повторять слова о взаимосвязи науки и техники. Лотман убедительно говорит об их принципиальном различии. Техника развивается постепенно и каждый следующий шаг в её развитии предсказуем. Большие научные открытия рождаются благодаря непредсказуемому взрыву» [Лотман, 2010: 17]. Более того, наука и техника могут быть противопоставлены друг другу: из характерных современных примеров можно отметить увлечение техническими новинками, научный аспект и потенциал которых остаётся невыясненным [там же: 18].

Если традиционно принято говорить о *научно-технических* (здесь и далее курсив наш. — *Н.С.*) текстах, научно-техническом переводе, то представленная выше позиция противопоставления науки и техники как разных сфер позволяет нам говорить о *технических* текстах как полноправном и самостоятельном объекте исследования с точки зрения теории и практики перевода, что определяет актуальность нашего исследования.

Первым шагом на пути изучения технических текстов является анализ накопленного научного знания. Материалом исследования в рамках данной статьи послужила библиография письменного и устного перевода (далее ВІТРА) — одна из немногих современных библиографических баз данных по переводоведению, доступных в режиме онлайн. Библиография ВІТРА содержит труды исследователей со всего мира. В 2004 году лишь 1 тыс. 905 единиц библиографии, или 9,3%, были посвящены техническому переводу, а общее количество публикаций в базе данных на тот момент составляло свыше 20 тыс. единиц [Franco Aixelá, 2004].

Для измерения данных исследований в работе будет применен наукометрический подход. По мнению Д. Жилия, анализ переводоведческих работ по таким критериям, как объём (тексты), страна, автор и т.д. может быть очень информативен [Gile, 2015: 2]. Мы предполагаем, что применение наукометрического подхода при анализе библиографии по проблемам технического текста и перевода позволит установить место технического текста и технического перевода в исследованиях учёных-переводоведов, а также определить актуальные направления для дальнейших исследований.

Проведение наукометрического анализа

На веб-сайте авторитетной библиотеки Университета Манчестера представлены следующие современные библиографии в области переводоведения, в частности — письменного перевода [TISD]:

1. ВІТРА – библиография письменного и устного перевода, которая по состоянию на ноябрь 2017 г. включает свыше 70 тыс. библиографических единиц (диссертаций, книг, статей и т.д.). Библиография доступна по ссылке https://aplicacionesua.cpd.ua.es/tra_int/usu/buscar.asp?idioma=en

Ведение библиографии осуществляется на базе факультета письменного и устного перевода Университета Аликанте лично редактором Х. Франко Айсела [ВІТРА].

2. Количество записей в библиографии переводоведения издательства John Benjamins (<https://benjamins.com/online/tsb/>) несколько скромнее – около 28 тыс. единиц. В базе данных представлены аннотации, диссертации, электронные публикации, сборники, а также журналы. Ведение базы данных осуществляют И. Гамбир и Л. ван Доорслер [TSB].

3. Также в режиме онлайн доступен ряд порталов: веб-сайт Европейского общества переводоведения, портал изучения перевода издательства Routledge, однако они предоставляют доступ лишь к перечням журналов и не содержат библиографических баз данных.

Таким образом, из указанных выше баз данных библиография письменного и устного перевода ВІТРА содержит наибольшее количество единиц.

В рамках базы данных ВІТРА поиск может осуществляться по таким параметрам, как: тема, автор, год, название, язык, а также по всем полям (рис. 1). Возможен поиск по ключевому слову в поле *Key words* (ключевые слова).

Материалом нашего исследования послужили диссертации за период с 1997 по 2017 гг. включительно. Поиск осуществлялся по ключевым словам *technical* (технический) и *technicity* (техничность).

В базе данных ВІТРА в разделе GENRE (жанр) представлено ключевое слово *Technical*, что свидетельствует о рассмотрении технических текстов как отдельного жанра. Согласно информации в раскрывающемся списке поиска по ключевым словам, в «технический» жанр включены тексты следующих сфер: бизнес, информационные технологии, юриспруденция, медицина, а также локализация, что представлено ниже:

Таким образом, подход, принятый в рамках базы данных ВІТРА, состоит в объединении в рамках понятия «технический текст» не только чисто технических (информационные технологии), но и специальных текстов (медицина, юриспруденция). Очевидно, что основополагающим критерием для такого объединения служит фактор наличия специальной терминологии, которая присутствует во всех упомянутых текстах.

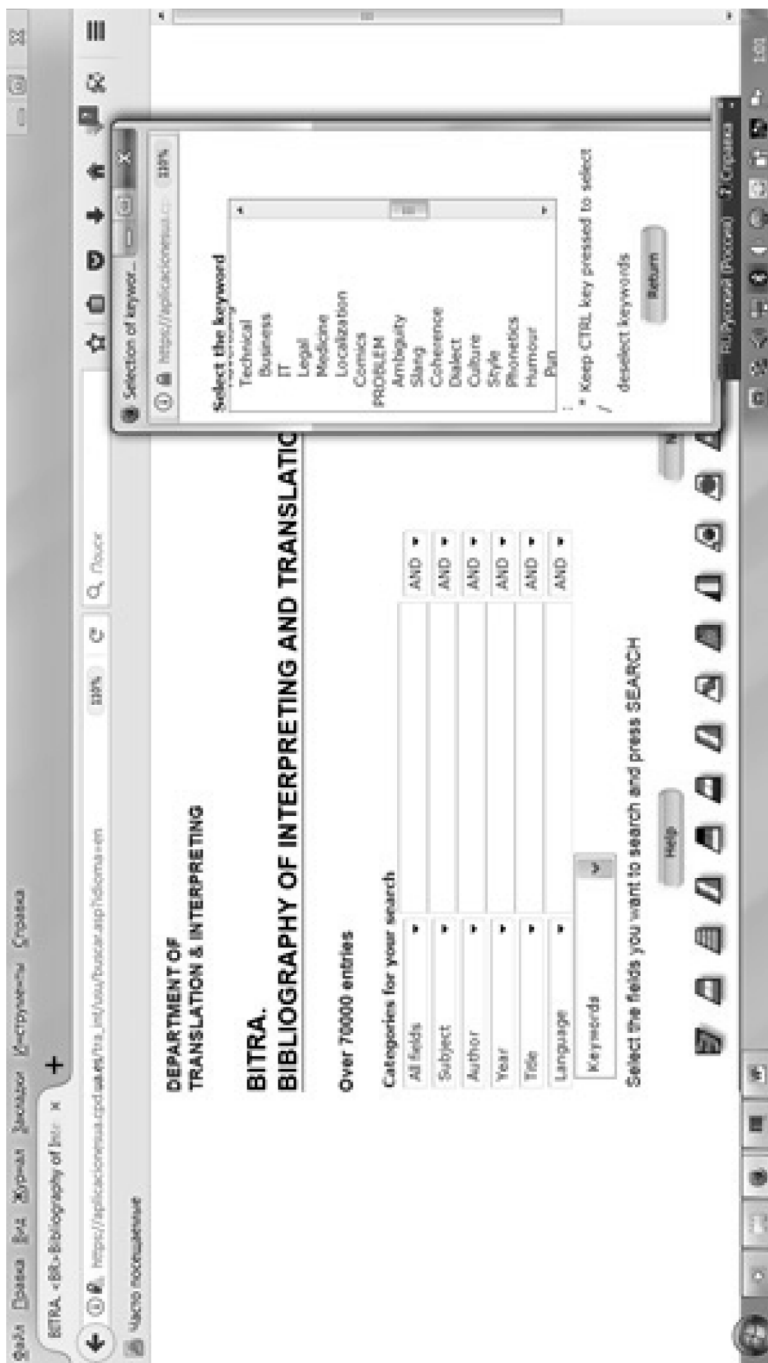

Рис. 1. Жанр технических текстов и его поджанры согласно информации из базы данных BITRA

Широкая трактовка технических текстов как специальных представлена и в диссертации зарубежного исследователя А. Таваста, работа которого также отражена в базе данных ВІТРА. Автор отмечает важность технического перевода и значительную его долю в объёме переводов в современном мире. При этом к техническим текстам он относит инструкции, пользовательские интерфейсы, информацию о продукте, маркетинговые материалы, т.е. такие тексты, которые предприятия создают с целью преодолеть языковые барьеры и получить доход [Tavast, 2008: 26]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что реципиент таких текстов – клиент, потребитель продукции.

Таким образом, А. Таваст пишет об источнике, реципиенте, а также о цели создания текста, предопределяющей доминирующий тип информации в тексте, что служит основанием для отнесения текстов к определённому стилю/жанру. Однако широкая трактовка цели (получение прибыли) позволяет отнести к так называемым «техническим» текстам документы и финансового, и экономического характера, что ведёт к объединению понятий технического и специального текста.

Однако такой подход объединения специальных текстов под названием «технические» разделяют не все зарубежные исследователи. Так, Дж. Бирн указывает, что наличие терминологии не может служить основанием для рассмотрения текста как «технического» [Burne, 2006: 3; Burne, 2004]. По мнению Дж. Бирн, «технический» означает именно сам факт связи с технической сферой. В качестве примера Дж. Бирн приводит религиозные тексты, отличающиеся стилистическим своеобразием и наличием библейской терминологии, что не даёт основания считать их «техническими».

В рамках отечественного переводоведения специальный и технический текст, специальный перевод и перевод технический рассматриваются как различные понятия, при этом технический перевод – наряду с некоторыми другими – входит в понятие перевода специального. Вот интерпретация специального перевода, представленная В.В. Алимовым: «Специальный перевод – передача текста письменной или устной речи специальных отраслей знания, науки и техники средствами другого языка» [Алимов, 2005: 44]. Таким образом, основанием для дифференциации текстов в рамках специального перевода согласно данному определению служит учёт такого параметра, как отнесение текста к определённой сфере/отрасли: технике, медицине, экономике и пр., что и позволяет в рамках специальных текстов выделять технические, юридические, медицинские и пр. тексты. Отличительная особенность специальных текстов на лексическом уровне – терминология конкретной сферы или отрасли.

Результаты

Поиск по базе данных ВІТРА по ключевому слову *Technical* позволил получить 8 285 результатов. На данный момент в базе данных индексируется свыше 70 тыс. изданий, а это значит, что лишь 11% материалов базы посвящено проблемам технических текстов.

В 2004 г. соотношение общего количества библиографических единиц ВІТРА к публикациям в базе данных, посвящённым техническому переводу, составляло 90,7% к 9,3%. Полученное нами процентное количество публикаций по техническому переводу в базе данных ВІТРА на 2018 г. – 11%, т.е. примерно на 2% больше.

Поиск по ключевым словам *Technical* и *dissertation* (диссертация) в строке *All fields* (все поля) за период с 1997 по 2017 гг. позволил найти 38 публикаций:

Данное количество составляет 0,05% от общего объёма библиографических единиц ВІТРА (70 тыс. на конец 2017 г.). Отметим, что в базе данных ВІТРА отражены работы и отечественных учёных, однако они в результатах поиска не были представлены.

Поиск по ключевому слову *technicity* в строке *All fields* позволил найти одну работу: она посвящена экономическому специальному переводу, который, как отмечает автор исследования А. Ролло, характеризуется некоторой степенью техничности (понятие, которое само по себе тоже нуждается в прояснении) [Rollo, 2015].

В результате поиска по ключевым словам *Technical* и *dissertation* в строке *All Fields* (рис. 2) были найдены не только диссертации, но также книги и статьи. Поиск диссертаций по ключевому слову *dissertation* в строках *Subject* (тема) и *Title* (название) не дал результатов. По этой причине следует отметить, что в базе данных ВІТРА не учтены возможности поиска типов научных работ (статья, диссертация, книга и т.п.).

Из 38 результатов поиска мы исключили 3 статьи, 3 книги, а также 5 диссертаций, касающихся аспектов преподавания английского; исторических вопросов роли женщин в переводе научных работ; научного языка физики, а также вопросов перевода футбольной и кулинарной терминологии. Из оставшихся 27 диссертаций лишь 7 посвящены анализу технических текстов как таковых, в то время как в других работах рассматриваются вопросы перевода специальных текстов и устного перевода (рис. 3).

Далее представлена диаграмма с распределением 7 диссертаций, посвящённых техническому переводу, по годам (рис. 4).

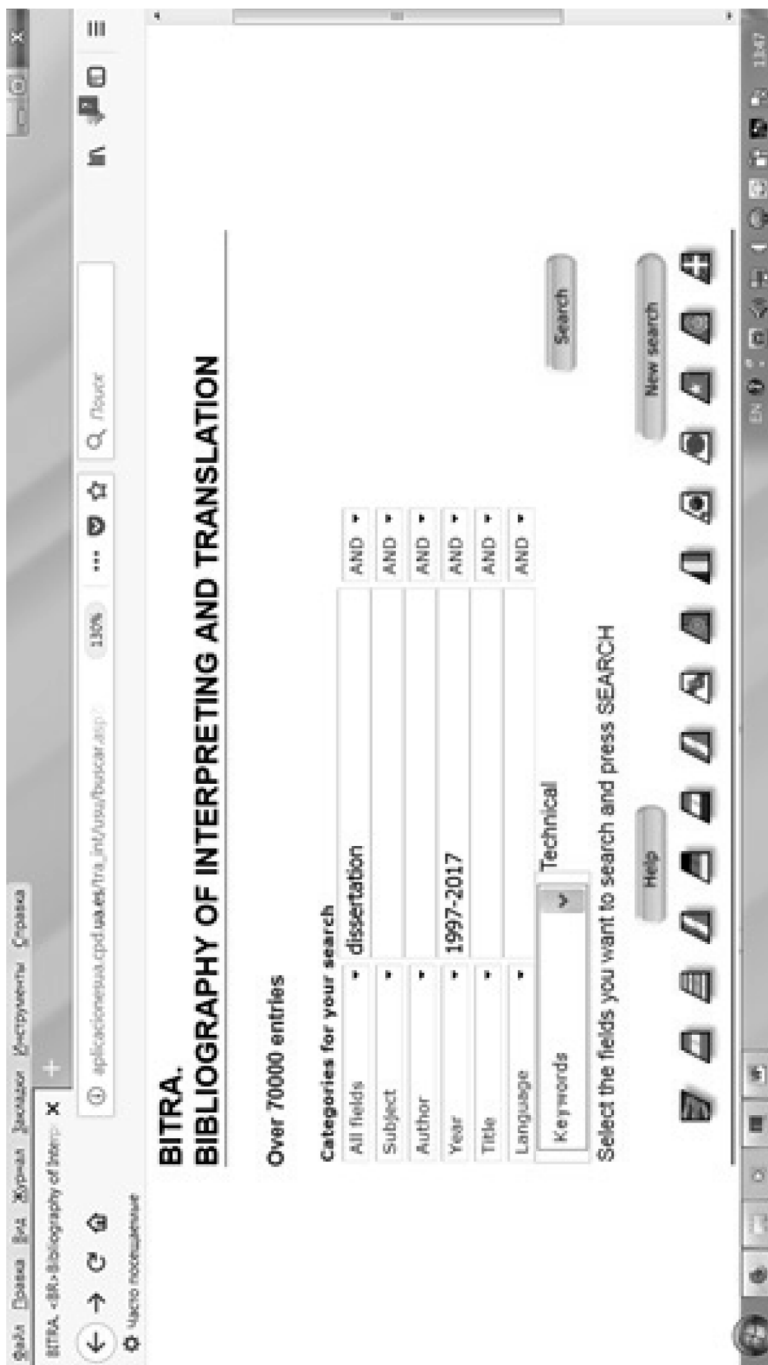

Рис. 2. Поиск по ключевым словам *Technical, dissertation* в строке *All fields*, период 1997–2017

Рис. 3. Диссертации по техническому переводу, а также диссертации по специальному переводу по отраслям, база данных ВІТРА, 1997–2017

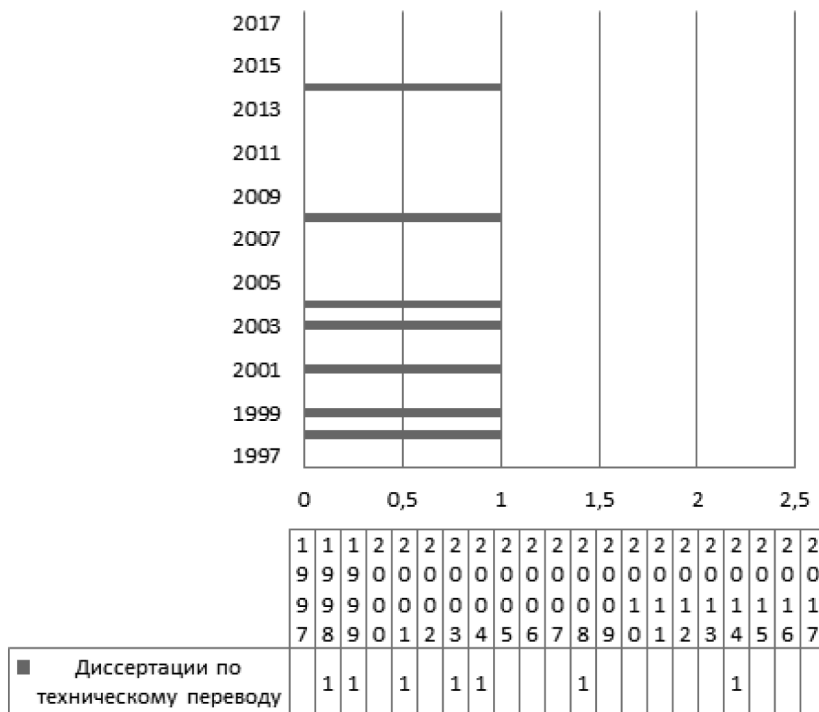

Рис. 4. Диссертации по техническому переводу, база данных ВІТРА, 1997–2017

Заключение

Таким образом, результаты анализа библиографии письменного и устного перевода ВІТРА, проведённого с помощью наукометрического метода, демонстрируют недостаточную изученность проблемы технического текста и технического перевода со стороны современных зарубежных переводоведов, диссертации которых индексируются в базе данных ВІТРА. За период с 1997 по 2017 гг. количество публикаций, посвящённых техническому переводу, составляет не более 11%, а количество диссертаций по техническому переводу – 0,05% от общего количества изданий, индексируемых в библиографии ВІТРА. В библиографии отражены труды отечественных учёных, однако в результатах поиска они не были представлены.

В результате применения наукометрического подхода были выявлены две точки зрения зарубежных исследователей на технический текст:

1) в понятие «технический текст» включены тексты специальные (юридические, медицинские, экономические и пр.) [ВІТРА; Tavast, 2008], а основанием для этого служит наличие специальной терминологии;

2) технический текст рассматривается как один из специальных текстов, а основанием для этого является связь с технической сферой [Burne, 2004; Burne, 2006].

Таким образом, наукометрический подход является эффективным инструментом анализа библиографических данных и определения места изучаемой проблемы – в нашем случае технического текста и технического перевода – в системе научного знания, а также актуальных направлений для дальнейших исследований.

Данный подход также позволяет формулировать практические рекомендации по улучшению поискового функционала библиографических баз данных. Онлайн-база данных ВІТРА – одна из немногих существующих библиографий перевода, что составляет её несомненную практическую и теоретическую ценность. Применение наукометрического подхода позволило выявить направления для улучшения работы поисковой системы ВІТРА в части добавления возможностей поиска по типу научной работы (диссертация, книга, статья и пр.), по виду перевода: устный/письменный, а также необходимость повышения точности соответствия поиска ключевым словам.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
- Alekseeva, I.S.* Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlja stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij [Introduction into translation studies: Study guide for departments of philology and linguistics]. I.S. Alekseeva. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet PbGU; Moscow: Izdatel'skij centr "Akademija", 2004. 352 p. (in Russian).
- Алимов В.В.* Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации). М.: Комкига, 2005. 232 с.
- Alimov, V.V.* Interferencija v perevode (na materiale professional'no orientirovannoj mezhkul'turnoj kommunikacii i perevoda v sfere professional'noj kommunikacii) [Interference in translation (based on the material of professionally-oriented intercultural communication and professional communication-related translation)]. V.V. Alimov. Moscow: Komkniga, 2005. 232 p. (in Russian).
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2000. 704 с.
- Lotman, Ju.M.* Semiosfera [Semiosphere]. Ju.M. Lotman. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB. 2000. 704 p. (in Russian).
- Лотман Ю.М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. 233 с.
- Lotman, Ju.M.* Nepredskazuemye mehanizmy kul'tury [Unpredictable mechanisms of culture]. Ju.M. Lotman. Tallinn: TLU Press, 2010. 233 p. (in Russian).
- BITRA.* Bibliography of interpreting and translation ed. by Javier Franco. University of Alicante. DOI: 10.14198/bitra. Available at http://aplicacionesua.cpd.ua.es/tra_int/usu/buscar.asp?idioma=en (Jan 3. 2018).
- Byrne, J.* Textual cognetics and the role of iconic linkage in software user guides. Doctoral dissertation. J. Byrne. Dublin City University, 2004. 357 p. Available at http://doras.dcu.ie/17320/1/jody_byrne_20120704150746.pdf (Jan 3. 2018).
- Byrne, J.* Technical translation. Usability strategies for translating technical documentation. J. Byrne. Springer, Netherlands, 2006. 290 p.
- Franco Aixelá, J.* The study of technical and scientific translation: An examination of its historical development. J. Franco Aixelá. *Journal of Specialised Translation*, 2004, Issue 1, pp. 29–49.
- Gile, D.* Analyzing translation studies with scientometric data: from CIRIN to citation analysis. D. Gile. *Perspectives: Studies in Translatology*, published online 09 Apr 2015, DOI: 10.1080/0907676X.2014.972418. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/0907676X.2014.972418> (Jan 3. 2018).
- Kingscott, G.* Technical translation and related disciplines. G. Kingscott. *Perspectives: Studies in Translatology*, 2002, Vol. 10:4, pp. 247–255.
- Rollo, A.* La traduction économique dans une perspective contrastive français-italien: problèmes terminologiques [Business translation from a French-Italian contrastive perspective: terminological problems]. A. Rollo // inTRAlinea Special Issue, 2018. Available at <http://www.intralinea.org/> (Jan 3. 2018).

- Tavast, A.* The translator is human too: a case for instrumentalism in multilingual specialised communication. Dissertation / A. Tavast. Tartu University, Tartu, Estonia, 2008. 226 p. Available at: <http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/7767/Tavastarvi.pdf?sequence=1> (Nov 1. 2017).
- TISD.* Translation and intercultural studies: databases. The University of Manchester Library. Available at <http://subjects.library.manchester.ac.uk/translation/databases/> (Jan 3. 2018).
- TSB.* Translation studies bibliography ed. by Yves Gambier and Luc van Doorslaer. Amsterdam, John Benjamins. Available at <https://benjamins.com/online/tsb/> (Jan 3. 2018).

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Дин Нин, аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: lynne_tin@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГЕРОЕВ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Произведения И.С. Тургенева представляются весьма благодатным материалом для исследований сопоставительно-стилистического характера. Портреты героев представлены в них как самоценные характеристики героев. Актуальность исследования определяется глубоким интересом к творчеству И.С. Тургенева в Китае и обусловлена необходимостью широкого и всестороннего изучения произведений И.С. Тургенева и особенностей их перевода на китайский язык. Объектом исследования являются фрагменты портретных характеристик героев в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», специфика употребления слов лицо, глаза, нос, рот, лоб, волосы, руки, рост и особенности перевода данных лексем на китайский язык с учётом контекстов, в которых они употребляются и возникающих вследствие этого контекстуально обусловленных оттенков значения.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, роман «Отцы и дети», портрет, перевод, Ба Цзин.

Din Nin, Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: lynne_tin@mail.ru

TRANSLATING PORTRAIT CHARACTERISTICS OF THE HEROES OF *FATHERS AND SONS* BY IVAN TURGENEV INTO CHINESE

Works by Ivan S. Turgenev are a fertile material for comparative-stylistic studies, portraits of heroes are presented as self-valuable characteristics of heroes. The relevance of the article is determined by a deep interest in Turgenev's creativity in China and is due to the need for a wide and comprehensive study of Turgenev's works and the features of their Chinese translations. The article's subject matter are fragments of portrait characteristics of the heroes in the novel *Fathers and Sons*, the specific use of the words *face, eyes, nose, mouth, forehead, hair, hands, height* and features of translating these lexemes into Chinese while taking into account the contexts in which they are used and the resulting contextual connotations.

Key words: Ivan Turgenev, *Fathers and Sons*, portrait, translation, Ba Jin.

Художественное наследие И.С. Тургенева давно является достоянием не только русской, но и мировой культуры. Произведения И.С. Тургенева гармоничны и поэтичны, им свойственна яркая образность, тонкий лирико-психологический анализ. Создавая художественные образы, И.С. Тургенев не выходит за рамки языко-

вой нормы, что облегчает восприятие произведений Тургенева иноязычной аудиторией и перевод его произведений на иностранные языки. Однако академические исследования текстов перевода Тургенева на иностранные языки, как правило, ограничиваются переводами на западные языки; в востоковедении сравнительно редко уделяется внимание переводам русской классики. Кроме того, такая проблема, как сопоставление эстетического значения того или иного слова в русском художественном тексте и эстетического значения того же слова, возникающего при переводе на китайский язык, остаётся в научной литературе пока нерешённой.

В китайской литературе существует богатая традиция описания внешности героев, и в переводах портретных фрагментов на китайский язык возникает своеобразный диалог стилей и традиций, в том числе традиций словоупотребления и дополнительных оттенков значения слов.

Произведения И.С. Тургенева представляются весьма благодатным материалом для исследований сопоставительно-стилистического характера, так как в произведениях этого писателя портреты героев представлены очень образно.

Понятие портрета в художественном тексте в литературоведении до сих пор не полностью раскрыто. Оно трактуется как в широком, так и в узком смысле. В этой работе под портретом мы подразумеваем составную часть структуры персонажа, которая, наряду с другими структурными составляющими (описанием внутреннего мира персонажа, его внутренней и внешней речи, отношений с другими персонажами и др.), является одним из средств раскрытия характера. За основу мы берём традиционное понимание портрета как изображения наружности человека: черт лица, фигуры, позы, мимики, жеста, одежды.

Портрет выступает как одно из основных средств индивидуализации персонажа. Помимо внешних характеристик, включающих в себя сведения о причёске, одежде, манерах, аксессуарах, портрет отражает и вкусы, пристрастия, привычки — индивидуальность героя.

Тургенев как художник в полной мере проявил себя в романе «Отцы и дети», создав галерею неповторимых, разноплановых, красочных портретов, каждый из которых подчеркнул уникальность, тонкость души каждого героя.

С самого начала романа «Отцы и дети» мы видим, что И.С. Тургенев — истинный художник-портретист: он немногословно, но метко схватывает самую суть персонажа, выявляя его изюминку, его характер. Кроме того, в портретном описании героев Тургенев проявляет своё отношение к персонажам.

Рассмотрим особенности перевода портретных характеристик героев романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» и их переводов на китайский язык, выполненных переводчиками Ба Цзинем (1943 г.) и Ши Чжэнь Чуанем (1995 г.), с целью показать особенности восприятия облика героев романа И.С. Тургенева китайскими переводчиками.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
Грубый, но не злой русский человек	是一个识字不多的粗人，不过人并不坏；这是一个道地的俄罗斯人。 Грубый – необразованный или малообразованный (неучтивый)	粗通文墨，是那种虽则粗鲁却不狠毒的俄罗斯人。 Малообразованный, невоспитанный, но жестокий

В обоих переводах переводчики слово грубый дополняют словом «малообразованный», в переводе Ши Чжэнь Чуана слово грубый переведено как «невоспитанный». Слово «невоспитанный» в большей степени соответствует оригиналу, а значения «необразованности» в слове грубый нет. Это скорее характеристика поведения человека, а не определение его интеллектуальных качеств.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
Она жила в своё удовольствие	她过得十分快乐如意。 Она была очень весёлой и довольной своей жизнью	日子过得称心如意。 Она была очень весёлой и довольной своей жизнью

В обоих переводах допущена ошибка, так как переводчики перевели это выражение как «она была очень весёлой и довольной своей жизнью». В переводе исчезает смысл текста Тургенева. Порусски «жить в своё удовольствие» — значит тратить много денег на развлечения, не думать о других, быть эгоистом.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
Лицо его, желчное, но без морщин	在他那血色不好，但没有一条皱纹的脸上 Цвет его лица ненормальный, нездоровый, но без морщин	脸容虽说是黄黄的，但没有一丝皱纹 Лицо его, жёлтое, но без морщин

В переводе Ба Цзиня допущена ошибка, так как слово «желчный» не означает, что человек болен. В Толковом словаре Ожегова даётся такое определение слова «желчный» – раздражительный, злой. В переводе стирается эта особенность характера героя, что было очень важно для самого Тургенева.

В переводе Ши Чжэнь Чуана также допущена ошибка. Желчный не жёлтый, в переводе делается акцент на болезненности персонажа, в оригинале этот смысл отсутствует.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
<p>Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью исчезает после двадцатых годов</p>	<p>Аркадиев伯父的整个外貌，在贵族的高傲和优雅之外，还保留着青春的和谐，以及一般过了二十岁的人所少有的那种超脱世俗的憧憬。 Вся его внешность, кроме высокомерного, породистого и изящного, сохранил гармонию юношескую, и ту мечту (стремление), не светская (прочь от земли), которое большею частью исчезает после двадцати лет</p>	<p>Аркадиев伯父的雅致容貌还保留着年轻时的健美和一种超凡脱俗的气派，一般说来，人过三十，这种风度和气派便大半消失的了。 Его изящная и красивая внешность и фигура, сохранила юношескую стройность и не светской стиль. В общем, такой стиль и такие прекрасные манеры, большая часть исчезает после 30 лет</p>

Оба переводчика допускают грубую ошибку. В тексте Тургенева речь идёт об определённом историческом периоде, а не о возрасте человека. Дело в том, что 20-е годы XIX века – знаковый период русской истории, связанный с прогрессивными идеями и их жестоким подавлением в 30-е годы. Переводчики упускают важную характеристику персонажа как представителя определённой эпохи, заменяя её на возрастную.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
<p>Павел Петрович вынул из кармана панталон свою красивую руку с длинными розовыми ногтями, руку, казавшуюся ещё красивей от снежной белизны рукавчика, застёгнутого одиноким крупным опалом, и подал её племяннику</p>	<p>帕维尔·彼得罗维奇从裤袋里伸出他那有着粉红色长指甲的好看的手来，这只手给他那扣上单独一颗大猫眼石钮扣的雪白袖口陪衬着，显得更好看了。 Рука, ещё красивее из-за снежной белизны рукавчика, застёгнутого одиноким крупным опалом</p>	<p>帕维尔·彼得罗维奇从裤袋里抽出一只红润的，带有修长指甲的手来。这手比起雪白的，由一颗猫眼宝石扣住的袖口来更加出色。 Рука, красивее, чем снежная белизна рукавчика, застёгнутого одиноким крупным опалом</p>

Данная портретная характеристика обоими переводчиками переведена вполне адекватно.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
крепко стиснул его обнаженную красную руку	紧紧地捏住那个人的没有戴手套的红色的手 крепко стиснул его красную руку, которая не носила варежки	紧紧握住对方迟迟伸出的晒红了的手 крепко стиснул его красную от загара руку

Перевод Ба Цзиня, с нашей точки зрения, наиболее удачный, так как передаёт основной смысл текста. Во втором переводе допущена ошибка, дело в том, что красные руки Базарова – это вовсе не показатель загара. Красные руки в тургеневском контексте говорят о том, что это руки натруженные. Эта характеристика дана по контрасту с описанием белых рук аристократа Кирсанова. И это очень важная деталь для описания развивающегося конфликта между этими героями.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом	巴扎罗夫用懒洋洋的, 然而响亮的声音答道 отвечал Базаров ленивым, но звучным голосом	巴扎罗夫不慌不忙地回答, 神色自然 отвечал Базаров неторопливо, с естественным выражением лица

Данная характеристика персонажа обоими переводчиками переведена вполне адекватно.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
а по ночам плакала и молилась, не находила нигде покою и часто до самого утра металась по комнате, тоскливо ломая руки, или сидела, вся бледная и холодная, над псалтырем	可是到了夜深, 她便哭着, 祷告着, 一点儿也得不到安宁, 常常痛苦地绞着双手在屋子里走到天明, 或者脸色苍白, 浑身发冷, 坐在那儿读赞美诗集。 или вся бледная, озноб пробегал по телу, сидела и читала псалтырь	到了夜里, 却又哭泣, 祈祷, 不得安宁, 彻夜在房里来回走动, 痛苦地绞自己的手, 或者呆坐不动, 脸色苍白而冷漠, 静静地阅读旧约中的诗篇。 или сидела, вся бледная и холодная, тихая, читала псалтырь

Данную портретную характеристику оба переводчика передали вполне удачно, сохранив, на наш взгляд, основные особенности проявления состояния героини.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
<p>День настал, и она снова превращалась в светскую даму, снова выезжала, смеялась, болтала и точно бросалась навстречу всему, что могло доставить ей малейшее развлечение</p>	<p>可是一到白天, 她又变成一位华贵的夫人; 她又出去拜客, 随处谈笑, 任何事情只要能使她稍稍解闷, 她便投身到那里面去。 Она бросалась навстречу всему, что могло доставить ей малейшее развлечение</p>	<p>可是等到第二天白昼, 她又成了贵族夫人, 又出门访客, 又开始谈笑聊天, 像是寻觅得以消遣作乐的机会。 Как найти шанс, который мог доставить ей развлечение</p>

Данную портретную характеристику оба переводчика передали вполне удачно, сохранив, на наш взгляд, основные особенности проявления состояния героини.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
<p>Она была удивительно сложена</p>	<p>她生得长短合度。 Она была среднего роста</p>	<p>她身段窈窕。 У неё была красивая фигура</p>

В переводе Ба Цзиня мы находим некоторое несоответствие оригинальному тексту. Дело в том, что Тургенев говорит не об особенностях роста героини, а об особенностях её фигуры. А переводчик акцентирует внимание на росте. В этом смысле перевод Ши Чжэнь Чуана более удачный.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
<p>Оба молодые человека вышли. – Кто сей? – спросил Павел Петрович. – Приятель Аркаши, очень, по его словам, умный человек. – Он у нас гостить будет? – Да. – Этот волосатый? – Ну да</p>	<p>这个长头发的家伙吗? Человек, который с длинными волосами?</p>	<p>就是那个连鬓胡子吗? Человек, который с бородой?</p>

В обоих переводах допущена определённая неточность, хотя перевод Ба Цзиня точнее. В переводе Ши Чжэнь Чуана допущена грубая ошибка. В тексте оригинала нет слова «борода», речь идёт о волосах героя. Ба Цзинь перевёл слово «волосатый» как «человек с длинными волосами», что отчасти передаёт смысл, однако стирает отрицательную коннотацию, заложенную в слове «волосатый», означающую ещё и неопрятный, неаккуратный.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
В маленькой и невзрачной фигурке эмансипированной женщины не было ничего безобразного	<p>这个面貌并不好看、身体瘦小的解放的妇女并不怎么叫人讨厌。</p> <p>Лицо невзрачное, в маленькой фигурке эмансипированной женщины не было ничего безобразного</p>	<p>这位矮小的，没有性感的独身女人的外貌倒没有什么讨厌之处。</p> <p>В маленькой и несексуальной фигурке незамужней женщины, в её внешности не было ничего неприятного</p>

В переводе Ба Цзиня, с нашей точки зрения, допущена некоторая неточность, так как в тексте оригинала речь не идёт о лице героини, речь идёт о её облике в целом. Подобная конкретизация здесь, наверное, не нужна. В остальном же, черты героини обоими переводчиками передаются верно.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
Невольно хотелось спросить у ней: «Что ты, голодна? Или скучаешь? Или робеешь? Чего ты пружись?»	<p>人不由得想问她：“你怎么啦？你饿了吗？还是厌烦吗？还是不好意思吗？你为什么这样坐立不安？”</p> <p>Невольно хотелось спросить у ней: «Что ты, голодна? Или тебе надоело? Или стесняешься?»</p>	<p>看了会情不自禁地问她：“怎么，你饿了？要么闲得无聊？或者害怕什么？干吗这样神色不安？”</p> <p>Невольно хотелось спросить у ней: «Что ты, голодна? Или скучаешь? Или чего боишься?»</p>

Оба переводчика вполне точно передали черты героини, её естественность в поведении и наигранность.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
Она говорила и двигалась очень развязно и в то же время неловко	她讲话、动作，都没有一点儿拘束，但同时又很笨拙。 Она говорила и двигалась очень развязно и в то же время неуклюже	她说话、举手、投足都极随便，却又偏偏露出局促的样子。 Она говорила и двигалась очень развязно и в то же время неестественно, как будто стеснялась чего-то

В переводе Ши Чжэнь Чуана, на наш взгляд, возникает неточность, героиня двигалась именно «неловко», то есть не грациозно, а не стеснялась чего-либо. Конечно, чувство стеснения иногда влечёт за собой неловкость в движении, но в данном случае подчёркивается неестественность во всём облике героини и движениях соответственно. В переводе Ба Цзиня передана именно эта идея.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
По лицу Анны Сергеевны трудно было догадаться, какие она испытывала впечатления: оно сохраняло одно и то же выражение, приветливое, тонкое	从安娜·谢尔盖耶夫娜的脸上，他很难看出巴扎罗夫给了她什么样的印象：她脸上仍旧保持着亲切的、优雅的表情。 оно сохраняло одно и то же выражение, приветливое, изысканное	从安娜·谢尔盖耶夫娜的脸部表情看，是难于知道她所得到的印象的，她一直保持着亲切而关注的神情。 оно сохраняло одно и то же выражение, приветливое и внимательное

Оба переводчика в целом верно передают портретные особенности героини. Однако в переводе Ши Чжэнь Чуана в описании выражения лица мы находим слово «внимательное», которое обычно применяется к взгляду. Хотя в тексте Тургенева именно такой характеристики в данном фрагменте нет, такая черта характера, как внимательность очень характерна для героини в целом. Поэтому подобное добавление, на наш взгляд, может быть названо не лишним.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
Её прекрасные глаза светились вниманием, но вниманием безмятежным	她那美丽的双目因了注意而闪光，但这却是不动感情的注意。 Её прекрасные глаза светились вниманием, но вниманием без любви	用她明亮美丽的眼睛仔细地看，但也只是仔细而已，并不激动。 Её светлые, красивые глаза смотрели внимательно, но только внимательно, без всякого возбуждения

Безмятежный – это человек, «не испытывающий волнения, тревоги» [Ожегов, 2007]. В переводе Ши Чжэнь Чуана этот оттенок смысла передан более правильно.

Текст романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	Перевод Ба Цзиня	Перевод Ши Чжэнь Чуана
Она слыла за легкомысленную кокетку, с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям	大家都说她轻佻, 喜欢卖弄风情, 她对每一种娱乐都热心得不得了。 Она с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям	她轻率, 妖冶。为求某种满足, 甚至忘乎所以。 Ради какого-то удовлетворения, даже забыла, что можно, что нельзя делать

В обоих переводах смысл передан верно, однако в переводе Ши Чжэнь Чуана слово «удовольствия» заменяется описательной конструкцией, в которой конкретизируется, что данные «удовольствия» могут носить не всегда нравственный характер.

Анализ переводов портретных характеристик позволяет нам прийти к некоторым общим выводам. Конечно же, следует заметить, что одни фрагменты текста более удачно переведены у одних переводчиков, другие – у других. Однако при переводе на китайский язык встречаются известные трудности – перевод иногда не полностью совпадает с подлинником.

Это связано с особенностями русского и китайского языков. Например, предложение она слыла за легкомысленную кокетку, **с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям** даёт следующие варианты перевода: или 她对每一种娱乐都热心得不得了。(Она с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям.); или 为求某种满足, 甚至忘乎所以。(Ради какого-то удовлетворения, даже забыла, что можно, что нельзя делать).

В обоих переводах смысл передан верно, однако в переводе Ши Чжэнь Чуана слово «удовольствия» заменяется описательной конструкцией, в которой конкретизируется, что данные «удовольствия» могут носить не всегда нравственный характер.

Иногда в переводах допускается неточность, связанная определённой коннотацией слов. Например, Ба Цзинь перевёл слово «волосатый» как «человек с длинными волосами», что отчасти передает смысл, однако стирает отрицательную коннотацию, заложенную в слове «волосатый», означающую ещё и неопрятный, неаккуратный.

Ошибки в переводах возникают, конечно же, и из-за незнания переводчиками некоторых реалий. Например, в тексте Тургенева речь идёт об определённом историческом периоде, а не о возрасте

человека (20-е годы XIX века – знаковый период русской истории, связанный с прогрессивными идеями и их жестоким подавлением в 30-е годы). Переводчики упускают важную характеристику персонажа как представителя определённой эпохи, заменяя её на возрастную.

Таким образом, специфика перевода произведений Тургенева на китайский язык связана не только со стилистикой оригинальной китайской литературы, но также и с личными вкусами переводчиков.

Список литературы

Ба Цзинь. Тургенев И.С. Сочинения в 6 т. Т. 3. Отцы и дети. Перевод. Пекин, 2001.

《屠格涅夫全集》，《父与子》巴金译。北京，2001

БРКС – Большой русско-китайский словарь. Пекин, 1992.

《大俄汉词典》。北京，1992

НРКС – Новый русско-китайский словарь. Пекин, 1993.

《新俄汉词典》。北京，1993.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2007.

Ozhegov, S.I. Tolkovuj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moskow, 2007 (in Russian).

Тургенев И.С. Отцы и дети. М.: Детская литература. 2002. 302 с.

Turgenev, I.S. Otcy i deti [Fathers and children]. Moskow: Detskaya literatura. 2002. 302 p. (in Russian).

Ши Чжэнь Чуан. Тургенев И.С. Отцы и дети. Перевод. Цзянсу, 2003.

《父与子》，石枕川译。江苏，2003

Интернет-ресурсы

<http://ilibrary.ru/text/96/index.html>

М.А. Тарасова, кандидат филологических наук, Институт языкознания РАН; e-mail: masha.tarasova@mail.ru

ОДИН ТЕКСТ – ПЯТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ “ANYONE LIVED IN A PRETTY HOW TOWN” Э. КАММИНГСА¹

Статья посвящена анализу пяти русских переводов стихотворения Э.Э. Каммингса, одного из самых выдающихся авангардных поэтов XX века. В последнее десятилетие в России наблюдается рост интереса к его стихам, количество переводов которых увеличивается. Автора привлёк факт наличия нескольких переводов стихотворения “Anyone lived in a pretty how town”, сделанных современными поэтами-переводчиками В. Британишским, Д. Кузьминым, М. Степановой, Я. Пробштейном, С. Бойченко. Весьма любопытно, что по-русски эти пять переводов одного текста представляют собой пять отличных друг от друга (да и от оригинала) произведений.

В статье проанализированы конкретные переводческие решения, которые приняли их авторы, чтобы передать аграмматизм поэзии Каммингса по-русски. Сопоставив эти пять совершенно разных поэтических текстов с оригиналом, автор попытается выявить переводческую стратегию каждого поэта-переводчика, определяющую конечный результат его деятельности – то произведение, которое будет считаться переводом стихотворения Каммингса.

При этом автор пришёл к выводу, что оригинал, имеющий несколько переводов, попадает в арсенал переводчиков и становится способом установления коммуникации между переводными текстами. Возникают тернарные отношения, в которых перевод выступает инструментом культурного трансфера.

Ключевые слова: перевод, язык поэзии, переводческая стратегия, грамматическая аномальность, языковая норма, культурный трансфер.

Maria A. Tarasova, Cand. Sc. (Philology) at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; e-mail: masha.tarasova@mail.ru

ONE TEXT – FIVE WORKS: AN ANALYSIS OF THE TRANSLATIONS OF E.E. CUMMINGS’S POEM ANYONE LIVED IN A PRETTY HOW TOWN

The article analyzes five Russian translations of a poem by E.E. Cummings, one of the most prominent avant-garde poets of the 20th century. In the last decade, in Russia we have seen a growing interest in his poetry, which inevitably increases the number of its translations. The author of the article has been attracted by the fact that there are several translations of the poem “Anyone lived in a pretty how town” made by modern poets-translators, namely V. Britanishsky, D. Kuzmin, M. Stepanova, Ya. Probshteyn, and S. Boychenko. Interestingly enough, these five translations of one text are, in fact, five separate works that differ from each other as well as from the original. The author analyzes the

---

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

specific translation solutions made by the translators in their attempts to convey the agrammatism of Cummings's poetry in Russian. By comparing these five very different poetic texts with the original, the author tries to reveal the translation strategy of each poet-translator, determining the final result of his activity, i.e. the work that will be considered the ultimate translation of the Cummings's poem. The author comes to the conclusion that the original, which has several translations, becomes part of translators' arsenal that helps establish communication among the translated texts. Ternary relations emerge in which translation functions as an instrument of cultural transfer.

Key words: translation, poetic language, strategy of translation, grammatical anomaly, language norm, cultural transfer.

Не одна поэтическая традиция не может существовать автономно: ей нужен постоянный диалог с другими поэтическими практиками, интеграция в мировой литературный процесс. Поэзия каждого народа может что-то дать поэзиям других народов и получить что-то для себя. Такая связь внутри мирового поэтического пространства осуществляется через перевод. В этом отношении очень показательным является тот факт, что в определённые периоды тот или иной автор становится очень популярен среди переводчиков. То есть поэтическая традиция, чувствуя недостаток в определённом языковом выражении, средствах, поэтических приёмах, прибегает к переводу стихов автора, для которого характерен определённый, необходимый именно сейчас подход к языку. В то же время каждый поэт, принимаясь за перевод какого-то поэтического текста, интерпретирует его в рамках своей поэтической и языковой стратегии. Таким образом возникает ряд переводов одного и того же текста, а по факту несколько разных и вполне самостоятельных текстов, которые, однако, находятся во взаимодействии друг с другом и, конечно, с текстом оригинала.

В последнее десятилетие в России интерес к творческому наследию Э.Э. Каммингса, одного из самых выдающихся авангардных поэтов XX века, существенно возрос. В 2004 году отдельным изданием вышли избранные стихотворения Э.Э. Каммингса в переводе В. Британишского. Поэзия Э.Э. Каммингса оказалась очень востребованной среди современных поэтов-переводчиков. Это объясняется желанием познакомить российского читателя со значимым явлением мировой поэзии (любой перевод делается для читателя) и, что более важно, стремлением самих поэтов вступить в диалог с Каммингсом. Это значит, что поэзия Каммингса, его поэтические открытия нужны современной русской поэзии.

Интересен тот факт, что многие стихотворения Каммингса переводятся несколькими разными авторами: как профессионалами, так и любителями. Наличие достаточно большого количества переводов одного текста объясняется желанием поэта-переводчика

вступить в коммуникацию с конкретным автором — данный автор (или конкретный текст) кажется важным и значимым сразу для многих поэтов. В такой ситуации перевод можно рассматривать как явление интертекста — диалога между текстами: оригинала и перевода, двумя или более переводами одного оригинального текста — и как явление метатекста — способа авторской саморефлексии. Таким образом, мысль Н.А. Фатеевой об «интертекстуальности как способе генезиса собственного поэтического текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений <...> с текстами других авторов (т.е. других поэтических «Я»» [Фатеева, 2000: 20] в связи с переводом поэзии приобретает новый смысл. Поэт-переводчик так или иначе реализует своё поэтическое «Я» в переводе, но посредством диалога с другими поэтическими «Я»: автором оригинала, а также авторами ранее сделанных переводов этого же текста.

Статья посвящена анализу переводов В. Британишского, Д. Кузьмина, М. Степановой, Я. Пробштейна, С. Бойченко стихотворения Э.Э. Каммингса «Anyone lived in a pretty how town». Э.Э. Каммингс вошёл в историю мировой поэзии как новатор языка. Мы бы хотели рассмотреть, какие переводческие решения приняли поэты-переводчики, чтобы передать аграмматизм поэзии Каммингса порусски, заново на другом языке собрать её «раздробленный грамматический аппарат» [Фещенко, 2015: 52]. И чем сложнее задача, которая стоит перед переводчиком, тем больше будут отличаться конечные результаты их деятельности — переводы одного и того же поэтического текста. В ситуации, когда язык оригинала деформирован, а грамматические девиации буквально наполняют текст, переводчику приходится принимать нетривиальные языковые решения, деформируя уже свой родной язык. Естественно, что такого рода грамматические инновации не могут быть одинаковыми у разных поэтов. Когнитивные рамки их восприятия различны, привлечение определённых языковых средств и приёмов зависит уже от поэтической стратегии поэта-переводчика.

Поэтические тексты, созданные в результате языкового новаторства, в большей или меньшей степени характеризуются затруднённостью декодирования и множественностью интерпретаций. Можно привести несколько примеров лингвистических работ, посвящённых рассматриваемому стихотворению Каммингса [Steinmann, 1978; Clark, 1969; Macksoud, 1968; Squier, 1966; Nixon, 1974; Cowley, 1973]. Вполне логично, что стихотворение, имеющее несколько интерпретаций, имеет и несколько переводов. Переводчик поэзии — это, с одной стороны, поэт, с другой — лингвист, исследователь языка оригинала и перевода. Каждый профессиональный

перевод реализует определённую лингвистическую стратегию, обусловленную возможностями языка перевода, а также свойствами языковой личности и психологическими особенностями поэта-переводчика, определяющими его деятельность, в частности механизмами понимания, оценки и принятия решений во взаимодействии человека и художественного текста. Сравнительный анализ переводов таких укоренённых в языке поэтических текстов, как стихи Каммингса, может дать наиболее полное представление о том, как сделаны оригинальные стихи автора. Так, сопоставление переводов одного текста может служить инструментом анализа оригинала².

Уже в первой строке рассматриваемого стихотворения исследователь-лингвист сталкивается с нестандартной грамматической конструкцией, не имеющей однозначной интерпретации, а переводчик, соответственно, – с трудной переводческой задачей. Как справедливо замечает С.Дж. Максауд, возможно несколько прочтений строки *anyone lived in a pretty how town*: «Действительно, Каммингс искажает грамматику, чтобы дать возможность интерпретации «милый как» как «как милый», однако возможно и другое прочтение»³ [Macksoud, 1968: 73]. От себя добавим, что на прочтение первой строки как вопроса *как, насколько милый городок?* намекает также вопросительная форма местоимения *некто* – *anyone*. Далее Максауд пишет, что возможно и прочтение *как городок*, где *как* уже будет определением городка: «так, возможно назвать «нефтяным городом» город, где большинство населения занято в нефтяной промышленности, <...> тогда как городок будет городом, где бесконечно задают один и тот же вопрос: «Как»⁴ [Macksoud, 1968: 73].

Обе эти интерпретации весьма интересны, и вряд ли тут можно выбрать какую-то одну. Грамматические переразложения тем и замечательны, что дают возможность сразу нескольких прочтений текста. Возможно ли сохранение такой грамматической и, следовательно, смысловой неоднозначности в переводе?

anyone lived in a pretty how town (Е.Е. Cummings)

кто-то жил в славном считай городке (пер. В. Британишского)

---

² Неслучайно стихотворение «Anyone lived in a pretty how town» и два из рассматриваемых нами переводов приведены в качестве текстов для анализа в учебнике «Поэзия» [Поэзия, 2016].

³ It is true that Cummings' perverse ways with grammar permit one to interpret "pretty how" as "how pretty", but another reading is possible (здесь и далее перевод мой. – М.Т.).

⁴ Thus, in much the same way that one would describe a town preoccupied with the oil industry as an "oil town" <...>, a "how town" would be a town in which the principal preoccupation is the asking of the mechanical question, "How?".

кто-то жил в миленьком городе вот (пер. Д. Кузьмина)
жил кто-нибудь в растаком городке (пер. М. Степановой)
некто жил в уютном городке (пер. Я. Пробштейна)
никто-не жил в миленьком ох городишке (пер. С. Бойченко)

В приведённых вариантах перевода первой строки снята описанная грамматическая неоднозначность, вариант *как городок*⁵ не встречается ни в одном из переводов, некий намёк на вопросительную конструкцию есть в переводах В. Британишского и М. Степановой, естественно, без вопросительного знака, как и у Каммингса.

В этой строке появляется и первый житель городка — *anyone*. Это вполне конкретное действующее лицо, так как в четвертой строке и далее по тексту оно заменяется местоимением *he*. Постепенно мы знакомимся и с другими обитателями городка — *women and men, children*, а также *noone*, которая, скорее всего, девушка — *she, someones* и *everyones* — остальными жителями города — *they*. Так, в стихотворении Каммингса неопределённые и отрицательные местоимения, не теряя своего значения, также одновременно обозначают вполне конкретных людей, что противоречит и конвенциональному дейксису, и нормативной грамматике. Например, в строке *and noone stooped to kiss his face* непонятно: *никто* не остановился поцеловать его лицо, или это героиня стихотворения *никта* (*she*) остановилась поцеловать его лицо. Бесспорно, передать такую неоднозначность по-русски — непростая переводческая задача.

В переводе Пробштейна действуют два персонажа — *некто и никто* (*someones* он переводит как *некто*, согласуя его с глаголом множественного числа: *некто выходили замуж за всех*), при этом связь между *никто* и *она* не устанавливается, поэтому здесь *и никто склонился в поцелуе над ним*. Переводчик создаёт грамматически аномальную русскую конструкцию, в которой *никто* воспринимается как субъект действия, однако у Пробштейна *никто* — это не она, а просто *никто*, который целует умершего некто.

Особый интерес также представляет перевод строки *anyone's any was all to her*, так как в ней содержится максимум грамматических нарушений. Пробштейн переводит её как *для неё был всем некто любой*. Действительно, *any* можно перевести как *любой*, но из строчки оригинала следует, что *any* принадлежит *anyone*, а с точки зрения словообразования *any* — часть слова *anyone*. Получается, что не любой был всем для неё, а какая-то часть некто, что-то принадлежащее ему.

---

⁵ Если бы автор данной статьи отважился на перевод данного стихотворения, он предложил бы дефисное написание *как-городок*. Позаимствовав у М. Степановой обратный порядок слов, более свойственный вопросительным конструкциям, мы получим следующую строчку: *жил кто-нибудь в милом как-городке*.

В переводе Британишского есть *кто-то*, *никто* (но опять-таки связи между *никто* и *она* нет) и *каждые*. Здесь и *никто целовать уж не может его* — вполне нормативная грамматическая конструкция. Однако, переводя приведённую выше строку, как *кто-то был её то (то есть весь мир)*, он пытается сохранить грамматическую неоднозначность оригинала, выделив в качестве того, что было всем для неё, местоимение *то*, одновременно являющееся частью слова *кто-то*.

Остальные переводчики прибегают к наделению *поопе* женским родом. В переводе Степановой действуют *кто-нибудь* и *ни одна*, которая воспринимается как вполне конкретное обозначение некоей девушки: *ни одна его поцелует в лоб*. Переводя *anyone's any was all to her* как *его нибудь ей звучало будь*, Степанова передаёт грамматическую неправильность оригинала: *нибудь* — часть слова *кто-нибудь*. При этом переводчик соотносит *нибудь* и *будь*, соответственно, происходит приращение бытийного значения, отсутствующего в оригинале.

В переводе Кузьмина основные персонажи — *кто-то* и *ни одна* (а также *разные с прочими*): *ни одна прильнула к холодному лбу*. В переводе рассматриваемой строки *чьё-то хоть что для неё было всем* найден интересный эквивалент *хоть что*, одновременно имеющий значение *любой (any)* и созвучный местоимению *чей-то*, однако тут теряется связь с главным героем *кто-то*, которому в оригинале принадлежит то, что всё для неё.

В переводе Бойченко героями являются *никто-не* и *ниодна-не* (а также *некие* и *каждые*): *ниодна-не склонилась у скорбного ложа*. Такие эквиваленты *anyone* и *poone* создают в переводе грамматическую неоднозначность, характерную для оригинала. Перевод вышеприведённой строки почти дословен — *никого-не чего было всем для неё: чего (any)* принадлежит *никому-не (anyone)*, как и в оригинале, *чего*, конечно, нельзя воспринимать как часть местоимения *никого-не*, но между ними есть связь, закреплённая в подсознании большинства носителей русского языка: кого? чего?

Отметим, что грамматическую неправильность форм множественного числа *someones* и *everyones* не смог передать ни один из переводчиков — во всех пяти переводах перед нами узуальные соответствия этих слов.

Таким образом, в отношении перевода местоимения *поопе*, которому Каммингс окказионально присвоил женский род, нет и не может быть однозначного решения: наличие в русском языке грамматической категории рода не позволяет сохранить неоднозначность оригинала и заставляет переводчиков передавать *поопе* либо местоимением женского рода, либо отрицательным местоимением

никто. Уже на этом этапе видно, насколько разные стратегии избранны переводчиками, насколько разные варианты перевода они предлагают. Ведь данный текст труден для перевода не только по причине грамматических девиаций, мы видим, что даже носители языка — исследователи-лингвисты по-разному интерпретируют отдельные строчки. На первый план при переводе сложных в языковом отношении поэтических текстов выходит проблема понимания и, соответственно, интерпретации. Когнитивные рамки восприятия поэта-переводчика определяют конечный результат его деятельности — текст. А наличие/отсутствие языковых средств в языке перевода в этом отношении уже вторично.

Третья строка первого четверостишия также заслуживает нашего внимания, так как в ней вводится один из ключевых рефренов стихотворения. Как справедливо отмечает Н. Никсон, «структура стихотворения Каммингса держится на рефренах и повторах грамматических конструкций»⁶ [Nixon, 1974: 18]. *Spring summer autumn winter* повторяются, но уже в другом порядке в оригинале ещё дважды. При этом во всех строках времена года упоминаются в соответствии с природным циклом.

Казалось бы, данные строки не должны составлять какой-либо переводческой трудности. Однако возникает вопрос: в каком падеже должны стоять существительные? В английском языке существительные неизменяемы, должны ли мы склонять их в переводе? Как будто бы нет: если бы автор хотел придать им обстоятельственное значение, он бы добавил предлог. Однако поэзия Каммингса характеризуется экспериментами именно со служебными частями речи. Скорее всего, автор сознательно создаёт неоднозначную грамматическую конструкцию. В русском языке создание равнозначной конструкции вряд ли возможно. Падеж как обязательный атрибут русского существительного будет присутствовать в любой выбранной переводчиком форме, однако в формах именительного падежа, так как это начальная форма, падежная отнесенность будет выражена менее явно. Обратимся к переводам. Я. Пробштейн и Д. Кузьмин присваивают существительным — временам года творительный падеж, таким образом, действия героев стихотворения приобретают временную отнесенность; С. Бойченко оставляет данные существительные в именительном падеже. М. Степанова дважды ставит существительные в творительный падеж, оставляя порядок упоминания времён года одинаковым, а последнее перечисление заменяет описательным оборотом *от лета*

---

⁶ Cummings' most important structuring devices in this poem are refrains and repeated grammatical patterns.

до лета черед един, тем самым не передавая рефрен оригинала и как бы проясняя мысль автора о бесконечном повторении всего. В. Британишский дважды ставит существительные в винительный падеж, один раз – в именительный, при этом в его переводе порядок времён года остаётся одним и тем же, классическим: *весну и лето осень и зиму*.

Таким образом, вопрос о падеже не может быть решён однозначно. Считать ли этот момент ключевым для текста Каммингса и, соответственно, оставить его в неизменном виде, как сделал это Бойченко, или все-таки сделать текст более русским, введя в данные строчки падежную отнесенность, как сделали остальные поэты, – это также вопрос восприятия, понимания и интерпретации.

Ещё одним важным рефреном является трёхкратное повторение *sun moon stars rain* с изменением порядка слов в одной из строк. Вполне очевидно, что при переводе этого рефрена вопрос с падежом должен решаться в пользу именительного, так как перечисление в оригинале воспринимается как отдельное номинативное предложение, не связанное с основным действием. Однако Пробштейн дважды переводит эти строки существительными в творительном падеже, при этом основной рефрен у него сохраняется: *под дождём солнцем звёздами луной*. Остальные переводчики все-таки останавливаются на именительном падеже.

Этот повтор функционирует как одно из средств создания вертикальной связности текста. О важной роли рефрена в стихотворении свидетельствует тот факт, что он занимает сильную позицию текста – последнюю строку. Некоторые исследователи, в частности Т. Steinmann [Steinmann, 1978], усматривали здесь параллель с первым рефреном *spring summer autumn winter*. Но если соотнести солнце и лето, дождь и осень ещё можно, то связь весны и зимы с луной и звёздами не вполне очевидна. В то же время Кузьмин считает⁷, что выбор именно этих природных явлений случаен и, следовательно, их можно произвольно менять ради сохранения рифмы: в его переводе появляется *зной и радуга*, в также *смог и лёд*, последняя строка переведена как *месяц облако зной и дожди*. Видимо, такой же стратегии придерживается М. Степанова, в переводе которой в первой строке рефрена нет слова *солнце*, в следующей появляется *звёздный град*, последняя строка звучит как *день ночь свет дождь*. В переводах Британишского и Бойченко рефрен оригинала полностью передан.

Нам представляется, что сохранение данного рефрена важно, так как он создаёт вертикальную связность текста стихотворения.

---

⁷ <http://dkuzmin.livejournal.com/128314.html>

Да и вряд ли набор природных явлений произволен – неслучайно он помещён в сильную позицию текста: последняя строка оригинала – *sun moon stars rain*.

На примере перевода данного рефрена особенно ярко видно: то, что один переводчик может посчитать неважным и передать достаточно вольно, другой будет считать ключевым моментом и переведёт дословно.

Кроме рефренов, вертикальную связность стихотворения создают симметричные грамматические конструкции. Одна из таких конструкций первый раз встречается в четвёртой строке первого четверостишия: *he sang his didn't he danced his did*. Строка содержит две конструкции, состоящие из глагола и прямого дополнения, при этом в качестве дополнения выступают глаголы, получающие здесь предметное значение, т.е. субстантивирующиеся. И хотя в английском языке субстантивация (вернее, функционирование слова без каких-либо изменений в качестве разных частей речи в зависимости от синтаксической конструкции) более регулярна, чем в русском, пример характеризуется высокой степенью грамматической аномальности. Нам представляется, что здесь *did* и *didn't* приобретают самое обобщённое значение действия и его отрицания, даже не действия, а действования. Бесспорно, передача его по-русски будет составлять трудную переводческую задачу:

он пел свою жизнь танцевал свой труд (В. Британишский)

он пел своё да плясал своё нет (Д. Кузьмин)

он пел своё не, он плясал своё но (М. Степанова)

пел что не сумел и успех сплясал свой (Я. Пробштейн)

он пел своё нет плясал своё да (С. Бойченко)

В своих переводах В. Британишский и Я. Пробштейн сглаживают грамматическую неправильность строки. В качестве прямого дополнения здесь выступают существительные *жизнь* и *труд* у Британишского и придаточное изъяснительное *что сумел* и существительное *успех* у Пробштейна, что делает данную конструкцию нормативной.

Можно оспаривать допустимость перевода *did* и *didn't* как *да* и *нет*, но всё-таки в переводах Кузьмина и Бойченко сохранена не-узуальная субстантивация, а также *да* и *нет* в самом общем смысле передают наличие и отсутствие чего-либо, в том числе и действия.

Конструкции, симметричные приведённой, характеризующиеся разной степенью аномальности, повторяются ещё пять раз. Наиболее интересно проанализировать переводы двух строк, где в оригинале в качестве прямого дополнения выступают части речи, не имеющие такой функции в узусе. В седьмой строке субстантиви-

руется глагол-связка *isn't* и местоимение *same*: *they sowed their isn't they reaped their same*.

и жили как были посеешь пожнёшь (В. Британишский)

они сеяли своё мимо пожинали своё всегда (Д. Кузьмин)

выбирали сеть пожинали сев (М. Степанова)

сеяли шииш и то ж пожинали (Я. Пробштейн)

сеяли нету жали все то ж (С. Бойченко)

Представляется, что *isn't* здесь приобретает обобщённое отрицательное бытийное значение, которое Кузьмин передаёт как *мимо*, Пробштейн – как *шииш*, а Бойченко – как *нету*. В переводах Британишского, Степановой и Пробштейна конструкция становится узуальной.

В переводе двадцатой строки *said their nevers they slept their dream* особый интерес представляет передача неузуальной формы множественного числа отрицательного наречия *nevers*:

проболтали недни и проспали несны (В. Британишский)

твердили свои хватит и спали свою мечту (Д. Кузьмин)

твердили нет погружаясь в сон (М. Степанова)

свои увы сказали и мечту проспали (Я. Пробштейн)

свои никогда и проспали мечту (С. Бойченко)

Как видим, переводчики, кроме Степановой, постарались передать неузуальность грамматической конструкции с помощью формы множественного числа местоимения *свои*: *свои хватит*, *свои никогда*, *свои увы*. В переводе Британишского данная конструкция передана двумя потенциальными отрицательными существительными *недни* и *несны*.

Вполне очевидно, что семантически отрицание в оригинале выражено сильнее, чем в переводах: здесь мы можем говорить о полном отрицании всего (множественное число), возведённом в ранг абсолюта. В переводах же отрицание касается более частных случаев.

Именно приведённые примеры субстантивации вспомогательных глаголов и отрицательного наречия (того, что никак не должно выполнять функцию существительного) демонстрируют переводческую стратегию авторов. Не важно, насколько точные эквиваленты найдены анализируемым словам (а они просто не могут быть точными), важно, что здесь становится очевидна ориентация переводчиков на передачу аграмматизма Каммингса или же стремление сделать текст «русским». И здесь опять-таки важны в большей мере когнитивные установки переводчиков, их восприятие перевода – должны ли они получить в итоге Каммингса по-русски или просто понятный русскому читателю текст. Советская школа перевода стояла на том, чтобы следовать определённым заказу –

сделать текст лучше, понятнее. Именно эта стратегия выходит на первый план у переводчиков старшего поколения – Британишского и Пробштейна, хотя её смог избежать их современник – Бойченко.

Ещё одним средством создания связности в оригинале является повторяющаяся конструкция с предлогом *by*. Начиная с двенадцатой строки, она повторяется четырнадцать раз. Как отмечают переводчики, в частности Д. Кузьмин, передача этой конструкции была основной трудностью данного перевода. В аналитическом английском языке нелексические значения слова чаще выражаются отдельно от лексических, в частности с помощью весьма многозначных предлогов. Предлог *by* может передавать самые различные отношения: пространственные, временные, инструментальные, принадлежности и др. Вполне возможно, что в стихотворении Каммингса употребление этого предлога связано с разным типом отношений. Это трудно определить наверняка, потому что грамматическая структура стихотворения раздроблена, а предлог *by* соединяет не только существительные, но и прилагательные, местоимения, служебные части речи.

В синтетическом русском языке дополнительные значения и указания на отношения слов друг с другом передаются как в пределах слова, при помощи приставок, суффиксов, окончаний, так и с помощью предлогов. Должен ли переводчик передать четырнадцать конструкций с *by* стихотворения Каммингса четырнадцатью русскими предложными конструкциями? И если да, должен ли он четырнадцать раз употреблять один и тот же предлог? Ведь необходимо сохранить симметричность этих конструкций, чтобы передать вертикальную связность оригинала. Рассмотрим каждый перевод отдельно.

В переводе Пробштейна не прослеживается конкретная стратегия в отношении передачи конструкции с *by*: есть и предложные соответствия, но предлог всегда разный: например, *all by all and deep by deep // and more by more they dream their sleep – всех за всеми глубину в глубине // пребудут они, мечтая во сне*. Можно сказать, что в целом этот перевод грамматически правильнее оригинала, соответствует нормам русского языка. Причём нормативными русскими конструкциями переданы как раз самые грамматически аномальные конструкции оригинала, в частности обороты с *by*. Например, *when by now and tree by leaf – и в ту пору под зелёной листвой; bird by snow and stir by still – птицей на снегу застыв на бегу; wish by spirit and if by yes – духом воскресли б коль вняли б их если*.

Таким образом, переводческая стратегия Пробштейна состоит в том, чтобы сделать перевод максимально доступным читателю.

В его переводе в полной мере воплотился принцип «понятности», обусловленный тем, что переводной поэтический текст ориентирован на адресата. «Перевод поэзии адресован читателю, мыслящему в определённой культурно-национальной традиции, и даже если не напрямую адаптирован, то вынужден считаться с этой традицией», чтобы быть понятным целевой аудитории [Азарова, 2012: 230]. Поэтому у Пробштейна исчезает большинство грамматических нарушений оригинала, а его перевод практически соответствует нормам русского языка, минимальные отклонения от грамматической нормы можно считать даже не потенциальностью русской грамматики, а узуальными конструкциями, ещё не зафиксированными в словарях и академических изданиях.

Большинство конструкций с *by* в переводе Д. Кузьмина передано с помощью предложных соответствий. Конечно, трудно найти универсальный эквивалент *by*, и Кузьмин использует три предлога: *по* (4 раза), *к* (3 раза) и *из* (4 раза): *when by now and tree by leaf* – *время по мигу и дерево по листу*; *little by little and was by was* – *тело к телу судьба к судьбе*; *wish by spirit and if by yes* – *из желанья дух из если да*. Таким образом, стремясь сохранить грамматическую неправильность оригинала, переводчик всё-таки делает свой текст более нормативным, сознательно или несознательно подыскивая аномальным конструкциям Каммингса такие эквиваленты, которые будут понятны русскому читателю. Переводческая стратегия Кузьмина состоит в том, чтобы донести до русского читателя Каммингса, его перевод более узуален, чем оригинал, незначительные грамматические нарушения легко вписываются в систему русского языка.

В переводе М. Степановой сделана попытка передачи конструкции с *by* с помощью предложных соответствий, причём чаще всего используется предлог *за*: *little by little and was by was* – *мера за меру и был за стал*; *wish by spirit and if by yes* – *как дух для двух, а за если – да*. То есть переводчик постарался сохранить симметричные конструкции оригинала в переводе.

В целом, нам представляется, что переводческая стратегия М. Степановой состоит в передаче грамматической неправильности оригинала. Где-то переводчик стремится «дословно» передать грамматику Каммингса, но чаще он прибегает к доступным русскому языку средствам создания аномальности. В частности, в переводе появляются потенциальные формы (*многокольный, всплать*) и конструкции (*да забывали подросши над; она жила за ним и о нём*). Отметим, что они возникают в переводе как эквиваленты узуальных форм и конструкций оригинала. Особенностью языка переводной

поэзии является высокая концентрация потенциальных словоформ в одном тексте, возникновение которых взаимообусловлено и связано с механизмом потенцирования, который заключается в том, что одна потенциальная форма в переводном тексте (обусловленная оригиналом) «тянет» за собой образование других потенциальных форм – эквивалентов узуальных форм⁸. Таким образом, способность переводных поэтических текстов в концентрированном виде реализовывать потенциальность принимающего языка ярко проявляется в переводе Степановой.

С. Бойченко везде, где это возможно, передаёт предложную конструкцию с *by*, при этом переводчик использует один предлог – на (9 раз): *when by now and tree by leaf* – *когда на теперь, а ствол на крону*; *little by little and was by was* – *крошка на крошку и был на была*. Переводческая стратегия Бойченко состоит в наиболее близкой передаче грамматической структуры оригинала. Здесь уместно вспомнить мысль В. Беньямина о переводе, состоящую в том, что «суть той точности, которую обеспечивает дословность, как раз и состоит в том, что в ней проявляется страстное стремление произведения к языковой дополненности» [Беньямин]. В рассматриваемом переводе точность достигается путём дословной передачи грамматики Каммингса, при этом нарушается структура русского предложения, приходя в движение под воздействием английского языка.

Интересное переводческое решение в отношении конструкций с *by* принимает В. Британишский. Вероятно, считая, что использование словообразовательных средств в синтетическом русском языке в коммуникативном отношении может быть вполне эквивалентно синтаксическим и морфологическим новшествам в аналитическом английском языке, он создаёт восемь новообразований с элементом *-жды*, передавая таким образом конструкцию с *by*:

noone and anyone earth by april   *никтожды кто-то земляжды апрель*
wish by spirit and if by yes.   *желаньежды дух и еслижды да.*

В переводе появляются окказионализмы *никтожды*, *земляжды*, *желаньежды*, *еслижды*, образованные, вероятно, при помощи контаминации (*никто*, *земля*, *желанье*, *если* + *три(четыре)жды*). Получается, что *никтожды* – это *никто* много раз. Эта отрицательная форма, соединяясь с неопределённым местоимением *кто-то*, создаёт логически аномальное утверждение (как и в оригинале), отрицательный потенциал которого, однако, шире, чем в оригинале за счёт использования окказионализма. Аналогичная ситуация складывается и с остальными окказионализмами: *земляжды*, *же-*

⁸ Подробнее см., например, [Тарасова, 2015].

ланьежды, еслижды, а также всегдажды, древожды, птицежды, бурежды.

Так, переводческая стратегия Британишского состоит в поиске в языке перевода средств, которые могут компенсировать грамматическую аномальность оригинала. При этом в переводе достигается больший сдвиг по отношению к языковой норме, чем в оригинале.

Таким образом, проанализированные нами переводы стихотворения «Anyone lived in a pretty how town» демонстрируют разное отношение их авторов к языковой норме. По степени понятности и ориентации на адресата их можно расположить в порядке убывания этих характеристик: перевод Пробштейна самый понятный, прозрачный, сделанный с установкой на читателя, далее следует перевод Кузьмина, затем Степановой, самое «вольное» отношение к языковой норме демонстрирует текст Бойченко. Особняком стоит перевод Британишского, который переносит грамматическую сложность оригинала в область лексики и словообразования. Его перевод в грамматическом отношении нормативен, а на уровне лексики переводчик делает шаг в сторону окказиональности, что утяжеляет текст и делает перевод маргинальным.

Таким образом, перед нами пять совершенно разных произведений, которые, тем не менее, представляют стихотворение Каммингса русскому читателю. Однако важна не эта разность и не их соответствие/несоответствие оригиналу, а то, что оригинал, имеющий несколько переводов, попадает в арсенал переводчиков и становится способом установления коммуникации между переводными текстами. Возникают тернарные отношения, в которых перевод выступает инструментом культурного трансфера.

Список литературы

- Азарова Н.М.* Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012. С. 225–233.
- Azarova, N.M.* Kriterij “adresat” v ustanovlenii granic pojeticheskogo diskursa [The criterion of “addressee” in establishing the boundaries of poetic discourse]. Logicheskij analiz jazyka. Adresacija diskursa. Moscow: Indrik, 2012, pp. 225–233 (In Russian).
- Беньямин В.* Задача переводчика. – URL: <http://belpaese2000.narod.ru/Trad/benjamin.htm>
- Ben'yamin, V.* Zadacha perevodchika [The task of an interpreter]. Available at: <http://belpaese2000.narod.ru/Trad/benjamin.htm>
- Поэзия. Учебник. М.: ОГИ, 2016. 886 с.
- Poehziya. Uchebnik [Poetry. Textbook.]. Moscow: OGI, 2016. 886 p.

- Тарасова М.А.* Потенциальность как типологическая черта языка переводной поэзии (на материале русских переводов современных англоязычных поэтических текстов) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 73–84.
- Tarasova, M.A.* Potencial'nost' kak tipologicheskaya cherta yazyka perevodnoj poezii (na materiale russkih perevodov sovremennyh angloyazychnyh poehticheskikh tekstov) [Potentiality as a typological feature of translated poetry: a case study of russian translations of contemporary english-language poetic texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22. Teoriya Perevoda*. No. 3, 2015, pp. 73–84 (In Russian).
- Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
- Fateeva, N.A.* Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov [Counterpoint intertextuality, or Intertext in the world of texts]. Moscow: Agar, 2000. 280 p. (In Russian).
- Фещенко В.В.* Телесный дейксис в экспериментальной поэзии: опыт Э.Э. Каммингса // Новое литературное обозрение, 2015. № 5. С. 43–55.
- Feshchenko, V.V.* Telesnyj dejkis v ehksperimental'noj poezii: opyt E. E. Cummingsa [Corporeal deixis in experimental poetry: the experience of E.E. Cummings]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5, 2015, pp. 43–55 (In Russian).
- Clark, D.R.* Cummings' 'anyone' and 'noone'. *Arizona Quarterly* (25), 1969, pp. 37–42.
- Cowley, M.* Cummings: One Man Alone. *Yale Review* (62), 1973, pp. 340–349.
- Macksoud, S.J.* Anyone's How Town: Interpretation as Rhetorical Discipline. *Speech Monographs* (35), 1968, pp. 72–81.
- Nixon, N.* A Reading of 'anyone lived in a pretty how town. *Language of Poems* (3), 1974, pp. 18–31.
- Squier, Ch.L.* Cummings' Anyone Lived In A Pretty How Town. *Explicator*, 1966. No. 37, pp. 32–40.
- Steinmann, T.* Semantic Rhythm in 'Anyone Lived In A Pretty How Town'. *Concerning Poetry* (11), 1978, pp. 69–78.

Цю Ши, аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: qs8610@126.com

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В исследовании проблем художественного перевода важное место отводится пониманию непростых взаимосвязей между двумя творцами — автором художественного произведения и его переводчиком. Помимо часто встречающихся и важных различий в их мировоззренческих, культурных и собственно литературных взглядах и предпочтениях, есть не менее важная проблема взаимодействия их персональных стилей. Можно вспомнить высказывание французского писателя Бюффона о том, что стиль представляет собой «фирменный знак писателя», и только благодаря оригинальному «почерку» его творение обретает неповторимый облик и подлинную ценность. В то же время мы не вправе не признать объективность существования индивидуального стиля и у высокопрофессионального переводчика.

Ключевые слова: художественный перевод, переводимость, стилистические особенности, интерференция.

Qiu Shi, Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: qs8610@126.com

TRANSLATING STYLISTIC FEATURES OF LITERARY TEXTS FROM RUSSIAN INTO CHINESE

When studying literary translation, a special emphasis is to be put on the understanding of the complex relationship between the two creators, viz. the author and the translator. In addition to frequent and important differences in their worldview, cultural and literary views and preferences, there is an equally important problem — that of the interaction of their personal styles. We can recall the words of the French writer Buffon: “The style is the man himself” and only because of the original “style” of his creation does his work acquire a unique image and genuine value. At the same time, we need to recognize the objectivity of the existence of individual styles in highly professional translators.

Key words: literary translation, translatability, stylistic features, interference.

Споры о переводимости стиля не утихают в Китае с 80-х годов — начала реформ и бурного развития лингвистических наук. Среди представленных в дискуссии точек зрения преобладают два основных подхода к этой проблеме, на которых мы остановимся несколько подробнее.

Многие китайские исследователи и переводчики разделяют идею, что стиль поддаётся переводу. По мнению известного китайского писателя и литературоведа Цянь Чжуншу, качество перевода зависит

от «способности переводчика соединить в одно целое содержание, форму и стиль оригинала» [Цянь Чжуншу, 1981]. Однако у такого подхода есть и немало оппонентов. Так, например, авторитетный переводчик и теоретик прошлого столетия Чжоу Сюйлян считал, что стиль автора не поддаётся переводу. По его мнению, это невозможно вследствие значительного расхождения выразительных средств разных языков. Он также настаивал на том, что интерференция стиля автора и стиля переводчика – явление объективное и неизбежное, и её результатом является порождение новой уникальной стилистики – стилистики переведённого произведения. Он также полагал, что отсутствие объективных критериев оценки передачи художественного стиля существенно затрудняет однозначное решение этой проблемы [Чэнь Фукан, 2002].

Оспаривая эти аргументы Чжоу Сюйляна, сторонники переводимости стиля подкрепляют свои взгляды следующими аргументами. Во-первых, универсальность биологических механизмов порождения художественного мышления представителей разных национальностей и культур они рассматривают в качестве «моста», который помогает обеспечить достойную по своим качествам языковую коммуникацию. Во-вторых, тезис о непереводаемости стиля опровергается ими ссылкой на другие новые открытия в области лингвистики и теории перевода. В частности, трансформационная модель перевода, по их взглядам, помогает лучше понять возможности перекодировки смыслов, в том числе и стилистических, на глубинном структурном уровне взаимодействующих языков.

Особого внимания в контексте нашего исследования заслуживает мнение известного переводчика русской классики Лю Мицина. Он, в частности, отмечает, что стилистика – не «иллюзорная» характеристика художественного произведения, она вполне поддаётся осознанию и интерпретации [Лю Мицин, 2005]. В этом же ключе рассуждает и его коллега Ван Цзолян, подчёркивающий, что стилистические особенности оригинала «подлежат обязательному выявлению в переводе». По его мнению, красоту иноязычного оригинала можно сохранить и передать с помощью богатого арсенала изобразительно-выразительных средств китайского языка [Ли Чанбао, 2009].

Отдельного внимания заслуживает усилившийся интерес китайских исследователей к вопросу интерференции стилей двух факторов – создателя художественного произведения и переводчика этого произведения. Казалось бы, известное замечание французского писателя Бюффона о том, что «стиль представляет собой «фирменный знак писателя», и только благодаря оригинальному «почерку» его творение обретает неповторимый облик и подлин-

ную ценность» [Buffon, 1972], должно служить императивным ориентиром для любой заявки на качественный литературный перевод. Вместе с тем, китайские исследователи признают, как объективную данность, существование и «неподконтрольное» проявление индивидуального стиля у высокопрофессионального литературного переводчика. Другими словами, действие этого фактора в процессе творчества переводчика неизбежно. Наряду с реально или потенциально существующими расхождениями в мировоззренческих, культурных и собственно литературных взглядах и предпочтениях, интерференция персональных стилей двух факторов несомненно оказывает своё влияние на конечный результат перевода.

Суть проблемы, по нашему мнению, заключается не в признании её существования как таковой, а в стратегии целеполагания, определяемой самим переводчиком. Показательной в этом отношении является позиция китайских сторонников идеи переводимости, которые, однако, не утверждают, что перевод может быть «тождественен» исходному творению. По мнению известного исследователя теории перевода Лю Чжундэ, речь прежде всего идёт о понимании переводчиком своего долга перед писателем, о его стремлении «стать проводником идей автора». Он должен по мере возможности подавлять собственные стилистические пристрастия и постоянно помнить о том, что он творец перевода, а не оригинального произведения [Лю Чжундэ, 1988].

Предметом особого внимания в дискуссии о переводимости стиля не раз становились произведения А.П. Чехова. Признанный в мире как один из самых талантливых русских писателей, Чехов уже многие годы пользуется в Китае славой не только первоклассного мастера сюжета, но и блестящего стилиста. Не случайно, что его произведения и сегодня входят в список книг для обязательно-го чтения китайских школьников [Тун Даомин, 2008].

Когда мы задумываемся, почему Чехов и сегодня близок китайскому читателю, ответ можно найти в том числе и в присущем ему оригинальному стилю. В этом стиле чудесным образом слились чеховский лаконизм, «лёгкость пера» и философское восприятие важнейших вопросов человеческой жизни, глубокое понимание бренности всего сущего на земле, особая, наполненная этическим смыслом, чеховская печаль по поводу несовершенств этого мира. Как известно, остранённость и метафизический характер художественной словесности – родовая черта и китайской классической литературы. Чеховские творения легко находят свой отклик в душе китайца, воспитанного на традициях буддизма и даосизма, этических ценностях конфуцианства.

Чехов привлекает китайских читателей и своей особой сдержанностью, «не явленным», скрытым смыслом, что также очень близко китайскому складу ума. Художественный стиль Чехова, по словам известного китайского историка, поэта, драматурга и прозаика Го Можо, «очень подходит вкусу восточного народа», который «любит что-то лирическое, что-то глубокое и богатое содержанием, но не страдающее тяжеловесностью; любит вкус, который похож на вкус зелёного чая, к лёгкой пряности которого примешивается некоторая терпкость; любит скромные тона, меланхолию...» [Го Можо, 1947].

Весьма любопытна в этом смысле история признания и популярности в Китае чеховской «Дамы с собачкой». Этот рассказ несколько раз, начиная с 30-х годов XX века, переводился на китайский язык. К числу наиболее удачных его переводов можно отнести работу Жу Луна, которому, по нашему мнению, в значительной степени удалось сохранить в своём переводе неповторимый чеховский стиль. Он не только мастерски передаёт переживания и драмы несбывшихся надежд чеховских героев, но и весьма удачно воспроизводит чеховский стиль описания природных пейзажей [Лу Юнчан, 2007; Цянь Чжуншу, 1981].

Вот, к примеру, известное изображение Чеховым ялтинского утра. «Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас» [Чехов, 1962].

В целях более наглядной демонстрации коммуникативного эффекта, которого Жу Луну удалось достичь в процессе перевода этого эпизода, мы сделали обратный перевод данного транслята.

«透过晨雾，雅尔塔朦朦胧胧，看不大清，白云一动不动地停在山顶上。树上的叶子纹丝不动，知了在叫，单调而低沉的海水声从下面传上来，述说着安宁，述说着那种在等候我们的永恒的安眠» [Жу Лун, 1979].

«Сквозь утренний туман виднелись расплывчатые, едва различимые очертания Ялты, белые облака недвижно застыли на вершинах гор. Листва словно замерла на деревьях, кричали цикады, глухой монотонный шум моря доносился снизу, вещая о покое и ожидающем нас вечном сне».

Данный пример достаточно наглядно иллюстрирует приводившиеся нами аргументы китайских сторонников переводимости стиля: Жу Лун действительно успешно использовал выразительные средства китайского языка, в том числе и такие специфические, как чэньюй (朦朦胧胧; 纹丝不动), однако при этом избежал

крайностей доместикации, обеспечил органичный характер художественного описания пейзажа. Не характерное для чеховского языка обращение к фразеологическим оборотам в языке перевода выглядит вполне уместно: оно не только не диссонирует с гармонией оригинала, но и как бы скрывает саму ссылку на первоисточник. Как результат, в переводе не чувствуется никакой чужеродности или вычурности: китайский читатель воспринимает этот текст как изначально написанный на родном языке.

Ещё один пример удачной передачи на китайский язык чеховской стилистики, на этот раз связанный с описанием человеческих чувств, мы видим в переводе одной из сцен «Чёрного монаха». В этой сцене Чехов скупыми, но чёткими мазками рисует портрет Татьяны. Её образ, столь внезапно растрогавший главного героя повести Коврина, который из-за психического расстройства долгое время пребывал в глубокой депрессии, казалось бы, лишён особой привлекательности. И приём анафоры, использованный Чеховым, тонко подчёркивает драматизм эпизода, который впоследствии сильно повлиял на судьбу Коврина.

«Он засмеялся и взял её за руку. Её широкое, очень серьёзное, озябшее лицо с тонкими черными бровями, поднятый воротник пальто, мешавший ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная, в подобранном от росы платье, умиляла его» [Чехов, 1962].

Этот синтаксический приём, не очень характерный для китайского языка, переводчик «Чёрного монаха» достаточно умело воспроизвёл в своём переводе.

«她那宽阔,十分严肃,冻得冰凉的脸;她那两道细而黑的眉毛;她那竖起的,使她的头不能自由活动的大衣领子;她那又瘦又苗条的身材以及由于怕沾露水而撩起的衣裙,——看到这一切,他不由得动了感情» [Жу Лун, 1995].

Исследуя этот перевод, мы видим, что Жу Лун заметно перестроил конструкцию фразы, приспособив её к синтаксическим особенностям китайского языка, но при этом сохранил и передал главную ауру момента: произвольность и трудно объяснимую внезапность чувств, нахлынувших на героя повести.

Вместе с тем, необходимо отметить, что само по себе стремление к адекватной передаче авторской стилистики с помощью выразительных средств языка перевода не исключает возможность переводческих потерь. Как показывает исследование переводов произведений Чехова, к числу наиболее распространённых причин потерь в передаче чеховской стилистики относятся неудачи в распознавании и уяснении чеховской иронии. Даже при достаточно

хорошем знании культурно-исторического фона и идейных замыслов его рассказов и повестей переводчику оказывается не под силу добраться до скрытой лингвистической оболочкой сути такой иронии.

Орехи подобного рода можно встретить и в упомянутом переводе рассказа «Дама с собачкой». Неверно понятым, например, оказалось место, где Чехов в ироническом тоне описывает нравы «порядочных москвичей», считающих за доблесть интрижки на стороне. Не удалось передать и иронический смысл привычки жены главного героя рассказа Гурова «писать в письмах «ять». Это, сделанное Чеховым как бы вскользь замечание, на самом деле является важной деталью характеристики этой неглубокой и в целом не очень привлекательной женщины.

Как представляется, и первый, и второй случаи неудачного перевода показывают важность как целостного постижения смыслового пространства художественного произведения, так и того внимания, которое переводчик должен уделять поиску отдельных ключевых слов произведения, выяснению их культурного содержания и лингвистического значения. Писатель Куприн, характеризуя всю сложность работы переводчика художественной литературы, очень точно заметил, что «для перевода с иностранного языка мало знать, хотя бы и отлично, этот язык, а надо ещё уметь проникать в глубокое, живое, разнообразное значение каждого слова и в таинственную власть соединения тех или других слов».

Говоря о трудностях, связанных с проблемой переводимости стиля художественных произведений, мы, конечно, не можем не учитывать многоплановость этой темы. Она, разумеется, не ограничивается проблемами выбора той или иной стратегии перевода, поиском баланса в сложных процессах, связанных с интерференцией стилей автора произведения и переводчика, а также решением вопросов, касающихся таких явлений, как доместикация и форенизация. Неоспоримо одно — передача своеобразия стиля автора была и будет одной из самых важных и сложных задач, которые приходится решать переводчикам художественной литературы.

Исследование китайского дискурса по проблемам литературного перевода показывает, что среди исследователей и практических переводчиков КНР доминирует понимание важности критерия высокой художественности, особенно применительно к переводам классических произведений зарубежной литературы. В духе такого понимания китайские переводчики с русского языка вносят достойный вклад в дело распространения в своей стране великого наследия российских классиков, включая А.П.Чехова.

Список литературы

- Брандес М.П.* Стиль и перевод: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 127 с.
- Brandes, M.P.* Stil' i perevod: Uchebnoe posobie [Style and translation]. M.P. Brandes. Moscow: Vyssh. shk., 1988. 127 p. (In Russian).
- Гарбовский Н.К.* О функционально-стилистической вариативности языка // Вопросы системной организации речи / Под ред. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 9–25.
- Garbovskij, N.K.* O funkcional'no-stilisticheskoj variativnosti yazyka [About the functional-stylistic variability of language]. *Voprosy sistemnoj organizacii rechi*. Pod red. N.K. Garbovskogo. Moscow: Izd-vo MGU, 1988, pp. 9–25. (In Russian).
- Казакова Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика: Учебное пособие. СПб.: ООО «Иныязиздат», 2006. 544 с.
- Kazakova, T.A.* Hudozhestvennyj perevod. Teoriya i praktika: Uchebnoe posobie [Literary translation. Theory and practice]. T.A. Kazakova. Saint-Petersburg: ООО «In'yazizdat», 2006. 544 p. (In Russian).
- Чехов А.П.* Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1962. 3 т.
- Chekhov, A.P.* Izbrannye proizvedeniya [The chosen works]. Moscow: Goslitizdat, 1962. 3 vol. (In Russian).
- Го Можо.* Чехов на Востоке // Го Можо. Кипящая похлёбка. Владивосток: Изд. ДВФУ, 1947. С. 200.
- Go Mozho.* Chekhov na Vostoke [Czechs in the East]. Go Mozho. Kipyashchaya pohlebka. Vladivostok: Izd. DVFU, 1947, 200 p. (In Russian).
- Fellows, Otis E. and Stephen F. Milliken* 1972. Buffon. New York: Twayne, pp 149–154. 陈福康. 中国译学理论史稿. 上海:上海外语教育出版社, 2002: 521 (in Chinese).
- Чэнь Фукан.* Чжунго исюе лилунь шигао [История теории переводоведения в Китае]. Шанхай: Шанхай вайюй цзяоюе чубаньшэ, 2002. 521 с.
- 黎昌抱. 王佐良翻译风格研究. 光明日报出版社, 2009: 213 (in Chinese).
- Ли Чанбао.* Ван Цзолян фаньи фэнгэ яньцзю [Исследование переводческого стиля Ван Цзоляна]. Гуанминжибао чубаньшэ, 2009. 213 с.
- 刘宓庆. 新编当代翻译理论. 北京: 中国对外翻译出版公司, 2005: 314 (in Chinese).
- Лю Мицин.* Синьбянь дандай лилунь [Современная теория перевода]. Пекин: Чжунго дуйвэй фаньи чубань гунсы. 2005. 314 с.
- 刘重德. 文学风格翻译问题商榷. 中国翻译, 1988(7): 89–93 (in Chinese).
- Лю Чжундэ.* Вэньсюэ фаньи вэньги шанцюэ [Вопросы перевода литературного стиля] // Чжунго фаии. 1988(7). С. 89–93.
- 陆永昌. 俄汉文学翻译概论, 上海, 上海外语教育出版社, 2007: 319 (in Chinese).
- Лу Юнчан.* Э хань вэньсюэ фаньи гайлунь [Общий курс художественного перевода с русского языка на китайский]. Шанхай: Шанхай вайюй цзяоюе чубаньшэ, 2007. 319 с.
- 契诃夫作品集. 汝龙译. 北京: 人民文学出版社, 1979 (in Chinese).

Жу Лун. Цихэфу цзопинь цзи [Избранные произведения Чехова]. Жу Лун.

Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1979.

钱钟书. 林纾的翻译. 北京: 商务印书馆, 1981: 103 (in Chinese).

Цянь Чжуншу. Линь Шу дэ фаньи [Перевод Линь Шу]. Пекин: Шану инь-шугуань, 1981. 103 с.

童道明. 阅读契诃夫. 上海: 上海三联书店, 2008: 163 (in Chinese).

Тун Даомин. Юе ду Цихэфу [Чтение Чехова]. Шанхай: Шанхай Саньянь шудянь, 2008. 163 с.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Э. Бялж, кандидат филологических наук, доцент, Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине, Польша; e-mail: e.bialek@poczta.umcs.lublin.pl

ЧТО ТАКОЕ *ПЕРЕВОДНОЙ СЛОВАРЬ*? В ПОИСКАХ ОТВЕТА

В статье обсуждается вопрос о трактовке понятий *двуязычный словарь* и *переводной словарь* в трудах русских и польских учёных. Автор сопоставляет научные концепции, обращает в частности внимание на двоякую трактовку данных понятий и терминов в специальной литературе (в широком значении двуязычный словарь и переводной словарь относятся к одному и тому же лексикографическому продукту).

Ключевые слова: двуязычный словарь, переводной словарь, русская и польская лексикография.

Ewa Bialek, PhD (Philology), Assistant Professor at Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland; e-mail: e.bialek@poczta.umcs.lublin.pl

TRANSLATION DICTIONARY – WHAT IS IT? LOOKING FOR AN ANSWER

The paper discusses how the concepts of *bilingual dictionary* and *translation dictionary* are understood in the works of Russian and Polish researchers. The author makes a comparison of the views, focusing especially on a twofold approach to these concepts and terms in the literature (in a broad sense, bilingual dictionary and translation dictionary refer to the same type of lexicographic product).

Key words: bilingual dictionary, translation dictionary, Russian and Polish lexicography.

Введение

Настоящее исследование посвящено теоретической проблеме, сегодня заметно актуализировавшейся вследствие развития лексикографической практики и растущей востребованности в новых, усовершенствованных словарях, назначение которых – эффективно поддерживать профессиональную деятельность переводчиков. Речь идёт о переводном словаре, его дефинировании, дистинктивных признаках и месте в типологиях словарей. В рамках статьи заданная тема будет представлена в виде обозрения научной мысли учёных преимущественно из Польши и России (избранные труды

на фоне тенденций развития лексикографии в целом)¹, что, по сути, предусматривает её продолжение в дальнейшем, с учётом эмпирического материала. Вопросы, которые ставим здесь перед собой, следующие: близки ли мнения исследователей относительно понимания природы переводного словаря; номинации *двуязычный словарь* и *переводной словарь* — имеем здесь дело лишь с терминологической вариативностью или уже с дифференциацией самих понятий?

Переводной словарь — теоретическая постановка вопроса

Обзор научных источников подводит к мысли, что трактовка понятия *переводной словарь* в польской и русской лексикографических традициях в целом представляется неоднозначной, но в то же время и биполярной, что эти традиции отчасти сближает. Осознание двухполюсной природы понятия (а одновременно относящихся к нему термина и продукта лексикографической деятельности) за последние годы более отчётливо проявляется в польских исследованиях, хотя неверно было бы утверждать, что русская лексикографическая терминология вовсе не претерпевает изменений касательно данного вопроса. В пользу такого вывода говорят прежде всего чётко сформулированные постулаты польских лексикографов-переводоведов о необходимости обособлять двуязычный и переводной словаря как понятия и, следовательно, как термины (см. далее). Наши наблюдения сводятся к следующему. Переводной словарь, с одной стороны, можно рассматривать как любой иностранно-родной/родно-иностраный, то есть двуязычный (или многоязычный) словарь либо, с другой стороны, как отдельный тип лексикографического труда с особенностями, проявляющимися уже на уровне подборки источников (текстовая основа), как труд, ориентированный исключительно на активную деятельность, то есть перевод и производство текстов.

Подробнее об этих подходах и их основаниях. В общепринятом смысле понятия двуязычного и переводного словарей (польск. *słownik przekładowy*, реже *słownik tłumaczeniowy*)² не дифференциро-

---

¹ В статье развиваются идеи, положенные в основу доклада *Переводной словарь — к вопросу о методологии составления и описании переводческих соответствий*, зачитанного нами в ходе Международной научной конференции «Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения» (12–14 декабря 2016 г., Москва) [Бялэк, 2016: 23–25].

² Номинация *słownik przekładowy* закреплена в польском терминологическом инструментарии, тогда как второе наименование *słownik tłumaczeniowy* применяется изредка. Прилагательное *tłumaczeniowy* можно толковать в нём двояко — составленный для переводчика и с ориентацией на перевод [см. Sosnowski, Rotocka, Klimkiewicz, 2007] или составленный на основе билингвы [см. Bralewski, 2012].

ваны, стало быть, термины *переводной словарь* и *двуязычный словарь* применяются, как правило, на правах синонимов. Эту точку зрения явно подтверждает способ оперировать ими в научной литературе. В исследованиях оба термина нередко функционируют как парная номинация, то есть отмечаются в непосредственной близости друг от друга, причём задача термина *переводной словарь* в таких контекстах – разъяснить суть термина *двуязычный словарь*, играющего роль исходного, заголовочного словосочетания дефиниции (термин *переводной словарь* как часть словарной статьи о двуязычном словаре, термин *двуязычный словарь* как её заглавие). Очевидно то, что наличие в словаре данных двух разных языков (их слов, словосочетаний и сопутствующей им информации) предreshает его трактовку как совокупности ориентиров для осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации. Эта функция, отметим, разными словарями реализуется неодинаково, то есть более или менее успешно, что и создало предпосылки для пересмотра вопроса о двуязычном словаре как орудии в переводческой деятельности. Уместно здесь добавить, что основное назначение двуязычного словаря в концепции, например, чешско-американского лексикографа Л. Згусты – именно помощь при переводе и производстве текстов [Zgusta, 1971: 213]³. Стало быть, беспочвенно было бы полностью отрицать естественное назначение двуязычного словаря – быть опорой переводчику, раз даются в нём пары переводных эквивалентов, закрепляющих составляющие двух культурно-языковых вариантов действительности в сопоставительном плане. В современной лексикографии особенно остро встаёт вопрос о коммуникативной ценности фиксируемого словарями эмпирического материала: насколько он пригоден для адекватного вербального поведения получателя, например, в ритуализированных ситуациях; о требованиях к его описанию: наличие морфолого-синтаксической и культурной информации, восстанавливающей фон употребления единиц и тем самым поддерживающей перевод текстов и т.д., что приводит или, вернее, уже привело к последовательной дифференциации словарей, с одной стороны, на полифункциональные словари со смешанной функцией (отражение фрагмента двух языковых систем, поддержка процесса перевода и обучения языку)⁴, и, с другой, на словари с функцией специализированного

---

³ “The usual aim of a bilingual dictionary is to help in translating from one language into another, or in producing texts in language other the user’s native one, or both” [там же]. Трактовку общих двуязычных словарей как словарей для переводчиков и перевода (translator’s dictionary) некоторые переводоведы решительно отрицают [см. Snell-Hornby, 1983: 275].

⁴ Полифункциональными, как кажется, могут быть как большие словари, так и карманные, и настольные.

орудия при выполнении перевода как ведущей: словником охвачен определённый круг тем, а выявление пар переводных эквивалентов детерминировано реальными текстами и заданными ими ситуациями⁵. По сути, этот процесс разведения понятий в западной и польской лексикографии уже идёт, хотя традиционный подход к двуязычному словарю как переводному, конечно, сохраняется (тем более что вопрос совершенствования двуязычных словарей непрерывно обсуждается [см. Atkins, 1996: 526; Sax, 2011: 123–139]).

Переводной словарь с разных ракурсов

В первом, устоявшемся понимании, которое назовём широким (наблюдаемом также в концепциях западных учёных)⁶, двуязычность лексикографического труда полностью отождествляется с его пригодностью для осуществления целей перевода и способностью удовлетворить потребности переводчика, отсюда и вытекает синонимия обоих понятий (два языка → двуязычные эквиваленты → перевод). Всё это верно. Возможность параллельного, или вариативного употребления этих терминов можно подкрепить словами, с которых начинается труд лексикографа В.П. Беркова: «*Двуязычная, или переводная* (курсив в цитате мой. — Э.Б.), лексикография насчитывает по меньшей мере четыре тысячелетия. Сохранились отрывки *двуязычных и трёхязычных словарей*, [...]», и далее — «Только в СССР в период с 1928 по 1966 г. одним издательством «Советская энциклопедия» было выпущено 942 *переводных словаря* [Берков, 1973: 3; см. также: Берков, 2000: 65–69]. По данным «Толкового переводоведческого словаря»⁷, *переводной словарь* — это «словарь, представляющий планомерное сопоставление словарных составов двух или более языков в той или другой их части или во всей их совокупности» [Нелюбин, 2003: 148]. С современной точки зрения на собственно переводной словарь (в узком смысле, о чём пойдёт речь далее) приведённая дефиниция содержит некое противоречие, так как суть словаря данного типа не сводится к закреплению соотношения между словами и словосочетаниями, как составляющими двух языковых систем, то есть статического соот-

⁵ Переводные словари, однако, не лишены и познавательной функции.

⁶ В англоязычной лексикографии термин *bilingual dictionary* традиционно толкуется как словарь, который используется как при чтении, так и при производстве текстов на чужом языке, то есть он связан с пассивными и активными действиями [см. Hartmann, James, 2001: 14]. Статья *translation dictionary*, хотя и существует в приводимой работе, но она выполняет лишь отсылочную функцию к статье о двуязычном словаре, не является самостоятельной [там же: 146].

⁷ *Переводоведческий словарь* — словарь для переводчика, содержащий информацию по переводоведению.

ношения [см. Lewicki, 2011: 159]. Собственно, переводной словарь нацелен на охват и такого лексикона, который относится к текстам, фильтрующим соотношения между знаками разной величины из двух культурно-языковых пространств.

Дефиниция двуязычного словаря, содержащаяся в цитируемом выше источнике, не оставляет ни малейшего сомнения в том, что зачастую между двуязычным и переводным словарями ставится именно знак равенства – «Двуязычный словарь – *переводной словарь*, ограниченный сопоставлением двух языков» [Нелюбин, 2003: 42]. Из этого следует, что известный лексикографический критерий в виде количества языков (два языка), широко применяемый в типологии словарей, при традиционном подходе сливается в единое целое с критерием назначения продукта деятельности лексикографа (наложение критериев, язык и функция). Особо в научно-популярных и интернет-источниках распространено понимание обоих терминов как синонимов, относящихся к одному типу словаря, ср.: «Двуязычные словари, переводные словари, – тип словарей (см. Словари лингвистические), в которых даётся перевод значения слова или фразеологизма с одного языка на другой»⁸; «Переводной словарь – словарь, содержащий в сопоставлении слова одного языка и их переводные эквиваленты на другом языке (или на нескольких других языках, в таком случае переводной словарь является многоязычным)»⁹. В.П. Берков ключевой задачей переводной лексикографии (двуязычной)¹⁰ считает фиксацию оптимального или оптимальных эквивалентов единицам входного языка, минимизирующих потери при переводе [Берков, 1973: 6–7]. Эта задача сегодня вовсе не дезактуализировалась, она универсальна, наоборот – углубилась за счёт требования, выдвигаемого к родно-иностранным/иностранно-родным словарям более категорически, – словарь как источник знаний по текстообразующим способностям эквивалентов (включая «матрицу дискурсивного поведения», образуемую с помощью местоимённых маркеров [см. Хлеба, 2015: 202, 203])¹¹, словарь как совокупность указаний, охватывающих и сферу ритуала, словарь как источник, снабжающий читателя страноведческой информацией, описывающий единицы сверхлексического уровня (но необязательно лишь устоявшиеся

⁸ <http://ruskiyyazik.ru/224/> (дата обращения: 10.09.2017).

⁹ http://perevodovedcheskiy.academic.ru/1132/переводной_словарь (дата обращения: 10.09.2017).

¹⁰ Определения *двуязычная лексикография* и *переводная лексикография* используются вариативно, см. также [Нелюбин, 2003: 148].

¹¹ Местоимённые маркеры: «кто – где – когда – о чём – с какой целью – как обращается к кому – по каким причинам – с какими последствиями» [там же].

в языке). По сути, схожие требования формулировал и В.П. Берков в контексте концепции двуязычного словаря, акцентировав и общую ценность словаря как пособия для изучающего чужой язык и как опоры при создании текстов на нём [там же: 6, 8–10]. Двуязычному словарю таким образом приписаны две равноправные функции, лексикограф, подчеркнём, прямо называет его инструментом перевода, что и обуславливает применение к нему термина *переводной* [там же: 9; ср. Zgusta, 1971]¹². Труд В.П. Беркова весьма актуален для переводной (в сегодняшнем значении) лексикографии, ряд достоинств этой фундаментальной монографии раскрыт в статье О.Н. Иванишевой «Хороший двуязычный словарь»: принципы современной лексикографии и наследие В.П. Беркова» [2012: 59–62, рассматриваются более поздние издания труда]¹³.

Переводной словарь в типологиях

В пособиях по лексикографии переводной словарь как отдельный, самостоятельный тип словаря, скорее всего, не выделяется. Порою и двуязычный словарь обходится в них молчанием, возможно, из-за того, что внимание лексикографов чаще фокусируется вокруг типологии одноязычных словарей как приоритетных изданий; тем самым неоднаязычный словарь в общих классификациях в некоторой мере маргинализируется [Козырев, Черняк, 2004; Бобунова, 2009; Тихонова, 2009 и др.]¹⁴. Среди исследователей широко распространено классическое разделение словарей по Л.В. Щербе, согласно которому *толковый словарь* (адресат – говорящий на данном языке) противопоставлен именно *переводному словарю* [Щерба, 1974: 297–303]¹⁵. На основе данной типологии (путём замены терминов) можно создать следующую оппозицию: *однаязычный* (толковый словарь) – *неоднаязычный* (двуязычный, многоязычный словарь). Таким образом и комментируется предложение Л.В. Щербы в работах зарубежных учёных [MD–BD; Piotrowski, 1994: 15].

---

¹² Мнения обоих учёных относительно двойной функции двуязычного словаря сходятся.

¹³ В статье используются два термина – двуязычный и переводной словарь.

¹⁴ Богатству именно одноязычных словарей посвящена одна из недавних работ Л.П. Крысина [Крысин, 2013: 542–563].

¹⁵ В книге В.В. Дубичинского «Лексикография русского языка» выделена отдельная глава под названием *Переводная (дву- и многоязычная лексикография)*, открывающие её слова подтверждают приверженность классическому подходу, ср. «По признаку количества описываемых в словаре языков различают словари одноязычные и переводные» [Дубичинский, 2009: 97]. Аналогичная классификация упоминается в книге Л.А. Введенской «Русская лексикография» – *непереводные* (однаязычные) и *переводные словари* (двуязычные, многоязычные) [Введенская, 2007: 36].

Стоит отметить, что в этой одной из основных для русской лексикографии концепций переводной словарь представляет собой, в частности, источник знаний по другому языку, ср. «Переводный словарь возникает из потребности понимать тексты на чужом языке» [Щерба, 1974: 297], следовательно, его переводная функция лишь условна и сводится к переходу от значения к значению (его объяснение), не от текста к тексту (его производство). При классическом подходе к двуязычному/переводному словарю отправной точкой является функция перевода (как уже отмечалось, она ограничена), подчиняющая себе количественный критерий языков, описываемых в словаре: один язык = толкование его слов, разные языки = толкование слов одного из них путём перевода на другой язык. В этом понимании двуязычный словарь, наряду с многоязычным, – разновидность переводного словаря, в «сепаратистском» подходе переводной словарь – разновидность двуязычного, своеобразное руководство для переводящих.

Сегодня доминирует разделение словарей непосредственно уже по языковому критерию с выделением оппозиции *monolingual dictionary* / *одноязычный словарь* – *bilingual dictionary* / *двуязычный словарь*, что открывает путь для дальнейшей, уже внутренней дифференциации двуязычного словаря в зависимости от его функциональной направленности и знаний адресата по входному и выходному языкам. Так, в специальной литературе говорится о двух разновидностях двуязычного словаря – *пассивный*: а) для декодирования, словарь как инструмент для перевода с иностранного языка на родной или б) для чтения текста на неродном языке; *активный*: инструмент для перевода на иностранный язык [Верков, 1996: 547–550; Девель, 2011: 26; Hartmann, James, 2001: 14]¹⁶. В терминологической лексикографии переводные словари выделяются по критерию назначения, наряду с учебными и объяснительными, в отдельной группе представлен двуязычный словарь (критерий количества языков) [Гринев, 1995, цит. по: Lukszyn, Zmarzer, 2001: 148]. Согласно польским лексикографам-терминологам, двуязычный и собственно переводной словаря представляют собой разные типы словарей, однако функция второго из них может быть присутствующей и первому – «Dwu- i wielojęzyczne słowniki terminologiczne mogą pełnić funkcję słowników przekładowych, chociaż w ścisłym zna-

---

¹⁶ В.Д. Табанакова и Н.А. Сивакова, отмечая развитие переводной (двуязычной и многоязычной) лексикографии в англоязычных странах, указывают на выделение словарей пассивного типа, адресатом которых является пользователь, понимающий иностранный язык, а также словари активного типа – для тех, кто пользуется иностранным языком активно, то есть говорит на нём [Табанакова, Сивакова, 2003: 118]. Критерии активности и пассивности, как видим, различны.

czeniu nimi nie są» [Lukszyn, Zmarzer, 2001: 145, 146; Czerni, 1977: 20–21 (*słowniki czytelniczo-tłumaczeniowe*)]¹⁷. Аналогичный вывод сделан нами на основе сопоставления научной литературы. Работы русских учёных, как представляется, однозначного ответа относительно их размежевания не содержат [Лейчик, Смирнов, 1973: 293]. Термин *переводной словарь* издавна присутствует также в понятийном аппарате машинного перевода (*автоматический переводной словарь*) [Убин, 1989].

Неизбежность дифференцировать понятия двуязычного и собственно переводного словарей становится очевидной, если обратиться к новейшим глоссариям по лексикографии, освещающим понятия в двуязычном плане. В проекте англо-русского лексикографического глоссария О.М. Карповой разведение переводного и двуязычного словарей – это факт, см. *bilingual dictionary / двуязычный словарь, translation dictionary / переводной словарь* [Карпова, 2001: 130–131; Burkhanov, 2010: 248–249]. На практике, однако, рассматриваемые термины относительно свободно заменяют друг друга в рамках одних и тех же работ (также в названиях или описаниях словарей), что в некоторой степени осложняет верную (специализированную) оценку конкретного лексикографического продукта как словаря двуязычного, то есть переводного в широком значении, или собственно переводного [Семина, 2012: 572–576]¹⁸. В русскоязычной литературе применяется ещё другой, близкий исследуемому термин (хотя по масштабу распространённости он, скорее всего, уступает место первому) – *переводческий словарь*¹⁹. Во введении в книгу «Проектирование переводческих словарей специальной лексики» И.С. Кудашев объясняет свою мотивацию для выбора данного термина и одновременно даёт ему толкование (отвечающее положениям о переводном словаре в теории лексикографии XXI века): *переводческие словари* – «словари, предназначенные для переводчиков и ориентированные на процесс перевода» [Кудашев, 2007: 7]. Таким образом, как можно предположить, при формировании в основном микроструктуры переводческого/переводного словаря должен учитываться антропоцентрический фактор, то есть потребности переводчика с точки зрения межъязыкового и межкультурного общения (данные, пополняющие его лингвистическую и экстралингвистическую ком-

---

¹⁷ *Słownik czytelniczo-tłumaczeniowy* – словарь, отвечающий по своим характеристикам двуязычному словарю.

¹⁸ В статье последовательно употребляется термин *переводной словарь*.

¹⁹ Тот же термин применяется, например, в работе болгарского лингвиста, исследующего применение параллельных корпусов в лексикографии – *переводческий словарь, переводческий корпусный словарь* [Гочев, 2010: 2016–2021].

петентность), — «в идеале переводческий словарь должен помогать переводчику на всех этапах перевода» [там же: 149]²⁰. Автор отмечает существенную вещь — *в идеале* — составители воплощают свои идеи в конкретный проект, предусмотренный для выбранного круга пользователей, однако лишь проверка временем может подтвердить не только обоснованность данного изданию названия — переводной/переводческий словарь или традиционный двуязычный словарь (как в действительности тот или иной словарь помогает переводчику) — но и дать оценку реализации методологических установок, принятых для отдельных типов словарей (как решена проблема подачи контента). О высокой степени функциональной направленности как свойстве переводного словаря (а точнее говоря, переводного терминологического словаря) пишут В.Д. Табанакова и М.А. Ковязина [2006: 159]²¹.

Границы понятий двуязычного и переводного словарей в польских исследованиях также пересекаются (общая черта с русскоязычной и англоязычной литературой), например, популярные польско-русские и русско-польские словари довоенного и послевоенного периода до сих пор называют двояко — и двуязычными, и переводными²². Сегодня, однако, нельзя не заметить (что уже акцентировалось) стремление к специализации этих номинаций. Современному (узкому) пониманию переводного словаря и переводной лексикографии (от текста к словарю, то есть текст как его фундамент, и от словаря к тексту, то есть словарь как фундамент текста), несомненно, путь проложили активное развитие направления лексикографической критики (развивающееся с 70–80-х гг.) и пересмотр существующих изданий²³. Я. Вавжиньчик в статьях от 1981 и 1984 гг., рассматривая лексикографические решения в польско-русских словарях того времени, оперирует термином

---

²⁰ На полях одновременно отметим, что тот же получатель указывается и в случае традиционных двуязычных словарей — «Большие двуязычные словари предназначены в первую очередь для переводчиков» [Грек-Пабис, 1980: 17].

²¹ Информация об адресате словаря — переводчик — и акцент на назначении позволяет судить, что авторы имеют в виду узкое значение слова *переводной*.

²² Ср. название книги — *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005* [Wojan, 2006]. Определение *przekładowej* (т.е. переводной) наделено здесь общим смыслом. Монография охватывает два столетия, в течение которых менялась и лексикографическая практика, и разрабатывались новые типы словарей (в том числе и собственно переводные). В статье А. Харциарека термины *переводной словарь* и *двуязычный словарь* также употребляются на правах синонимов [Харциарек, 2011: 457–462].

²³ Эта тема освещена массивом работ, поэтому ограничимся лишь ссылкой на избранные эскизы о развитии лексикографии в Польше, написанные Я. Вавжиньчиком в разные годы (1983, 1985, 1987 и др., см. Wawrzyńczyk, 2006: 139–292], а также ссылкой на библиографию трудов А. Богуславского [Zaron, 2011: 18–20].

słownik przekładowy (переводной словарь), судя по всему, тождественным термину *двуязычный словарь*, но требования, выдвигаемые учёным к микроструктуре тогдашних словарей, близки уже к требованиям, по которым должны выстраиваться современные переводные словари [Wawrzyńczyk, 1981: 49; Wawrzyńczyk, 1984: 225–227]. В одном из трудов лексикографа, посвящённом особенностям двуязычного словаря, представлена характеристика *хорошего* двуязычного словаря, под которым понимается именно переводной словарь (“Dobry słownik dwujęzyczny, czyli przekładowy, [...]”). Его назначение, пишут авторы, – доставлять эквиваленты, обеспечивающие создание вполне естественного текста, то есть лишённого отрицательных следов переводческой деятельности, сигналов языковой вторичности, искусственности [см.: Mędelska, Wawrzyńczyk, 1992: 9]²⁴. Р. Левицкий, автор двух русско-польских переводных словарей, именно ориентацию на перевод (словарь как источник готовых решений при выполнении перевода) признаёт веским критерием, позволяющим размежевать понятия переводного и двуязычного словарей [Lewicki, 2011: 159; Lewicki, 2008: 8]²⁵. Их разведение постулирует и В. Хлебда, эту необходимость он подчёркивает в предисловии к словарю пар переводных эквивалентов “Polsko-rosyjski słownik par przekładowych” [PRSP, 2014: 18]²⁶. Векторы развития собственно переводной лексикографии последних лет в Польше, её положений русскоязычному читателю в отдельной статье подробно изложили В.Г. Кульпина и В.А. Татаринев, отметив следующее – «Понятие *переводной словарь*, очевидно, завоевало своё место под солнцем, потеснив вездесущую номинацию *двуязычный словарь*» [Кульпина, Татаринев, 2014: 191]. Данное замечание фиксирует направление развития словарной практики в Польше, а также экспансию терминологической номинации *słownik przekładowy* (возможно, также и в широком значении).

Основным источником единиц для переводного словаря и одновременно, как полагаем, показателем его «переводной» природы принято считать тексты – *билингва* (польск. *dwutekst*), а также тек-

---

²⁴ В данной монографии номинация *słownik przekładowy* (переводной словарь) встречается лишь изредка, что показывает тогдашнюю иерархию и распространённость терминов. Можно уловить общую черту в концепциях хороших двуязычных словарей по В.П. Беркову и Я. Вавжиньчику.

²⁵ Первый из них – «Христианство. Русско-польский словарь» / “Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski” (2002), второй охватывает пары переводных эквивалентов из области антропонимии и топонимии – “Polsko-rosyjski słownik nazw własnych” (2008).

²⁶ Словарь, а также предшествующие ему издания охарактеризованы в статье того же автора «О превращаемости словарей» [Хлебда, 2015: 201–206].

сты, не связанные соотношением *оригинал-перевод*, но в то же время объединённые общей тематикой и жанровыми характеристиками (польск. *tekst paralelny*) [Lewicki, 2002; PRSPP, 2014]²⁷. В соответствии с данным критерием, то есть текст как опора для словника и словаря в целом, к числу словарей переводного типа относится и составленный нами русско-польский словарь коллокаций, вышедший в свет в 2011 г., – его словник построен на трёх типах билингвы (художественная литература, пресса и официально-деловой текст), а это означает, что в словарь вошли пары русско-польских коллокаций, существующие как реальные, текстовые пары переводных эквивалентов [Białek, 2011; Кульпина, Татаринев, 2012: 92–95]²⁸. Текстовый ориентир, в действительности, сближает понятие переводного словаря с понятием одноязычного словаря активного типа. Активный одноязычный словарь опирается на тексты и даёт широкую информацию о способе применения той или иной единицы (детально разработанная сочетаемость, ряды синонимов и антонимов, вспомогательные комментарии), становясь таким образом пособием для составления текста на данном языке. В предисловии к первому тому «Активного словаря русского языка» говорится, что активные словари «предназначены для того, чтобы обеспечить нужды говорения или, более широко, нужды производства текстов» [АСРЯ, 2014: 6]. Те же требования ставятся перед переводным словарём. В. Хлебда в статье 1990 г. обращал внимание на целесообразность перехода от пассивного словаря, фиксирующего понятийные эквиваленты, в сторону активного словаря, помогающего создавать тексты (двуязычный переводной словарь), эту мысль он акцентирует и позже, воплощая её в формулу *текст* → *словарь* → *текст* [Chlebda, 1990: 47; 2011: 25; PRSPP, 2014: 18]²⁹.

За последний десяток лет в славянских странах активно прибегают к ресурсам языковых корпусов, всё выше оцениваемых как инструмент, отвечающий нуждам новой, переводчикоориентиро-

---

²⁷ Однако в качестве источника не исключены и другие словари [см. Lewicki, 2008].

²⁸ Словники двуязычных словарей, при традиционном подходе составителей к их формированию, могут в большей степени опираться на другие словарные издания, что приводит к повторению не только сетки заголовочных слов, но и какой-то части содержимого словарных статей, а языковые ресурсы ведь постоянно обновляются. Словари как источники материала указаны в предисловии к «Новому польско-русскому, русско-польскому словарю», изданному в Москве в 2016 г., что при применении текстового критерия обосновывает оценку словаря как двуязычного.

²⁹ В работах некоторых российских исследователей используется также понятие *двуязычный словарь активного типа* или *переводной словарь активного типа* [Латыпова, Сиразеева, Шарифуллина, 2016: 93–98].

ванной и текстоцентристской лексикографии («обращение к пользователю» [Иванищева, 2012: 60], «человекоориентированность» [Латыпова, Сиразеева, Шарифуллина, 2016: 94]). Вопрос о параллельном корпусе с билингвой как источнике данных для новейшей лексикографии и как основе переводного словаря затронут польским романистом Д. Бралевским [Bralewski, 2012]. Корпус в этом же ракурсе обсуждается также и Д.О. Добровольским [Добровольский, 2015: 23–37]. По отношению к проекту двуязычного фразеологического словаря, базирующегося на корпусных данных (в том числе извлечённых из параллельных корпусов), московский лингвист применяет название *корпусный словарь*. Методология его составления пересекается с методологией разработки словарей, называемых переводными, – работа с аутентичными (кон)текстами, а это ведёт к дальнейшему перекрещиванию названий словарей в зависимости от вида корпуса (переводной словарь – улучшенный двуязычный словарь, или «хороший» двуязычный словарь / словарь для переводчика, составленный на основе билингвы / словарь для переводчика, составленный на основе оригинальных текстов на двух языках / словарь для переводчика, составленный на смешанной основе из профессиональных национальных корпусов). Исследователи выдвигают также конкретные предложения по микроструктуре переводного словаря активного типа, составленного на базе билингвы (НКРЯ), – одной из её особенностей является семантизация вокабулы и иллюстрация контекстного функционирования пар переводных соответствий [Латыпова, Сиразеева, Шарифуллина, 2016: 93–98]. В данной статье, как уже упоминалось, термины чередуются, однако, авторами не ставится вопрос об их взаимоисключении³⁰. Таким образом обоснованной представляется и констатация, что усовершенствованный двуязычный словарь с текстовым уклоном (при условии подачи в нём готовых решений) – это и есть, на самом деле, переводной словарь (см. проект «идеального двуязычного словаря для переводчиков») [Sax, 2011: 123–139].

Подведём итоги. Формулирование рекомендаций относительно того, как переводной словарь составляется (текстовая основа), кому адресован (тем, кто переводит)³¹, что содержит (коммуникативно ценные единицы), какие особенности подачи эмпирического материала ему свойственны (местоимённые маркеры, коммента-

---

³⁰ Имеется в виду то, что переводной словарь не трактуется как отдельный тип словаря.

³¹ Профессиональные переводчики не являются, конечно, единственной аудиторией переводного словаря, его получателями являются и обучающиеся искусству перевода, и обучающиеся языку.

рии, готовые решения)³², позволяет говорить об осязаемых очертаниях концепции собственно переводного словаря в польских исследованиях. В русскоязычной научной литературе в понятия двуязычного и переводного словарей чаще вкладывается тот же смысл, хотя развитие корпусной лингвистики, трансформирующее и лексикографию, и переводоведение, позволяет отметить смежный вектор развития в польской и русской, а также славянской и европейской лексикографической практике в целом (обращение к получателю словаря). Текст как отправная и конечная точка деятельности (отправная для работающего с ним лексикографа, конечная для переводчика, пользователя языка, который текст производит) — один из ключей к пониманию природы переводного словаря в строгом, узком смысле. Отменить традиционный подход (двуязычный словарь = переводной словарь) нельзя, не потому, что он укоренился, а потому, что и для него есть обоснования — функция руководства по переводу, бесспорно, присуща и двуязычному словарю в традиционной форме (хотя и её эффективность может быть ограничена из-за многофункциональности и объёма издания). Задачу собственно переводных словарей успешно могут реализовать отраслевые, специальные словари, если лексикон обработан в них с ориентацией на процесс перевода (составитель предусматривает ситуативно-текстовую зону употребления пар переводных эквивалентов, стремясь к углублённому описанию избранного отрезка действительности). Под словом *переводной* в составе номинации продукта лексикографической деятельности лучше подразумевать определённую функциональную направленность, что позволит избежать, если не смешения, то слияния двух критериев. В заключение добавим, что переводной характер словаря проявляется на трёх уровнях — база для словника, лексикографические решения и целевая аудитория (это одновременно и параметры оценки). Пополняемые в будущем типологии словарей должны закреплять двоякое понимание обсуждаемой терминологии.

Список литературы

- АСРЯ — Активный словарь русского языка. Т. А—Б / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
- ASRJa — Aktivnyj slovar' ruskogo jazyka. T. A—B [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. A—B] / Отв. ред. Ju.D. Apresjan. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 408 p. (in Russian).

---

³² Перечень отличительных признаков переводного словаря на основе труда Д. Бралевого разработали также авторы рецензии на его монографию [см. Kubicka, Walkiewicz, 2015: 315—324].

- Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии: словник. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1973. 188 с.
- Berkov, V.P.* Voprosy dvujazychnoj leksikografii: slovnik [Questions of Bilingual Lexicography: Vocabulary], Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1973. 188 p. (in Russian).
- Берков В.П.* О словарях XXI века (из лексикографической футурологии) // Мир русского слова. 2000. № 3. С. 65–69. URL: <https://studfiles.net/preview/1771482/page:5/>
- Berkov, V.P.* O slovarjah XXI veka (iz leksikograficheskoj futurologii) [On Dictionaries of the XXI Century (Lexicographic Futurology)], *Mir russkogo slova*. 2000. No. 3, pp. 65–69 (in Russian).
- Бобунова М.А.* Русская лексикография XXI века: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 200 с.
- Bobunova, M.A.* Russkaja leksikografija XXI veka: ucheb. posobie [Russian Lexicography of the XXI Century: Textbook], Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 200 p. (in Russian).
- Бялэк Э.* Переводной словарь – к вопросу о методологии составления и описании переводческих соответствий // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции 12–14 декабря 2016 года. М., СПб.: Нестор-История, 2016. С. 23–25.
- Bialek, E.* Perevodnoj slovar' – k voprosu o metodologii sostavlenija i opisanii perevodcheskih sootvetstvij [A Translation Dictionary – On the Methodology of Compiling and Describing Pairs of Equivalents], *Russkaja leksikografija XXI veka: problemy i sposoby ih reshenija*. Materialy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 12–14 dekabrja 2016 goda. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2016, pp. 23–25 (in Russian).
- Введенская Л.А.* Русская лексикография: Учеб. пособие. М., Ростов-на-Дону: МарТ, 2007. 352 с.
- Vvedenskaja, L.A.* Russkaja leksikografija: ucheb. posobie [Russian Lexicography: Textbook], Moscow, Rostov-na-Donu: MarT, 2007. 352 p. (in Russian).
- Гочев Г.Н.* Русско-болгарский параллельный корпус текстов как источник двуязычной лексикографии // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» (к 55-летию преподавания русского языка в Испании). Т. II. Eds. R.G. Tirado, L. Sokolova, I. Votyakova. Гранада: Rubiños – 1860, S.A., Madrid, 2010. С. 2016–2021. URL: <http://rbcorpus.com/Г.Н.Гочев.%20Русско-болгарский%20корпус%20текстов%20как%20источник%20двуязычной%20лексикографии.pdf>
- Gochev, G.N.* Russko-bolgarskij parallel'nyj korpus tekstov kak istochnik dvujazychnoj leksyografii [The Russian-Bulgarian Parallel Corpus of Texts as a Source of Bilingual Dictionaries], II Mezhdunarodnaja konferencija "Russkij jazyk i literatura v mezhdunarodnomobrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostojanie i perspektivy" (k 55-letiju prepodavaniya russkogo

- языка в Испании). Т. II. Eds. R.G. Tirado, L. Sokolova, I. Votyakova. Granada: Rubiños – 1860, S.A., Madrid, 2010, pp. 2016–2021 (in Russian).
- Грек-Пабис И.* Двужычныя словары в изучении языка (О потребности словарей нового типа), *Przeгляд Rusycystyczny*. 1980. Zeszyt 4 (12). С. 15–20.
- Грек-Пабис, I.* Dvujazychnye slovary v izuchenii jazyka (O potrebnosti slovarej novogo tipa) [Bilingual Dictionaries in Language Learning (On the Need of New Types of Dictionaries)], *Przeгляд Rusycystyczny*. 1980. Zeszyt 4 (12), pp. 15–20 (in Russian).
- Гринеv С.В.* Введение в терминографию. М.: МПУ, 1995.
- Grinev, S.V.* Vvedenie v terminografiju [Introduction to Terminography], Moscow: MPU, 1995 (in Russian).
- Девель Л.А.* Двужычная лексикография // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 3. С. 25–29.
- Devel', L.A.* Dvujazychnaja leksikografija [Bilingual Lexicography], *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'*. 2011. No. 3, pp. 25–29 (in Russian).
- Добровольский Д.О.* Корпусы текстов и двужычная фразеография // Вестник НГПУ. 2015. № 5 (27). С. 23–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusy-tekstov-i-dvujazychnaja-frazeografiya>
- Dobrovol'skij, D.O.* Korpusy tekstov i dvujazychnaja frazeografija [Text Corpora and Bilingual Phraseography], *Vestnik NGPU*. 2015. No. 5(27), pp. 23–37 (in Russian).
- Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2009. 432 с.
- Dubichinskij, V.V.* Leksikografija russkogo jazyka: uceb. posobie [Lexicography of the Russian Language: Textbook], Moscow: Nauka: Flinta, 2009. 432 p. (in Russian).
- Иванищевa О.Н.* «Хороший двужычный словарь»: принципы современной лексикографии и наследие В.П. Беркова // Вестник ВятГГУ. 2012. № 2. С. 59–62. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/horoshiy-dvujazychnnyy-slovar-printsipy-sovremennoj-leksikografii-i-nasledie-v-p-berkova>
- Ivanishheva, O.N.* «Horoshij dvujazychnyj slovar'»: principy sovremennoj leksikografii i nasledie V.P. Berkova [“A Good Bilingual Dictionary”: the Principles of Modern Lexicography and Prof. V. Berkov's Heritage], *Vestnik VyatGGU*. 2012. No. 2, pp. 59–62 (in Russian).
- Карпова О.М.* Лексикографическая терминология и способы её описания // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 126–134. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2001/02/karpova.pdf>
- Karpova, O.M.* Leksikograficheskaja terminologija i sposoby ee opisanija [Lexicographic Terminology and Methods of its Description], *Vestnik VGU, Serija lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2001. No. 2, pp. 126–134 (in Russian).
- Козырев В.А., Черняк В.Д.* Русская лексикография. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

- Kozyrev, V.A., Chernyak, V.D.* Russkaja leksikografija [Russian Lexicography], Moscow: Drofa, 2004. 288 p. (in Russian).
- Крысин Л.П.* Словари современного русского языка. Типы словарей // Славянская лексикография. Международная коллективная монография. Отв. ред. М.И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013. С. 542–563.
- Krysin, L.P.* Slovarei sovremennogo russkogo jazyka. Tipy slovarej [Dictionaries of Modern Russian Language. Types of Dictionaries], *Slavjanskaja leksikografija. Mezhdunarodnaja kolektivnaja monografija*. Отв. ред. М.И. Чернышева. Moscow: Azbukovnik, 2013, pp. 542–563 (in Russian).
- Кудашев И.С.* Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Helsinki University Print, 2007. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/19272/proektir.pdf>
- Kudashev, I.S.* Proektirovanie perevodcheskih slovarej spetsial'noj leksiki [Designing LSP Dictionaries for Translators], Helsinki: Helsinki University Print, 2007, 443 p. (in Russian).
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Лексикографическая категоризация коллокаций в переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 92–95.
- Kul'pina, V.G., Tatarinov, V.A.* Leksikograficheseskaja kategorizacija kollokacij v perevode [Lexicographic Categorization of Collocations in Translation], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2012. No. 2, pp. 92–95 (in Russian).
- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* О реконцептуализации проблем перевода и переводной лексикографии в трудах польских языковедов // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2014. № 2. С. 171–192.
- Kul'pina, V.G., Tatarinov, V.A.* O rekonceptualizacii problem perevoda i perevodnoj leksikografii v trudah pol'skih jazykovedov [On the Reconceptualization of Translation Problems and Translational Lexicography in Works of Polish Linguists], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2014. No. 2, pp. 171–192 (in Russian).
- Латыпова Л., Сиразеева А., Шарифуллина Э.* Микроструктура двуязычного словаря активного типа // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 2 (44). С. 93–98. URL: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/15_17.pdf
- Latypova, L., Sirazeeva, A., Sharifullina, E.* Mikrostruktura dvujazychnogo slovarja aktivnogo tipa [An Entry in a Bilingual Dictionary of an Active Type], *Filologija i kul'tura. Philology and Culture*. 2016. No. 2 (44), pp. 93–98 (in Russian).
- Лейчик В.М., Смирнов И.П.* Области пересечения терминоведения и перевода научной и технической литературы (1973) // История отечественного терминоведения. В 3 т. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973–1993): Хрестоматия. В.А. Татаринов. М.: Московский Лицей, 2003. С. 290–295.

- Lejchik, V.M., Smirnov, I.P.* Oblasti peresechenija terminovedenija i perevoda nauchnoj i tehničkoj literatury (1973) [Areas of the Intersection of Terminology and Translation of Scientific and Technical Literature], *Istorija otechestvennogo terminovedenija*. V 3 v. Vol. 3. Aspekty i otrasli terminologičeskikh issledovanij (1973–1993): Hrestomatija. V.A. Tatarinov. Moscow: Moskovskij Licej, 2003, pp. 290–295 (in Russian).
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- Neljubin, L.L.* Tolkovjy perevodovedčeskij slovar' [Explanatory Dictionary of Translation Studies], Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 320 p. (in Russian).
- Новый польско-русский и русско-польский словарь. М.: Дом славянской книги, 2016. 928 с.
- Novyj pol'sko-russkij i russko-pol'skij slovar' [New Polish-Russian and Russian-Polish Dictionary], Moscow: Dom slavjanskoj knigi, 2016. 928 p. (in Russian).
- Семина О.Ю.* Верификация данных переводных словарей с помощью языковых корпусов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 572–576. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verifikatsiya-dannyh-perevodnyh-slovarey-s-pomoschyu-yazykovyh-korpusov>
- Semina, O.Ju.* Verifikacija dannyh perevodnyh slovarej s pomoshh'ju jazykovyh korpusov [Using Language Corpora to Verify the Data of Translation Dictionaries], *Izvestija TulGU. Gumanitarnyje nauki*. 2012. No. 3, pp. 572–576 (in Russian).
- Табанакова В.Д., Сивакова Н.А.* Типология словарей сегодня // Вестник ТюмГУ. 2003. № 4. С. 114–120. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologija-slovarey-segodnja>
- Tabanakova, V.D., Sivakova, N.A.* Tipologija slovarej segodnja [A Typology of Dictionaries Today], *Vestnik TjumGU*. 2003. No. 4, pp. 114–120 (in Russian).
- Табанакова В.Д., Ковязина М.А.* Функциональная модель переводного специального словаря // Вестник ТюмГУ. 2006. №4. С. 158–165.
- Tabanakova, V.D., Kovjazina, M.A.* Funkcional'naja model' perevodnogo special'nogo slovarja [A Functional Model of a Translation Specialised Dictionary], *Vestnik TjumGU*. 2006. No. 4, pp. 158–165 (in Russian).
- Тихонова Е.Н.* Современная русская лексикография: учеб. пособие. М.: МГУП, 2009. 110 с.
- Tihonova, E.N.* Sovremennaja russkaja leksikografija: ucheb. posobie [Modern Russian Lexicography: Textbook], Moscow: MGUP, 2009. 110 p. (in Russian).
- Убин И.И.* Автоматический переводной словарь. Принципы построения. М.: АН СССР, Всесоюз. центр переводов науч.-техн. лит. и документ., 1989.
- Ubin, I.I.* Avtomatičeskij perevodnoj slovar'. Principy postroenija [Electronic Translation Dictionary. Principles of Dictionary-Making], Moscow: AN SSSR, Vsesojuz. tsentr perevodov nauch.-tehn. lit. i dokument., 1989 (in Russian).
- Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Ленинград:

- Наука, 1974. 428 с. URL: <http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_yazykovaya-sistema--deyatelnost_1974/go,266;fs,1/?book>
- Shherba, L.V.* Opyt obshhej teorii leksykografii [Towards a General Theory of Lexicography], *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. Red. L.R. Zinder, M.I. Matusевич. Leningrad: Nauka, 1974. 428 p. (in Russian).
- Харциушек А.* Городские надписи в переводном словаре // *Rossica Olomucensia L. Sbornik příspěvků z mezinárodní konference XXI. Olomoucké dny rusistů*. 07.09. – 09.09. 2011. Olomouc, Univerzita Palackého, 2011. С. 457–462.
- Harciarek, A.* Gorodskie nadpisi v perevodnom slovare [The Public Notices in Bilingual Dictionaries], *Rossica Olomucensia L. Sbornik příspěvků z mezinárodní konference XXI. Olomoucké dny rusistů*. September 07–09. 2011. Olomouc, Univerzita Palackého, 2011, pp. 457–462 (in Russian).
- Хлебда В.* О превращаемости словарей // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ*. Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. В 15 т. Т. 7. Современная русская лексикография: теория и практика. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 201–206.
- Hlebda, V.* O prevrashhaemosti slovorej [On Convertability of Dictionaries], *Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRJAL*. Red. kol.: L.A. Verbickaja, K.A. Rogova, T.I. Popova i dr. V 15 v. Vol. 7. Sovremennaja russkaja leksikografija: teorija i praktika. Saint Petersburg: MAPRJAL, 2015, pp. 201–206 (in Russian).
- Энциклопедия русского языка. URL: http://ruskiyyazik.ru/224/Enciklopedija_russkogo_jazyka [Encyclopedia of the Russian Language].
- Академик, 2000–2017 [Академик]. URL: http://perevodovedcheskiy.academic.ru/1132/переводной_словарь
- Atkins, B.T.S.* Bilingual Dictionaries: Past, Present and Future // *Proceedings of the 7th EURALEX International Congress*. Eds. M. Gellerstam, J. Järborg [at el.]. Göteborg, Sweden: Novum Grafiska AB, 1996, pp. 515–546. URL: <http://euralex.org/publications/bilingual-dictionaries-past-present-and-future/>
- Berkov, V.* Passive vs. Active Dictionary. A Revision // *Proceedings of the 7th EURALEX International Congress*. Eds. M. Gellerstam, J. Järborg [at el.]. Göteborg, Sweden: Novum Grafiska AB, 1996, pp. 547–550. URL: <http://euralex.org/publications/passive-vs-active-dictionary-a-revision/>
- Bialek, E.* Kolokacja w przekładzie. Słownik rosyjsko-polski. Коллокация в переводе. Русско-польский словарь. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. 420 p.
- Bialek, E.* A Collocation in Translation. Russian-Polish Dictionary. Kollokacja w переводе. Russko-pol'skij slovar'. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. 420 p.
- Bralewski, D.* Od przekładu do słownika. Korpus równoległy w redakcji słowników tłumaczeniowych. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2012. 642 p.
- Bralewski, D.* From Translation to the Dictionary. A Parallel Corpus in Building Translation Dictionaries. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2012. 642 p. (in Polish).

- Burkhanov, I.* Lexicography. A Dictionary of Basic Terminology. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2010. 285 p.
- Chlebda, W.* Czym jest – a czym mógłby być słownik przekładowy? *Studia ze współczesnej leksykografii polsko-rosyjskiej.* Red. J. Wawrzyńczyk. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1990, pp. 47–64.
- Chlebda, W.* What a Translation Dictionary Is – And What It Could Be? *Studia ze współczesnej leksykografii polsko-rosyjskiej.* Red. J. Wawrzyńczyk. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1990, pp. 47–64 (in Polish).
- Chlebda, W.* Ekwiwalencja i ekwiwalenty. Między słownikiem a tekstami // Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych. Red. W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011, pp. 21–43.
- Chlebda, W.* Equivalence and Equivalents. Between a Dictionary and Texts, *Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych.* Red. W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011, pp. 21–43 (in Polish).
- Czerni, S.* Słowniki specjalistyczne. Skrypt centralny. Warszawa: Wydawnictwo Naukowo-Techniczne, 1977. 55 p.
- Czerni, S.* Specialised Dictionaries. Principal Course Materials. Warsaw: Wydawnictwo Naukowo-Techniczne, 1977. 55 p. (in Polish).
- Hartmann, R.R.K, James G.* Dictionary of Lexicography. London, New York: Routledge, 2001. 176 p.
- Kubicka, E., Walkiewicz, A.* Co tłumaczy słownik przekładowy? Uwagi na marginesie pracy Dariusza Bralewskiego, Od przekładu do słownika. Korpus równoległy w redakcji słowników tłumaczeniowych, Łask („Rozumienie – Interpretacja – Przekład”), v. 9, 643 strony (recenzja książki). *Rocznik Przekładoznawczy. Studia nad teorią, praktyką i dydaktyką przekładu.* 2015. 10, pp. 315–325.
- Kubicka, E., Walkiewicz, A.* What Does a Translation Dictionary Translate? Remarks on Dariusz Bralewski’s Work, From Translation to the Dictionary. A Parallel Corpus in Building Translation Dictionaries, Łask (“Understanding – Interpretation – Translation”), vol. 9, 643 p. (the book review), *Rocznik Przekładoznawczy. Studia nad teorią, praktyką i dydaktyką przekładu.* 2015. 10, pp. 315–325 (in Polish).
- Lewicki, R.* Христианство. Русско-польский словарь. Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. Warszawa: Wydawnictwo Pax, 2002. 368 p.
- Lewicki, R.* Hristianstvo. Russko-pol’skij slovar’. Christianity. Russian-Polish Dictionary. Warsaw: Wydawnictwo Pax, 2002. 368 p. (in Polish).
- Lewicki, R.* Polsko-rosyjski słownik nazw własnych. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. 222 p.
- Lewicki, R.* Polish-Russian Dictionary of Proper Names. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. 222 p. (in Polish).
- Lewicki, R.* Translaty w słowniku przekładowym – poszukiwanie i ustalanie // Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych. Red. W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011, pp. 159–165.

- Lewicki, R. Translats In a Translation Dictionary – Searching and Determining Them, *Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych*. Red. W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011, pp. 159–165 (in Polish).
- Lukaszyn, J., Zmarzer, W. Teoretyczne podstawy terminologii. Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych, UW, 2001. 188 p.
- Lukaszyn, J., Zmarzer, W. Theoretical Principles of Terminology. Warsaw: Katedra Języków Specjalistycznych, UW, 2001. 188 p. (in Polish).
- Mędelska, J., Wawrzyńczyk, J. Między oryginałem a przekładem. Rzecz o słownikach dwujęzycznych. Kielce: Wydawnictwo Szumacher, 1992.
- Mędelska, J., Wawrzyńczyk, J. Between the Original and its Translation. Bilingual Dictionaries. Kielce: Wydawnictwo Szumacher, 1992 (in Polish).
- Piotrowski, T. Problems in Bilingual Lexicography. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. 183 p.
- Sax, D.J. „Jedno okienko” – o idealnym słowniku dwujęzycznym dla tłumaczy // Problemy leksykografii. Historia – metodologia – praktyka. Red. W. Gruszczyński, L. Polkowska. Kraków–Warszawa: Wydawnictwo Lexis, 2011, pp. 123–139.
- Sax, D.J. “A single entry” – a Perfect Bilingual Dictionary for Translators, *Problemy leksykografii. Historia – metodologia – praktyka*. Red. W. Gruszczyński, L. Polkowska. Kraków–Warszawa: Wydawnictwo Lexis, 2011, pp. 123–139 (in Polish).
- Snell-Hornby, M. The Bilingual Dictionary – Help or Hindrance?. Proceedings of the 1th EURALEX International Congress. Eds. St. Allén, P. Corbin, R.R.K. Hartmann [at el.]. Exeter, United Kingdom: Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1983, pp. 274–281. URL: <https://euralex.org/publications/the-bilingual-dictionary-help-or-hindrance/>
- Sosnowski, R., Rotocka, J., Klimkiewicz, A. Słownik informatyczny włosko-polski, polsko-włoski. Dizionario informatico italiano-polacco, polacco-italiano. Kraków: Femis Sp. z o.o., 2007. 235 p.
- Sosnowski, R., Rotocka, J., Klimkiewicz, A. Italian-Polish, Polish-Italian IT Dictionary. Dizionario informatico italiano-polacco, polacco-italiano. Kraków: Femis Sp. z o.o., 2007. 235 p. (in Polish).
- Wawrzyńczyk, J. Ze studiów krytycznych nad polsko-rosyjskimi słownikami przekładowymi // Przegląd Rusycystyczny. 1981. Zeszyt 3 (15), pp. 49–55.
- Wawrzyńczyk, J. Critical Studies on Polish-Russian Dictionaries, *Przegląd Rusycystyczny*. 1981. Zeszyt 3 (15), pp. 49–55 (in Polish).
- Wawrzyńczyk, J. Przekłady w leksykografii polsko-rosyjskiej a słownictwo jednojęzyczne // *Polonica*. 1984. X, pp. 225–233.
- Wawrzyńczyk, J. Translation in Polish-Russian Lexicography versus Monolingual Dictionaries, *Polonica*. 1984. X, pp. 225–233 (in Polish).
- Wawrzyńczyk, J. O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2006. 292 p.

- Wawrzyńczyk, J.* On Polish and Russian Languages. Studies and Outlines. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2006. 292 p. (in Polish).
- Wojan, K.* Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006. 162 p.
- Wojan, K.* Russian Language in Polish Translational Lexicography. Bibliography of Dictionaries for the Years 1795–2005. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006. 162 p. (in Polish).
- Zaron, Z.* (opr. i red.). Bibliografia prac Andrzeja Bogusławskiego. Warszawa: Bel Studio, 2011. 88 p.
- Zaron, Z.* (ed.). Bibliography of Works by Andrzej Bogusławski. Warsaw: Bel Studio, 2011. 88 p. (in Polish).
- Zgusta L.* (in cooperation with V. Černý i.a). Manual of Lexicography (*Janua Linguarum. Series Maior 39*). Prague: Academia, The Hague–Paris: Mouton, 1971. 360 p.
- PRSPP – Polsko-rosyjski słownik par przekładowych. Tom zbiorczy *Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego* (z. 1–5). Red. W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2014. 754 p.
- PRSPP – Polish-Russian Dictionary of Translational Pairs. The Consolidated Volume of *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski* (1–5). Ed. W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2014. 754 p. (in Polish).

Цай Хунянь, аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: caihongyanangel@163.com

К ПРОБЛЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Рассматривается фрагмент русской и китайской языковой картины мира, формируемый названиями двенадцати животных-символов года (鼠 ‘крыса’, 牛 ‘бык’, 虎 ‘тигр’, 兔 ‘кролик’, 龙 ‘дракон’, 蛇 ‘змея’, 马 ‘лошадь’, 羊 ‘коза’, 猴 ‘обезьяна’, 鸡 ‘петух’, 狗 ‘собака’, 猪 ‘свинья’). Цель исследования – выявить сходство и различие этого фрагмента языковой картины мира по данным известных русского и китайского толковых словарей, изданных в 2012 году. Поскольку место слова в словаре отражает место этого слова в системе языка, то можно полагать, что эти характеризующие фрагмент языковой картины мира русские и китайские номинативные единицы занимают разное место в системе языка, причём русские номинативные единицы занимают более периферийную позицию, чем китайские.

Ключевые слова: языковая картина мира, толковый словарь, семантика.

Cai Hongyan, Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: caihongyanangel@163.com

REFLECTING A FRAGMENT OF THE LANGUAGE WORLD VIEW IN RUSSIAN AND CHINESE EXPLANATORY DICTIONARIES

The article is devoted to the fragment of a language world image formed by the names of twelve animal symbols of the year (鼠 “rat,” 牛 “bull,” 虎 “tiger,” 兔 “hare,” 龙 “dragon,” 蛇 “snake,” 马 “horse,” 羊 “sheep,” 猴 “monkey,” 鸡 “cock,” 狗 “dog,” 猪 “pig”). The aim of the study is to reveal both similarities and differences of this fragment of the language world image according to the well-known Russian and Chinese explanatory dictionaries published in 2012. Because the place of the words in the dictionary reflects the place of the words in the language system, it can be assumed that these Russian and Chinese nominative units that characterize the fragment of the language world image occupy different positions in the language system, with the Russian nominative units occupying a more peripheral position than the Chinese ones.

Key words: language world image, explanatory dictionary, semantics.

Как известно, «понятие «Картина мира» используется весьма активно представителями самых разных наук <...>. Тем не менее, прочно войдя в разряд «рабочих» понятий многих наук, оно <...> по-прежнему остаётся метафорой, не всегда получает достаточно чёткое и однозначное толкование даже в среде специалистов од-

ного профиля <...>. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Таким образом, следует говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира данного национального языка, о языковой картине мира отдельного человека» [Корнилов, 2014: 3–4]. Лингвисты пишут о том, что необходимо «различать отражённую в языке картину мира и то или иное мировоззрение, выраженное средствами этого языка <...>. Можно сопоставить мировоззрение с идеологией, выраженной с помощью языка (картина мира), а мировидение с идеологией, выраженной в языке (языковой картина мира)» [Алпатов, 2014: 15]. При этом, «люди разных взглядов и разного мировоззрения, если они говорят на одном языке, то обнаружат в видении мира нечто общее, обусловленное этим языком <...>», и к выявлению языковой картины мира можно приблизиться, например, при исследовании особенностей членения мира носителями того или иного языка, а также при анализе места «тех или иных номинативных единиц с точки зрения центра или периферии в языке» [там же: 16–17].

Огромное значение для определения особенностей языковой картины мира имеют толковые словари, которые отображают своим составом национальную языковую, или «наивную», картину мира. Поэтому материалом для данной статьи послужили такие важные произведения современной русской и китайской лексикографии, как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и «现代汉语词典» («Словарь современного китайского языка»), изданные в 2012 году. Сравниваются русские и китайские словарные статьи с заголовочным словом-именем животного, обозначенного одним из двенадцати символов китайского года: 鼠 ‘крыса’, 牛 ‘бык’, 虎 ‘тигр’, 兔 ‘кролик’, 龙 ‘дракон’, 蛇 ‘змея’, 马 ‘лошадь (конь)’, 羊 ‘коза (овца)’, 猴 ‘обезьяна’, 鸡 ‘петух’, 狗 ‘собака’, 猪 ‘свинья’. Хотя в России и Китае ряд лингвистов уже избирали эти зоонимы для изучения (в том числе, [Чепасова, 2003; Каримова, 2005; Чепкова, 2006; Хао Хуэйминь, 2009; Головня, Юань Фань, 2011; Гаврилюк, 2013; Михайлова, Чжао И, 2016]), однако, на лексикографическом материале их сопоставление ещё не проводилось.

Сопоставим описания этих слов в русском и китайском толковых словарях.

В русском словаре читаем: «Крыса – вредный грызун из группы мышиных» [Ожегов, 2012: 470]. В китайском словаре – «鼠 哺乳动物, 种类很多, 一般的身体小, 尾巴长, 门齿很发达, 没有犬齿, 毛褐色或黑色, 繁殖力很强, 有的能传播鼠疫。通称老鼠, 有的地区叫耗子。」 [现代汉语词典, 2012: 1209] ‘Крыса’ (Шу) – млекопитающее животное, имеющее очень много видов, обычно

у крыс маленькое тело, длинный хвост, очень развитые передние зубы, нет клыков, шерсть коричневая или чёрная, у них высокая плодовитость, некоторые из них являются разносчиками чумы. Другое название – Лао Шу, в некоторых регионах их ещё называют Хао Цзы’ (здесь и далее перевод на русский язык мой. – Ц.Х.).

Русское слово «бык» определяется так: «Бык (1) – самец коровы и некоторых других пород рогатого скота. Бык (2) – *промежуточная опора моста*» [Ожегов, 2012: 109]. Китайская словарная статья обладает значительно бóльшим объёмом: «牛 (1): 1. 名 哺乳动物, 反刍类, 身体大, 趾端有蹄, 头上长有一对角, 尾巴尖端有长毛。力气大, 供役使、乳用或乳肉两用, 皮、毛、骨等都有用处。我国常见的有黄牛、水牛、牦牛等几种。2. 形 固执或骄傲: ~气 | ~脾气。3. 〈口〉形 本领大, 实力强。4. 二十八宿之一。5. 名 (Niú) 姓。牛 (2) niú 量 牛顿的简称» [现代汉语词典, 2012: 953] ‘Бык (1) (Нью) – это: 1. *сущ.* Млекопитающее животное с большим телом, на ногах копыта, на голове рога, на кончике хвоста длинная шерсть. Бык – это жвачное животное, обладающее большой силой, быки (коровы) используются либо для тяжёлого труда, либо для получения молока и мяса. Шкура, шерсть или кости тоже имеют применение. В Китае наиболее часто встречаются такие виды быков, как обычные быки, буйволы и яки. 2. *прил.* Упрямство или гордость: высокомерный характер, упрямый характер. 3. *прил.* разг. Человек, обладающий большими умениями и мощью. 4. Одно из 28 зодиакальных созвездий. 5. *сущ.* Фамилия. Бык (2) – *счётное слово*. Сокращённое от *ньютон* (единица измерения силы. – Примечание моё. – Ц.Х.)’.

В русском словаре находим: «Тигр – крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих с полосатой шкурой» [Ожегов, 2012: 1172]. Китайская словарная статья более объёмна: «虎 (1): 1. 名 哺乳动物, 头大而圆, 毛黄色, 有黑色斑纹。听觉和触觉都很敏锐, 性凶猛, 力气大, 善游泳, 不善爬树, 夜间出来捕食鸟兽。通称老虎。2. 用于比喻, 形容勇猛威武。3. 〈方〉动 露出凶相。4. (Hǔ) 名 姓。虎² 旧同“唬”» [现代汉语词典, 2012: 549] ‘Тигр¹ (Ху) – это 1. *сущ.* Млекопитающее с шерстью жёлтого цвета с чёрными полосами. У тигров большая и круглая голова. Тигры имеют очень тонкий слух и обострённое осязание, характер тигров свирепый, они обладают большой силой, по ночам охотятся на птиц и зверей. Тигры хорошо плавают и плохо лазают по деревьям. Другое название – Лаоху. 2. Смелый и бравый. 3. *гл.* диалект. Иметь злое выражение лица. 4. *сущ.* фамилия Ху. Тигр (2) – в древнекитайском языке “虎” и “唬” (ху) по употреблению одинаковы’.

В русском словаре слово «кролик» представлено следующим образом: «Сходное с зайцем животное, грызун, а также мех его» [Оже-

гов, 2012: 467], а в китайском имеется более подробное описание: «兔 名 哺乳动物, 头部略像鼠, 耳大, 上唇中间分裂, 尾短而向上翘, 前肢比后肢短, 善于跳跃, 跑得很快。有家兔和野兔等。毛可供纺织, 毛皮可以制衣物。通称兔子» [现代汉语词典, 2012: 1320] ‘сущ. Кролик (Ту) – это млекопитающее. У кроликов голова немного похожа на мышиную, у них большие уши, верхняя губа посередине разделяется, хвост короткий, задирается вверх, передние лапки короче задних, они хорошо прыгают, очень быстро бегают. Бывают разных видов: домашние кролики и дикие зайцы. Их шерсть используется в текстильной промышленности, из меха можно делать одежду. Другое название – Ту Цзы’.

Русское «дракон» толкуется, во-первых, как «сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея» и, во-вторых, «большая ящерица жарких стран с широкими складками вдоль тела» [Ожегов, 2012: 277]¹, а китайский иероглиф 龙 как «1. 名 我国古代传说中的神异动物, 身体长, 有鳞, 有角, 有脚, 能走, 能飞, 能游泳, 能兴云降雨。2. 封建时代用龙作为帝王的象征, 也用来指帝王使用的东西上。3. 形状像龙的或装饰有龙的图案的。4. 古生物学上指古代某些爬行动物, 如恐龙、翼手龙等。5. (Lóng) 名 姓» [现代汉语词典, 2012: 836] ‘Дракон (Лун) – 1. сущ. Дракон является волшебным животным из китайских древних легенд. У него длинное тело, покрытое чешуёй, есть рога и лапы. Он может ходить, летать, плавать, а также посылать дождь на землю. 2. В феодальный период дракон был символом императора, а иероглиф дракона присутствовал на предметах, связанных с императором. 3. Предметы, имеющие форму дракона или на которых изображён дракон. 4. В палеонтологии так называются некоторые виды древних пресмыкающихся, например, динозавр, птеродактиль. 5. сущ. Фамилия’.

Если в русском словаре видим лишь: «Змея – пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног. Обычно с ядовитыми зубами» [Ожегов, 2012: 357], то в китайском словаре даётся больше деталей: «蛇 名 爬行动物, 身体圆而细长, 有鳞, 没有四肢。种类很多, 有的有毒。吃青蛙等小动物, 大蛇也能吐食大的兽类» [现代汉语词典, 2012, с. 1146] ‘сущ. Змея (Шэ) – это рептилия с круглым, но тонким телом, покрытым чешуёй, не имеет конечностей. Бывают многих видов (есть ядовитые). Они питаются такими маленькими животными, как лягушки, большие змеи также могут питаться крупными животными’.

В русском словаре «лошадь» – «крупное домашнее однокопытное животное» [Ожегов, 2012: 501], а в китайском словаре читаем: «马 1. 名 哺乳动物, 头小, 面部长, 耳壳直立, 颈部有鬃, 四肢强

¹ Интересно отметить, что это слово отсутствует, например, в словаре [Лопатин, Лопатина, 2011].

健, 每肢各有一蹄, 善跑, 尾生有长毛。是重要的力畜之一, 可供拉车、耕地、乘骑等用。2. 大。3. (Mǎ) 名 姓» [现代汉语词典, 2012: 861–862] ‘1. *суц.* Лошадь (Ма) – это млекопитающее животное с небольшой и вытянутой головой, уши прямые, на шее растёт грива, у лошадей четыре мощных конечности, на каждой из конечностей есть копыто, лошади хорошо бегают, на хвосте растёт длинная шерсть. Лошади – это важный рабочий скот, они могут быть использованы для перевозки колясок, на пашнях и для езды верхом. 2. Что-то большое. 3. *суц.* фамилия’.

В русском словаре находим: «Коза – рогатое жвачное животное с длинной прямой шерстью» [Ожегов, 2012: 429], а в китайском – «羊 名 1. 哺乳动物, 反刍类, 一般头上有一对角, 如山羊、绵羊、羚羊、黄羊、岩羊等。2. (Yáng) 姓» [现代汉语词典, 2012: 1505] ‘*суц.* 1. Коза (Ян) – это млекопитающее жвачное животное, обычно у баранов на голове есть рога. Например, дикий козёл, домашний козёл, антилопа, дзерен, куку-яман и так далее. 2. Фамилия’.

Про «обезьяну» в русском словаре говорится: «Это: 1. Млекопитающее, наиболее близкое к человеку по строению тела. 2. *Перен.* Человек, склонный к подражанию другим, гримасник, кривляка (разг. неодобр.)» [Ожегов, 2012: 640–641]. В китайском словаре читаем: «猴 1. (猴) 名 哺乳动物, 种类很多, 形状略像人, 身上有毛, 多为灰色或褐色, 有尾巴, 行动灵活, 好群居, 口腔有储存食物的颊囊, 吃果实、野菜、鸟卵和昆虫等。通称猴子。2. 〈方〉形 乖巧; 机灵 (多指孩子)。3. 〈方〉动 像猴似的蹲着。4. (Hóu) 名 姓» [现代汉语词典, 2012, с.541] ‘1. *суц.* Обезьяна (Хоу) – это млекопитающее животное. Есть очень много видов обезьян, по внешнему виду они похожи на людей, их тело покрыто шерстью, большинство обезьян серого или коричневого цвета, у них есть хвосты, обезьяны быстро передвигаются, склонны жить в стаде, во рту у обезьян есть защёчные мешки, в которых они запасают еду. Питаются фруктами, дикорастущими съедобными растениями и насекомыми. Другое название – Хоуцзы. 2. *прил.* Ловкий, находчивый (обычно так говорят про детей). 3. *гл.* Сидеть на корточках. 4. *суц.* Фамилия’.

Что касается слова «петух», то в русском словаре сказано: «Петух – это: 1. Самец кур. *Индийский петух* (индюк). 2. *перен.* О задорном человек, забияка (разг. неодобр.)» [Ожегов, 2012: 773], а в китайском приводится больше подробностей – «鸡 名 1. 家禽, 品种很多, 嘴短, 上嘴稍弯曲, 头部有肉质的冠。翅膀短, 不能高飞。也叫家鸡。2. (Jī) 姓» [现代汉语词典, 2012: 598] ‘*суц.* 1. Петух (Цзи) – это домашняя птица, пород петухов очень много, клюв у петухов короткий, а верхняя часть клюва изогнута, на голове у них мясистый гребешок. У петухов короткие крылья, и они не умеют летать. Их также называют Цзяцзи. 2. Фамилия’.

По поводу слова «собака» в русском словаре написано: «Собака – это домашнее животное из семейства хищных млекопитающих, к которому относятся также волк, лисица и др.» [Ожегов, 2012: 1088]. В китайском словаре находим: «狗 名 哺乳动物, 嗅觉和听觉都很灵敏, 舌长而薄, 可散热, 毛有黄、白、黑等颜色。是人类最早驯化的家畜, 种类很多, 有的可以训练成警犬, 有的用来帮助打猎、牧羊等。也叫犬» [现代汉语词典, 2012: 460]. ‘суц. Собака (Гой) – это млекопитающее животное, существует очень много видов собак, у собак очень острый слух и обоняние, их язык длинный и тонкий, а также может выделять тепло из тела, шерсть у собак бывает жёлтая, белая и чёрная. Собаки – это сельскохозяйственные животные, которые одомашнены очень рано. Некоторых собак дрессируют, и они становятся полицейскими собаками, иногда собак используют на охоте или для того, чтобы пасти овец. Также их называют Цюань’.

О слове «свинья» русский словарь говорит: «Свинья – это: 1. Парнокопытное млекопитающее с крупным телом и короткими ногами, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, щетины. 2. перен. О том, кто поступает низко, подло (разг.)» [Ожегов, 2012: 1039]. В китайском словаре имеется следующее описание: «猪 名 哺乳动物, 头大, 鼻子和口吻都长, 眼睛小, 耳朵大, 四肢短, 身体肥, 生长快, 适应性强。肉供食用, 皮可制革, 鬃可制刷子和做其他工业原料» [现代汉语词典, 2012: 1697] ‘суц. Свинья (Чжу) – это млекопитающее животное с большой головой, длинными носом и мордой, глаза у свиней маленькие, уши большие, ноги короткие, туловище толстое, они быстро растут, легко приспосабливаются к окружению. Мясо свиней можно употреблять в пищу, шкура может использоваться для выделки кожи, из щетины могут делаться щётки или какое-либо другое промышленное сырьё’.

Сопоставительный анализ показывает, что в китайском языке большинство проанализированных номинативных единиц обладают семантикой более развитой, чем в языке русском (например, у слова «обезьяна» в русском словаре приводится два значения, а у иероглифа 猴 есть четыре значения; у русского «лошадь» – одно значение, у китайского 马 – три значения). Кроме того, в китайском словаре даны другие (вторые) названия некоторых животных (например, крысы и собаки). Больше всего (и по объёму, и по модальности) различаются русское и китайское толкования слова «дракон».

И в русские, и в китайские словарные статьи включены фразеологизмы², в которые входят рассматриваемые слова, причём ис-

² Существуют пять типов китайских фразеологизмов: 成语 ‘идиомы’, 谚语 ‘поговорки’, 歇后语 ‘недоговорки-иносказания’, 惯用语 ‘фразеологические сочетания’, 俗语 ‘поговорки» [Войцехович, 2007: 17].

следованные зоонимы фразеологических систем обоих языков часто характеризуют человека. В китайском словаре у всех двенадцати анализируемых слов приведено разное количество фразеологизмов («крыса» – 6, «бык» – 16, «тигр» – 17, «кролик» – 2, «дракон» – 16, «змея» – 2, «лошадь» – 21, «коза» – 4, «обезьяна» – 1, «петух» – 11, «собака» – 16, «свинья» – 1). Например, «兔死狗烹» ‘когда заяц убит, из собаки уже не нужно варить похлёбку (*обр.* После успеха в деле надо убить всех, кто в нём участвовал)³, «兔死狐悲» ‘когда заяц погиб, лиса горюет (*обр.* Грустить из-за смерти близкого)’ [现代汉语词典, 2012: 1320–1321]. В русском словаре фразеологизмы есть лишь у четырёх слов: «коза» – 1, «петух» – 4, «собака» – 4, «свинья» – 1. В отличие от русского словаря, в словаре китайском также есть примеры из диалектов, например: «猴儿急» ‘в нетерпении’ [现代汉语词典, 2012: 541]. Восемь китайских словарных статей из двенадцати имеют от одной до пяти иллюстраций из разных диалектов: приведены иллюстрации: «бык» – 2, «тигр» – 1, «змея» – 1, «лошадь» – 5, «коза» – 1, «обезьяна» – 2, «петух» – 1, «собака» – 1.

Национально специфическими китайскими номинациями считаются «бык», «тигр», «дракон», «лошадь», «петух», «собака», но наименования всех двенадцати животных имеют символический смысл. Например, 牛 ‘бык’ не только означает ‘упрямый нрав’ (牛脾气 ‘упрямство’), но и ‘покорность’ (俯首甘为孺子牛 ‘склонив голову, охотно служит детям подобно волу’); 龙 ‘дракон’ в китайской традиционной культуре означает власть и силу, благородство и почёт (в древнем Китае на одежде императоров вышивался дракон, и император назывался 真龙天子 ‘дракон – сын неба’, а его сын – 龙子 ‘детёныш дракона’). 龙 также обозначает счастье и успех (望子成龙 ‘надеяться, что сын станет драконом’, то есть существует надежда на будущие успехи сына). 猪 ‘свинья’, с одной стороны, обладает такими качествами как тупость, лень, прожорливость (懒猪 ‘ленивая свинья’), а с другой стороны, она – смелая и осмотрительная (扮猪吃老虎 ‘притворившись свиньёй, съест тигра’), то есть, вести себя намеренно глупо, чтобы сбить с толку противника и одержать над ним победу) [佚名, 2012].

Итак, проведённый анализ показал, что в китайском словаре двенадцать животных описываются более подробно, чем в словаре русском. Поскольку место слова в словаре отражает место этого слова в системе языка, то можно говорить о том, что эти характеризующие фрагмент языковой картины мира русские и китайские номинативные единицы занимают разное место в системе языка, причём русские номинативные единицы занимают более периферийную позицию, чем китайские.

³ Здесь и далее перевод фразеологизмов на русский язык даётся по электронному словарю [大 БКРС].

Список литературы

- Алпатов В.М.* Что такое картины мира и как до них добраться // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 11–22.
- Алпатов, В.М.* Chto takoe kartiny mira i kak do nih dobrat'sja [What is the picture of the world and how to get to them]. Jazyk. Konstanty. Peremennye. Pamjati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. Saint-Petersburg: Aleteija, 2014, pp. 11–22 (In Russian).
- Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 509 с.
- Voitsekhovich, I.V.* Prakticheskaia frazeologija sovremennogo kitaiskogo iazyka [Practical Chinese Language Phraseology]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 509 p. (In Russian).
- Гаврилюк М.А.* Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник ТГПУ, 2013. № 10. С. 136–140.
- Gavriliuk, M.A.* Zoomorfizmy kitaiskogo iazyka kak sredstvo aksiologicheskoj kharakteristiki cheloveka [Zoonyms of the Chinese Language as a Means to Characterise Humans], *Vestnik TGPU*, 2013, No. 10, pp. 136–140 (In Russian).
- Головня А.И.* Репрезентация фразеологизмов с компонентами, называющими представителей животного мира в русском и китайском языках / А.И. Головня, Юань Фань. Минск: Белорусский дом печати, 2011. С. 114–118.
- Golovnia, A.I.* Reprezentatsiia frazeologizmov s komponentami, nazyvaiushchimi predstavitelei zhivotnogo mira v russkom i kitaiskom iazykakh [Idioms with Components Denoting Representatives of Fauna in the Russian and Chinese Languages]. A.I. Golovnia, Iuan' Fan. Minsk: Belorusskii dom pečati, 2011, pp. 114–118 (In Russian).
- Каримова Р.Х.* Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языка // Политическая лингвистика, 2005. № 16. С. 169–176.
- Karimova, R. Kh.* Semantika zoonimov vo frazeologii nemetskogo i russkogo iazykov [Semantics of Zoonyms in German and Russian phraseology], *Politicheskaia lingvistika*, 2005, No. 16, pp. 169–176 (In Russian).
- Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Учебное пособие / О.А. Корнилов. 4-е изд., испр. М.: КДУ, 2014. 348 с.: табл., ил.
- Kornilov, O.A.* Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov: Uchebnoe posobie [Language pictures of the world as derivatives of national mentality: Tutorial], O.A. Kornilov. 4-e izd., ispr. Moscow: KDU, 2014. 348 p.: tabl., il. (In Russian).
- Михайлова Ю.И.* Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Ю.И. Михайлова, Чжао И // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 168–181.
- Mihajlova, Ju.I.* Kul'turnye konnotacii zoonimov v russkoj i kitajskoj frazeologii [Cultural connotation of zoonyms in Russian and Chinese phraseology], Ju.I. Mihajlova, Chzhao I. *Izvestija UrFU. Serija 2. Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18. No. 4 (157), pp. 168–181 (In Russian).

- Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина, М.: Эксмо, 2011. 928 с.
- Tolkovyy slovar' sovremennoogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of modern Russian language], V.V. Lopatin, L.E. Lopatina, Moscow: Jeksmo, 2011, 928 p. (In Russian).
- Толковый словарь русского языка. Около 1 000 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. СПб.: «Ленинградское издательство», 2012. 1360 с.
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]: Okolo 1000 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij, S.I. Ozhegov; Pod red. prof. L.I. Skvorcova. 27-e izd., ispr. Saint-Petersburg: "Leningradskoe izdatel'stvo", 2012, 1360 p. (In Russian).
- Хао Хуэйминь. Фразеобразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хао Хуэйминь; Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2009. 24 с.
- Khao Khueimin*. Frazeoobrazuiushchii potentsial zoonimicheskoi leksiki v russkom i kitaiskom iazykakh [Idiomatic Potential of Zoonymic Vocabulary in the Russian and Chinese Languages]: extended abstract of candidate's thesis filolog. February. Ufa, 2009, 24 p. (In Russian).
- Ченасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка / Монография. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2003. 267 с.
- Chepasova, A.M.* Predmetnye frazeologizmy russkogo iazyka [Meaningful Idioms of the Russian Language]. Chelyabinsk: Chelyabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2003, 267p. (In Russian).
- Ченкова Т.П. Отаниматические фразеологизмы в языковой картине мира / Ред. К.Р. Гануллин, Г.А. Николаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 2. С. 274–277.
- Chenkova, T.P.* Otanimalisticheskie frazeologizmy v iazykovoii kartine mira [Animalistic Idioms in the Linguistic Worldview]. In K. R. Galiullin, & G.A. Nikolaev (Eds.), Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2006. pp. 274–277 (In Russian).
- 大 БКРС [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/>.
- 现代汉语词典(第6版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 北京: 商务印书馆, 2012. 1790 с. (Словарь современного китайского языка / Отдел по составлению словарей лингвистического исследовательского института при Академии общественных наук Китая. 6-е изд., юбил. Пекин: Commercial Press, 2012. 1790 с.
- 佚名.十二生肖动物的象征意义 (И Минь. Символический смысл изображений животных для обозначения годов 12-ричного календарного цикла) [Электрон. ресурс] / И Минь. 2012. URL: [2012http://edu.xinli110.com/growup/xtlf/201207/8555.html](http://edu.xinli110.com/growup/xtlf/201207/8555.html)

ПАМЯТИ

РОМАН РОМАНОВИЧ ЧАЙКОВСКИЙ (1939–2017)

19 декабря 2017 года закончил свой жизненный путь доктор филологических наук, профессор Роман Романович Чайковский — известный в России лингвист, теоретик перевода, основатель и руководитель школы художественного перевода на Дальнем Востоке. Автор более 300 работ по филологии, теории перевода, лингводидактике, социолингвистике. Профессор кафедры зарубежной филологии в последние годы своей деятельности, ранее он возглавлял кафедру немецкого языка, был деканом филологического факультета Северо-Восточного государственного университета (СВГУ). Как проректор по международным связям он внёс значительный вклад в совершенствование системы высшего образования дальневосточного региона, осуществляя стратегии развития межвузовского научного обмена между СВГУ и университетами и научными библиотеками ФРГ, Франции, США, Китая, Японии и др. стран.

Научный путь Р.Р. Чайковского в лингвистике начался с аспирантуры в МГПИИЯ имени Мориса Тореза. На кафедре лексикологии и стилистики немецкого языка он завершил исследование по теме ««Стилистические функции асиндетической и полисиндетической связи в современной немецкой художественной прозе (к проблеме экспрессивности синтаксиса)» под руководством проф. Э.Г. Ризель, защитив кандидатскую диссертацию в 1972 году. В монографии «Синтаксис и стиль» (1980) изложены результаты изучения стилистических тонов и полутонов в зависимости от синтаксических конструкций и установлены способы их актуализации в пространстве текста.

Закономерно, что от изучения стиля речи он обратился к исследованиям стиля автора художественного произведения и далее от поэтики к поэтике переводческой. Докторская диссертация Р.Р. Чайковского «Реальности поэтического перевода: типологические и социологические аспекты» (1991) была посвящена исследованию поэтики переводов художественных произведений (поэзии и прозы) в паре языков немецкий — русский и русский — немецкий. В. Борхерт, Э.М. Ремарк, Р.М. Рильке, Б.Ш. Окуджава — вот те авторы различных по жанру и стилю произведений, которые были представлены в работах Р.Р. Чайковского во всей своей сути, ведь

«для перевода одного стихотворения нужно знать всего поэта» (С.С. Аверинцев). Это высказывание становится для Р. Р. Чайковского кредо на долгие годы. Свидетельством тому служит книга «Основы художественного перевода» (2008), которая содержит материалы лекций Р.Р. Чайковского. Отличительной особенностью лекций по праву можно считать их критическую направленность по отношению к некоторым теориям художественного перевода, в частности, к тем теориям, которые обусловлены конъюнктурой идеологии. Основным вопросом онтологии перевода автор считает проблему переводимости / непереводимости (глава III). Под переводимостью автор понимает потенциальную способность исходного текста быть максимально полно воссозданным в переводном тексте (с. 102). Соответственно, непереводимость трактуется как «отсутствие возможности передать исходный текст или какие-либо его фрагменты на языке перевода». Отсюда следует вывод о том, что непереводимость – это «проявление максимальной степени сопротивления исходного текста переводу» (с. 102). Проблема сопротивления оригинала переводу на уровне лексики, морфологии, синтаксиса, звукозаписи, стиля получает в данной книге своё воплощение на богатом языковом материале: русском, английском и немецком (сочинения А.М. Горького, К. Бальмонта, М.И. Цветаевой, В.В. Маяковского, А.П. Чехова, А.И. Солженицына, В.М. Шукшина, Б.Ш. Окуджавы; В. Brecht, G. Hauptmann, E. Hemingway, P. Suesskind). Позже, в 2012 г., вышла книга Р.Р. Чайковского «Художественный перевод как форма межкультурной коммуникации (начала теории)», которая способствовала дальнейшему развитию теории художественного перевода.

Особо нужно сказать о том, что Роман Романович снискал глубокое уважение как знаток поэтического языка, разработав основы тщательного семантического анализа оригинального и переводного дискурса. Опубликованы его переводы с немецкого языка на русский стихов Р.М. Рильке и Э.М. Ремарка. Занимался он и переводами с русского на английский, немецкий и украинский. Монография «Истины Булата Окуджавы: работы последних лет» (2006) наполнена воспоминаниями о личных встречах с поэтом. Только исследователь такого масштаба, каким был Р.Р. Чайковский, смог передать иронию и сарказм, смысл тонкого авторского подтекста, что в полной мере присуще неповторимой манере Булата Окуджавы. В монографии приводятся варианты переводов стихов поэта на немецкий язык, которые выполнены Р.Р. Чайковским. Известное стихотворение «Последний троллейбус» в переложении на английском, немецком и украинском языке передают лёгкую грусть и ироничность поэта.

Стараниями Р.Р. Чайковского была основана переводческая школа, ставшая известной благодаря многочисленным исследованиям прозы и поэзии английских, немецких, французских, испанских мастеров художественного слова. С 2000 по 2013 г. Р.Р. Чайковский был главным редактором издаваемого в СВГУ научного альманаха «Перевод и переводчики». Полученные награды и звания венчают Золотая Пушкинская медаль, которой Р.Р. Чайковский был удостоен в 2002 году.

В 2008 году вышел первый номер нашего журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Роман Романович писал: «Появление этой новой серии “Вестника Московского университета” – долгожданный прорыв в области профессионального осмысления проблем теории перевода. Наконец-то начинает выходить журнал, которому суждено – мы в этом уверены – стать общероссийской кафедрой теории перевода. Кафедрой как трибуной передовых идей науки о переводе и кафедрой как объединением всех отечественных и зарубежных переводоведов, преподавателей перевода, переводчиков – всех, кто связал свою судьбу с этой наукой, с этим видом творчества, с этим уникальным ремеслом. Нет сомнения, что профессионализм, талант и объективная позиция членов редколлегии Вашего журнала обеспечат высокий уровень публикуемых материалов. Теория перевода – это наука, которая неисчерпаема...». Он был активным членом редколлегии журнала, автором статей по теории и критике перевода, в которых предлагал свои варианты успешного решения многих насущных вопросов устранения межъязыковых и межкультурных барьеров.

Профессор Роман Романович Чайковский навсегда останется в памяти своих коллег и учеников как блестящий педагог, тонкий переводчик, талантливый исследователь, знаток европейской и отечественной литературы.

Н.Н. Миронова

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета»
Серия 22. Теория перевода» за 2017 год**

	№	С.
<i>Костикова О.И.</i> Наука о переводе в Китае.	3	3
<i>Общая теория перевода</i>		
<i>Воюцкая А.А.</i> Теория принятия решений в трансдисциплинарной науке о переводе	2	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Устный перевод в условиях новых политических и экономических инициатив: теория, практика, дидактика . . .	3	6
<i>Зигмантович Д.С.</i> Эволюция взглядов на устный перевод в западноевропейской научной традиции	4	3
<i>Иванов Н.В.</i> Пять аспектов природы перевода	2	20
<i>Кафискина О.В.</i> Стратегия перевода как термин переводоведения .	1	4
<i>Мишкурин Э.Н.</i> Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть II: «предпонимание» – «понимание»)	4	21
<i>Соколова Н.В.</i> Наукометрический подход как эффективный инструмент анализа современного состояния переводоведения .	4	58
<i>Хуан Ятин, Бай Вэньчан.</i> Переводческая деятельность и механизм мышления переводчика	3	26
<i>Юе Жуйин.</i> Интерпретативная теория перевода в китайской науке о переводе	1	20
<i>Юе Жуйин.</i> Особенности русской школы устного перевода	3	37
<i>Методология перевода</i>		
<i>Буятова Ф.Д.</i> Мафия: проблемы юридического перевода	2	49
<i>Дин Нин.</i> Специфика перевода портретных характеристик героев романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на китайский язык . . .	4	70
<i>Груздев Д.Ю., Груздева Л.К., Аванесова Т.П.</i> Перевод на родной язык с электронным корпусом текстов	1	33
<i>Гу Хонфэй, Ли Сюаньин.</i> О стратегиях русско-китайского устного перевода на основе анализа связности текста	3	50
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н.</i> Трудности при переводе оценочных суффиксов (на материале произведений М.А. Булгакова) . . .	1	52
<i>Лаврентьева Е.К.</i> Перевод слоганов имиджевой рекламы с английского языка на русский	1	64

<i>Тарасова М.А.</i> Один текст – пять произведений: анализ переводов стихотворения «Anyone lived in a pretty how town» Э.Э. Каммингса	.4	80
<i>Торсуков Е.Г., Галичев А.И.</i> Особенности перевода листовок и программ устного вещания	.1	74
<i>Хромова И.А., Токарева Г.В.</i> Стратегии перевода «чужого» (на материале переводов А.Н. Островского интермедий Сервантеса) . . .	.1	85
<i>Цю Ши.</i> Проблемы передачи стилистических особенностей художественных текстов при переводе с русского на китайский язык	.4	95
<i>Ху Гумин.</i> О применении некоторых языковых средств китайского языка при устном переводе с русского языка на китайский . . .	.3	60
<i>Чжу Инли.</i> Непереводимость в процессе художественного перевода с русского языка на китайский	.2	58
<i>Peter A. Schmitt.</i> Перевод, технология, культура: о междисциплинарной природе технического перевода / Translation, Technology, Culture – Remarks on intercultural aspects of technical translation	.1	96
<i>Перевод и языковая политика</i>		
<i>Марусенко М.А.</i> BREXIT и эволюция европейской системы языков . . .	.1	118
<i>Лингвистические и культурологические аспекты перевода и межъязыковой коммуникации</i>		
<i>Алевич А.В.</i> Разум и чувства как равнодействующие сопоставительного изучения языков	.1	135
<i>Борисова Л.В., Иванова А.М.</i> Кластер «дикорастущие растения» в языковой картине мира (русско-чувашские параллели)	.1	144
<i>Ван Цуй.</i> Функциональный анализ китайского наречия “也” и его перевод на русский язык	.3	97
<i>Дун Юнчунь.</i> Знаковые обозначения как способ выражения в интернет-общении	.1	155
<i>Жантурина Б.Н.</i> Конструкции двойного синтаксиса в практике поэтического перевода	.1	16
<i>Соколова Н.В.</i> Синтагматические аспекты словосочетания в призме функционального стиля	.2	73
<i>Юсупова С.М.</i> Ценность свободы во фразеологии	.2	86
<i>Цзя Юннин.</i> Перевод китайской классики Валерием Перелешиним. . . .	.3	108
<i>Дидактика перевода</i>		
<i>Мэн Ся.</i> Синонимическая компетенция как ключ компетенций перевода с родного языка на иностранный: аспект механизма речевого порождения.	.3	69

<i>Царева Н.Ю.</i> Синтаксические параллели как лингводидактическая проблема в теории и практике РКИ при подготовке будущих переводчиков	.3	78
<i>Чжао Хун, Дубкова О.В.</i> Востребованность и подготовка в КНР переводчиков-русистов в период строительства «одного пояса и одного пути»	.3	86

Вопросы терминологии

<i>Балканов И.В.</i> Военная лексика и её отражение в военных переводных словарях (на материале военных двуязычных словарей XX века)	.1	177
<i>Вавжинчик Я., Вержонь П.</i> Как революционизировать технологию составления словарей	.2	94
<i>Кульпина В.Г., Татиринов В.А.</i> О концептуально-теологических и терминографических критериях отбора терминов в словники богословских словарей	.2	105
<i>Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.</i> Специфика перевода терминов антропологии	.2	117

Вопросы терминологии и лексикографии

<i>Бялэк Э.</i> Что такое <i>переводной словарь</i> ? В поисках ответа	.4	103
<i>Цай Хунянь.</i> К проблеме отражения фрагмента языковой картины мира в русском и китайском толковых словарях	.4	124

Хроника научной жизни

<i>Костикова О.И., Алевич А.В.</i> Первый международный форум «Русский язык в мировом контексте и международных организациях»	.1	185
---	----	-----

Памяти

<i>Миронова Н.Н.</i> Роман Романович Чайковский (1939–2017)	.4	133
---	----	-----

Index of Articles and Other Materials
Published in Scientific Journal *Vestnik Moskovskogo Universiteta.*
Seria 22. Teoria Perevoda in 2017

	No	P.
<i>Kostikova, O.I.</i> The science of translation in China	.3	3
General Translation Theory		
<i>Garbovsky, N.K.</i> Interpreting within the Framework of New Political and Economic Initiatives: Theory, Practice, Didactics.	.3	6
<i>Huang Yating, Bai Wenchang.</i> Translation Activities and Thinking Mechanism of Interpreters.	.3	26
<i>Ivanov, N.V.</i> Five aspects of translation	.2	20
<i>Kafiskina, O.V.</i> Translation Strategy as a Term of Translation Studies	.1	4
<i>Mishkurov, E.N.</i> The Hermeneutical Methodological Standard of Translation in the Mirror of Transdisciplinarity (Part II: Preunderstanding – Understanding).	.4	21
<i>Sokolova, N.V.</i> The Scientometric Approach as an Effective Tool of Analyzing the Current State of Translation Studies	.4	58
<i>Voyutskaya, A.A.</i> Decision-making theory in transdisciplinary translation Studies	.2	3
<i>Zigantovich, D.S.</i> Evolution of Research into Interpreting in the Western European Scientific Tradition	.4	3
<i>Yue Ruiying.</i> The Interpretive Theory of Translation in Chinese Translation Studies	.1	20
<i>Yue Ruiying.</i> Features of the Russian School of Interpreting.	.3	37
Translation Methodology		
<i>Buniatova, F.D.</i> Mafia: legal translation issues	.2	49
<i>Din Nin.</i> Translating Portrait Characteristics of the Heroes of <i>Fathers and Sons</i> by Ivan Turgenev into Chinese	.4	70
<i>Gruzdev, D.Y., Gruzdeva, L.K., Avanesova, T.P.</i> Translating into Native Language with Corpora	.1	33
<i>Gu Hong-fei, Li Xuan-ying.</i> A Study of Russian-Chinese Interpretation Based on the Analysis of Discourse Coherence.	.3	50
<i>Hu Guming.</i> The Application of Some Special Chinese Language Means in Russian-Chinese Interpreting	.3	60
<i>Khromova, I.A., Tokareva, G.V.</i> Foreignization Translation Strategies: Translations of Miguel de Cervantes' Interludes by Aleksandr Ostrovsky	.1	85
<i>Lavrentyeva, Ye.S.</i> Translating Image-based Advertising Slogans from English into Russian	.1	64
<i>Qiu Shi.</i> Translating Stylistic Features of Literary Texts from Russian into Chinese.	.4	95

<i>Schmitt, P.A.</i> Translation, Technology, Culture: Remarks on Intercultural Aspects of Technical Translation.	.1	96
<i>Tarasova, M.A.</i> One Text – Five Works: An analysis of the Translations of E.E. Cummings’s Poem <i>Anyone Lived in a Pretty How Town</i>	.4	80
<i>Torsukov, Ye.G., Galichev, A.I.</i> Special Techniques in Translation of Leaflets and Radio Broadcasting Programs	.1	74
<i>Yesakova, M.N., Koltsova, Yu.N.</i> Evaluation Suffixes in Mikhail Bulgakov’s Works: Translation Difficulties	.1	52
<i>Zhu Ying-li.</i> Untranslatability in Russian-to-Chinese literary translation.	.2	58

Translation and Language Policies

<i>Marusenko, M.A.</i> BREXIT and Evolution of the European Language System.	.1	118
--	----	-----

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Alevich, A.V.</i> Reason and Emotions as Constituents of Comparative Language Studies	.1	134
<i>Borisova, L.V., Ivanova, A.M.</i> The “Wild Plants” Cluster in the Linguistic World Image: Russian and Chuvash Parallels	.1	144
<i>Dong Yingchun.</i> Symbols as a Way of Expression in Online Communication	.1	155
<i>Sokolova, N.V.</i> Syntagmatic aspects of word collocations considered from the perspective of functional styles	.2	73
<i>Wang Cui.</i> A Functional Analysis of the Chinese Adverb “也” and Its Translation into Russian	.3	97
<i>Jia Yongning.</i> Valery Pereleshin’s Translations of Chinese Classical Literature	.3	108
<i>Yusupova, S.M.</i> The value of freedom in phraseology	.2	86
<i>Zhanturina, B.N.</i> Double Syntax Constructions under Poetic Translation Practice.	.1	165

Translation Didactics

<i>Meng Xia.</i> Synonymic competence as a key competence in translation from one’s mother tongue to a foreign language: the mechanism of speech generation	.3	69
<i>Tsareva, N.Yu.</i> Syntactic Parallels as a Linguodidactic Problem in the Theory and Practice of Teaching Russian as a Foreign Language to Future Translators	.3	78
<i>Zhao Hong, Dubkova, Olga V.</i> Demand for and Training of Russian Language Translators in the Context of the One Belt One Road Initiative (OBOR).	.3	86

Terminology Issues

<i>Balkanov, I.V.</i> Military Lexis in Military Dictionaries: A Case Study of Bilingual Military Dictionaries of the 20th Century.	.1	177
---	----	-----

<i>Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A.</i> Conceptual, theological and termino- graphical criteria for the selection of terms for theological dic- tionaries	.2	105
<i>Minyar-Beloroucheva, A.P., Pokrovskaya, M.E.</i> Features of anthro- pology terms translation	.2	117
<i>Wawrzyńczyk, Ja., Wierzchoń, P.</i> How to revolutionize the technology of dictionary-making	.2	94

Terminology and Lexicography

<i>Białek, E.</i> Translation Dictionary – What Is It? Looking for an Answer	.4	103
<i>Cai Hongyan.</i> Reflecting a Fragment of the Language World View in Russian and Chinese Explanatory Dictionaries	.4	124

Chronicles of Scientific Life

<i>Kostikova, O.I., Alevich, A.V.</i> The 1st International Forum “The Rus- sian Language in the World Context and at International Organi- zations”	.1	185
--	----	-----

Memory

<i>Mironova, N.N.</i> Roman Romanovich Chaikovsky (1939–2017)	.4	133
---	----	-----

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костинова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Апри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия);

Балью Кристиан, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия);

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания);

Кольцова Юлия Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария);

Маерко Лариса Александровна, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия);

Миранова Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Магасов Роман Александрович, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея);

Торсуков Евгений Георгиевич, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия);

Харацидис Элефтериос Константинович, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия);

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovsky, Nikolai K., Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awais, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);
Alexeeva Irina S., Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *А. В. Изумнов*

Компьютерная верстка *Ю. В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150. Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 20.03.2018. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 8,40. Тираж 100 экз. Изд. № 10 826. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:

vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074—6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2017. №4. С. 1—144.